

ЭРИН НОЭЛЬ
ТО, ЧТО СКРЫТО

Иногда вы достигаете точки, за которой так дальше не может продолжаться, иначе говоря, точки невозврата. В тот день, когда я увидела, как мой муж убивает женщину, беременную его ребенком, я не просто достигла этой точки. Я взорвалась как магазин, полный этих точек, выпущенных пулями из ствола автоматического АК-47. Буквально. Я больше не его американская принцесса, не его рабыня. Теперь я убийца, скрывающаяся от преследования. Меня звали Брайли Картер Оливейра, и такой была история. Это рассказ о женщине, которая вырвалась на свободу, начала все заново и научилась снова доверять мужчине, добровольно подчиняясь.

Эрин Ноэль

То, что скрыто

Переводчики: Ольга П.

Редактор: lessialova

Вычитка: Matreshka

Оформление и обложка : Mistress

It Ends Tonight ~ All-American Rejects

Каждый день я боюсь его возвращения с так называемой работы. Никогда не зная чего ожидать, я надеюсь на лучшее, но готовлюсь к худшему, и другого выхода, кроме как принять неизбежное, что бы это ни было, у меня нет. Я принадлежу мужчине, который заявляет, что любит меня, но с каждым прожитым днем я понимаю, что ему нравится контролировать меня. Он называет меня американской принцессой, но на самом деле испытывает наслаждение, обращаясь со мной как с рабыней. Меня зовут Брайли Картер Оливейра, и вот моя история.

Я сижу за кухонным столом с автоматом на коленях, дико трясущихся от мысли о том, что я собираюсь сделать. Я постоянно напоминаю себе, что другого выхода нет. Бежать не имеет смысла, это как совершить самоубийство, сначала немного помучавшись под пытками. И хотя я никогда не была среди тех, кого он преследовал, я наблюдала за этой погоней столько раз, что уже сбилась со счета. Нет, я должна все сделать так, как задумала, если надеюсь потом сбежать.

Звук открывающейся гаражной двери предупреждает меня, что он дома. Мое сердце бешено стучит в груди, а руки становятся скользкими от пота. Поворачиваясь к двери, в которую он войдет всего лишь через несколько мгновений, я поднимаю громадное оружие, одно из множества, что хранится в кладовой, и направляю его прямо перед собой.

Дверь распахивается. Он стоит в дверном проеме и смотрит на меня. Замешательство мелькает на его лице, но он быстро понимает, что к чему. Он поднимает руки вверх, показывая, что сдается, и больше не делает ни шага.

— *Eu sempre te amarei, minha Princesa Americana* (прим.перев. порт. Я всегда буду тебя любить, моя американская принцесса), — говорит он по-португальски, на своем родном языке, самым нежным голосом, который я когда-либо от него слышала, — *Mesmo depois de morrer* (прим.перев. порт. Даже после смерти).

Я не раз повторяла себе, что не должна позволить ему заговорить, чтобы не поддаться чувству вины и не передумать, потому что боялась, что так и произойдет. Однако его слова о том, что он всегда будет любить меня, даже после смерти, ударили меня как ножом. Ножом, который он вонзил в ту бедную девушку сегодня утром. Слова, как острое лезвие, проткнули мой живот, вот только, в отличие от той девушки, я не носила его ребенка.

— А я всегда буду тебя ненавидеть, — шепчу я, выпуская тридцать свинцовых пуль в его грудь меньше чем за минуту, даже не уверенная, что он слышит эти слова, — даже после смерти.

Меня окутывает спокойствие, и я испытываю необъяснимое чувство отстраненности от ситуации, как будто смотрю на все произошедшее чужими глазами. Это невероятно.

Взяв свой сотовый со стола, я набираю номер, который несколько месяцев назад дал мне федеральный агент. Номер, который, как я думала, никогда мне не понадобится. Он

отвечает на первом же гудке.

— Алло, говорит Диомасси.

— Это Брайли Оливейра, и я только что убила своего мужа.

Глава первая

Mad World ~ Gary Jules

Иногда вы достигаете точки, после которой все не может продолжаться, как раньше. Иначе говоря, точки невозврата. В тот день, когда я увидела, как мой муж убивает женщину, беременную его ребенком, я не просто достигла этой точки. Я взорвалась как магазин, полный этих точек, выпущенных пулями из ствола полностью автоматического АК-47. В прямом смысле. Я больше не его американская принцесса, не его рабыня. Теперь я скрывающаяся от преследования убийца. Мое имя Брайли Картер Оливейра, и вот моя история.

Блейк

«Начни все сначала. Забудь обо всех, кто был тебе дорог, и обо всем, что произошло. Это твой единственный шанс выжить».

Слова маршала Доэрти эхом звучат в моей голове, пока я сижу в оглушающей тишине на незнакомой черной кожаной кушетке.

«Начни все сначала». Я живу в новой квартире, в новом городе, у меня новая работа, новая внешность и даже новое имя. Думаю, этот пункт выполнен.

«Забудь обо всех, кто был тебе дорог, и обо всем, что произошло». Все, кто был мне дорог, мертвы. И нет чертова способа заставить себя забыть все, чему я была свидетелем. Как бы сильно я не старалась, эти картинки всегда будут присутствовать в моих ночных кошмарах.

«Это твой единственный шанс выжить». Мое сердце бьется, легкие перекачивают воздух, но жестокий холод сковал мой дух, оставив душу безжизненной, а мою волю к жизни истощенной. Я напоминаю себе пациента в коме, которого никак не отключат от аппаратов, и неважно, как громко я кричу: «Не спасайте меня!», никто меня не слышит. Мой голос тонет в горах правовых документов и бесплодной надежде правительства уничтожить итальянскую мафию в Чикаго.

Звук захлопывающейся двери соседней квартиры меня пугает, я вскакиваю и бросаюсь проверять все еще чужую для меня гостиную. По пути ловлю взглядом в зеркале над камином незнакомое мне лицо. Мой пульс успокаивается, когда я понимаю, что единственный человек, находящийся в этой комнате со мной, это до смерти напуганная девушка с моими небесно-голубыми глазами.

Я медленно подхожу к зеркалу, чтобы получше ее рассмотреть. Светлые, подстриженные слоями волосы, доходящие до плеч, сменили вьющиеся шоколадные пряди, когда-то каскадом спадавшие по спине. После невольной потери веса высокие скулы стали выступать еще сильнее, а и без того пухлые губы кажутся больше, чем нужно. Теперь глаза. Раньше они были моей самой привлекательной чертой — ярко-голубые радужки, полные жизни, энергии, открытые этому миру, теперь в них только отчаяние, печаль и отрешенность. Боль охватывает меня при мысли о том, что им приходилось наблюдать изо дня в день. Отчаянно мотая головой, я пытаюсь избавиться от воспоминаний, угрожающих вырваться наружу, и девушка в зеркале делает то же самое. Ее безнадежный взгляд говорит о том, что у нее это тоже не получается.

Ничего не получится.

Ничего.

Вздыхнув в отчаянии, я отхожу от каминной полки и направляюсь к барной стойке взять ключи и сумочку. Не стоит опаздывать в первый же рабочий день. Не то чтобы это было очень важно, все равно они не могут уволить меня без одобрения Службы маршалов США, но, по крайней мере, я хочу создать о себе приятное впечатление у нового руководства. Я никогда не была проблемной: когда была моложе, всегда искала одобрения у мамы и учителей и никогда намеренно не попадала в неприятности. Я всегда старалась угодить, доставить удовольствие. Ирония в том, что именно эта черта характера довела меня до жизни, полностью лишенной удовольствий.

На ходу разглаживая просвечивающуюся сиренево-голубую блузку, я торопливо перехожу улицу от парковки к серой башне, в которой расположен офис «ДжДТ График дизайнс». Раннее майское утро в Бербанке бодрит и, кажется гораздо холоднее, чем я рассчитывала. Лучше бы я надела брючный костюм, а не юбку-карандаш, под которой у меня даже волоски на ногах встали дыбом. Когда растешь в городе ветров, [\[1\]](#) то всегда представляешь себе южную Калифорнию солнечным краем с тридцатиградусной жарой круглый год. Но в первый же день, проведенный вне стен квартиры, грозные темные тучи над головой и температура воздуха, вызывающая дрожь, очень соответствующую моему внутреннему состоянию, доказывают, что я ошибалась. Дерьмо везде найдет меня.

Вместе с людской толпой я прохожу через крутящуюся дверь, миную фойе и втискиваюсь в лифт. Пока лифт поднимается, я, стоя у стены, изучаю других людей в переполненной прямоугольной кабине. Большинство из них держат в руках пятидолларовый кофе и не отрываются от экранов смартфонов. Никто из них не разговаривает друг с другом, никто не переглядывается, каждый погружен в свой маленький мир. Интересно, сколько людей изо дня в день пользуются этим лифтом, так и не сказав друг другу ни слова? Меня угнетает, что в современном обществе социальные навыки и способность к простому человеческому общению постепенно приходят в упадок. Моя мама всегда говорила, что я способна разговорить кого угодно. Мне нравилось улыбаться и приветствовать людей, освещать их день радостью, пусть даже на краткий миг. Теперь я опасаюсь заговаривать с людьми или смотреть им в глаза, потому что боюсь, что кто-нибудь из них меня узнает.

Я выхожу из лифта на восьмом этаже и сразу оказываюсь в вестибюле офиса, где расположено мое новое место работы. За большим современным столом стального цвета сидит молодая привлекательная брюнетка с наушниками на голове. Когда я подхожу, она с теплой улыбкой смотрит на меня.

— Доброе утро! Добро пожаловать в «ДжДТ График дизайнс». Чем я могу вам помочь?

Ее энергичный голос звучит искренне, а глаза светятся счастьем. Я надеюсь, это означает, что здесь хорошо работать.

Стараясь также искренне улыбнуться ей в ответ, я тихо отвечаю:

— Хм... Доброе утро! Я Блейк Мартин. Полагаю, сегодня у меня назначена встреча с мистером Томпсоном на 8.30.

Мой голос дрожит от неуверенности, и я тут же начинаю во всем сомневаться. Моя

одежда, волосы, имя, эта работа — все кажется таким неправильным.

— Конечно, мисс Мартин, — щебечет она, — он вас ожидает. Идите вперед по коридору, его офис последний слева.

— Спасибо, — с благодарностью отвечаю я перед тем, как отправиться вперед по узкому коридору.

Звук моих каблуков, цокающих по плитке, напоминает тикающий механизм, установленной на таймер с обратным отсчетом, бомбы, и с каждым шагом я все больше нервничаю. Вот, наконец, я у его кабинета. Перед тем как постучать в дверь, я глубоко вдыхаю и выдыхаю, молясь о том, чтобы все не провалить.

— Входите, Блейк, — зовет он прежде, чем я успеваю дотронуться костяшками пальцев до двери. Наверное, администратор предупредила его о моем приходе.

Повернув ручку потной ладонью, я толкаю дверь и вижу за ней, как мужчина среднего возраста встает из-за огромного компьютерного стола и идет ко мне. Он худой, как щепка, с копной кудрявых рыжих волос и веснушчатым лицом, одет в то, что называется бизнес-кэжуал, а именно в рубашку-поло с длинным рукавом и брюки цвета хаки. Ослепительная улыбка трогает его яркие зеленые глаза, пока он, приближаясь, протягивает мне руку.

— Доброе утро! — приветствует мужчину, крепко пожимая мою руку. — Я рад, наконец, встретиться с вами. Джозеф Томпсон, генеральный директор «ДжДТ Графикс», и мы рады, что вы присоединились к нашей команде.

Его дружелюбие помогает мне немного успокоить нервы, и я постепенно начинаю чувствовать себя лучше.

— Рада знакомству, мистер Томпсон. Я очень ценю возможность работать здесь. Мне всегда нравилось придумывать и создавать, и я надеюсь быть полезной для компании.

Кивком он показывает мне, где мы можем поговорить.

— Садитесь, пожалуйста, и я расскажу вам, чем мы тут занимаемся, и из чего будут состоять ваши обязанности.

Пока мы идем в гостиную зону его кабинета, я с энтузиазмом слушаю, как он объясняет, какими проектами занимается компания и над какими работает в данное время. Большинство из них связано с маркетингом, обычно для коммерческой и печатной рекламы. Но недавно они подписали контракт с «Декер Энтерпрайзис», и теперь будут работать над исправлением их компьютерных игр. Я буду работать ассистентом главного дизайнера, Джей Лью, на этом проекте, помогая всем, чем только возможно.

— Я хочу вас предупредить, Блейк, — говорит мистер Томпсон, — вам иногда придется оставаться допоздна после работы, а то и выходить в выходные, компании поставлены жесткие сроки. Поэтому для меня важно было найти работника, не имеющего семьи, который не спешил бы вечером домой и не мучился чувством вины, задерживаясь на работе. Меня уверили, что для вас это не проблема, но, прежде чем вы начнете, я бы хотел услышать это от вас лично. Мне о вас немного известно, и эта информация не пойдет никуда дальше. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам начать здесь новую жизнь.

— Нет, сэр, мистер Томпсон, — быстро отвечаю я, — ни семьи, ни кого-либо еще, к кому спешить домой. Кроме вашего администратора, вы единственный с кем я говорила с тех пор, как переехала в Калифорнию пару недель назад.

Меня уже проинструктировали, какую информацию сообщили мистеру Томпсону. Он знал, что я вхожу в программу защиты свидетелей и мне нужно начать все заново, больше никаких деталей — для его и моей безопасности — не разглашалось.

— Великолепно! — радуется мужчина, — а теперь разрешите представить вам Джей. Думаю, вы отлично сработаетесь.

Я иду за мистером Томпсоном по коридору до одной из дверей, мимо которых я уже проходила по пути к нему, и мы входим в почти такой же, как у него кабинет. В левом углу комнаты расположена массивная рабочая станция с тремя огромными мониторами, напротив правой стены находится зона отдыха с небольшим холодильником и микроволновкой. Сначала я никого не вижу, но когда мистер Томпсон зовет по имени, из-за картонных коробок, громоздящихся рядом с компьютерным столом, выходит миниатюрная женщина азиатского происхождения.

— Доброе утро, мистер Томпсон! Извините, я закопалась во всех этих обзорах, — объясняет она, усмехаясь.

Обратив внимание на меня, она широко улыбается и подает мне свою маленькую ручку.

— Вы, должно быть, Блейк. Я так рада с вами познакомиться, а еще больше рада, что вы поможете мне со всем этим.

Пожимая ее руку, я опять принуждаю себя улыбнуться в ответ. И это совсем не потому, что мне не нравятся эти люди или это место, как раз наоборот. Просто прошло слишком много времени с тех пор, как у меня были поводы для счастья, и мышцы моего лица совсем разучились улыбаться.

— Рада с вами познакомиться, Джей. С нетерпением жду этого.

— Я вас покидаю. Знакомьтесь, и пусть Джей введет вас в курс дела, Блейк. Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь, спрашивайте. В начале следующей недели мы проведем несколько совещаний, чтобы обсудить наш план наступления.

И мистер Томпсон, сияя, поворачивается и покидает кабинет.

Как только дверь за ним закрывается, я смотрю на Джей в ожидании дальнейших указаний. Все еще улыбаясь, женщина изучает меня с головы до ног, что заставляет меня чувствовать себя очень неуютно. Будучи ростом 167 сантиметров я никогда не считала себя высокой, но рядом с этой миниатюрной статуэткой чувствую себя великаншей. Ее блестящие черные волосы собраны в конский хвост, гладкая ровная смуглая кожа не нуждается в макияже, но она использует немного туши и губной помады, чтобы подчеркнуть свою естественную красоту. Джей одета в стильный черный брючный костюм, дополненный нефритово-зеленым шарфом и золотыми висячими серьгами, я полагаю, что ей лет тридцать-тридцать пять, но могу и ошибаться, потому что уже больше года не была среди обычных людей.

— Я ждала парня по имени Блейк и поэтому приделась сегодня, — признается она, — я молилась о горячем парне в качестве ассистента. Полагаю, я ясно выразилась, что хотела мужчину на этой должности. Боже, черт тебя дери!

Она грозит кулаками потолку и, смеясь, запрокидывает назад голову, а затем указывает следовать за ней.

Не уверенная следует мне отвечать или нет, я иду за Джей к коробкам, за которыми она стояла, когда я первый раз вошла.

— Надеюсь, я не слишком большое разочарование, — кротко отвечаю я.

Резко оборачиваясь, она почти бьет меня в лицо волосами.

— Не глупи, девочка! Я просто дразню тебя. Я на самом деле оделась лучше, чем обычно, на случай, если бы ты оказалась горячим парнем, потому что ты и сама, наверное, знаешь, что второго шанса, чтобы исправить первое впечатление не бывает. Но я не

разочарована. Главное, чтобы мы сработались, это все, что меня волнует. Нам придется проводить много времени вместе, и поэтому прямо-таки придется стать друзьями.

Джей хлопывает меня по руке, стараясь придать мне уверенности, ее глаза смягчаются.

— А теперь я покажу тебе, что нужно делать со всем этим безобразием.

К концу первого дня, боюсь, мои глаза соберутся в кучку от чтения огромного количества обзоров компьютерных игр. Не будучи геймером я и понятия не имела, что бывают люди настолько озабоченные точностью и аккуратностью всех деталей в спортивных компьютерных играх. Мой брат с друзьями проводили много времени в его комнате, играя в X-BOX или PlayStation. Они много кричали, но я думала, что они кричат друг на друга, а не на сами игры. Тем не менее, теперь я знаю, что в бейсбольной игре и в самом деле важно, где у отбивающего расположены руки на бите, натянул или нет определенный игрок свои гольфы до колен, так же как и тысячи других деталей, которые казались мне незначительными. Мы с Джей провели почти десять часов, делая заметку за заметкой из этих обзоров, чтобы решить, какие ошибки наиболее заметны и какие игры сильнее нуждаются в правке.

— Хорошо, дорогая, на сегодня все. Все эти коробки будут ждать нас завтра, — заявляет Джей, когда время приближается к без десяти восемь вечера.

Я начинаю откладывать листы, которые уже просмотрела, оставляя те, которые еще предстоит прочитать, чтобы знать с чего начать утром.

— Здорово, — тихо отвечаю я.

Наш разговор становится более расслабленным. Джей нравится рассказывать о себе, что для меня гораздо проще, и я засыпаю ее вопросами, чтобы вместо этого не отвечать на вопросы о себе. Я ненавижу лгать, но правда в том, что я не могу рассказать ей о своем прошлом. Я никому не могу рассказать. Когда Джей спрашивает меня о семье, я говорю прямо:

— Все мои родственники умерли. Пожалуйста, не проси меня рассказывать о моей прежней жизни, мне каждый раз больно об этом говорить.

К чести Джей, она больше не пытается заводить этот разговор, и весь оставшийся вечер мы обсуждаем музыку и телевизионные программы.

Мы берем сумочки и идем к лифтам. Я замечаю, что в нескольких кабинетах еще горит свет, и делаю вывод, что остаться поработать после окончания рабочего дня здесь является нормой. Зная, что кроме нас тут еще находятся люди, я чувствую себя в относительной безопасности. Хотя и понимаю, что если они меня найдут, для них не будет иметь значения, сколько народу здесь находится. Чтобы добраться до меня, они без малейшего сомнения убьют их всех. При мысли об этом, дрожь опускается по моему позвоночнику.

— Пойдем, что-нибудь перекусим, или тебе надо домой? — спрашивает Джей, когда мы выходим из лифта в главный вестибюль вниз.

Получив достаточно для одного дня социального взаимодействия, я любезно отклоняю предложение и предлагаю вернуться к нему, возможно, в следующий раз. Она понимающе кивает, сожаление мелькает в ее глазах цвета капучино. Поворачивая к своей машине, я

быстро машу на прощание Джей, и мы расходимся у дверей. Все семнадцать шагов, что ведут к моей серебристой «Джетте», я глазами исследую парковку и прилегающую территорию в поисках кого-либо или чего-либо, что бы выглядело подозрительно, понимая, что меня все равно найдут, это только вопрос времени.

Они находят всех.

Глава вторая

Chill in the Air ~ Amos Lee

Блейк

Я живу недалеко от работы, в пригороде Бербанка под названием Вудленд-Хиллз. Вернувшись в свою квартиру, расположенную на третьем этаже многоквартирного дома, я торопливо поднимаюсь по лестнице и открываю входную дверь. Как только я, целая и невредимая, оказываюсь внутри, сразу же закрываю дверь на засов и включаю сигнализацию. Не уверена, что когда-нибудь снова почувствую себя в безопасности, где бы ни находилась, и как бы ни выглядела. Я бросаю сумочку и ключи на кухонный стол и сбрасываю с ног черные туфли на каблуках. Когда пальцы на ногах разжимаются, покинув тиски, в которые я их заковала на целый день, ступни пощипывает от удовольствия. К сожалению, я точно знаю, как они себя чувствуют — это стало историей моей жизни.

С глубоким вздохом я бросаюсь лицом вниз на диван. Мне нужно переодеться, но совсем нет сил. Нужно поесть, но нет аппетита. Нужно покончить с этой хандрой и радоваться тому, что у меня есть, но нет желания. Он сделал это со мной, украл все это у меня. И хотя он заплатил самую высокую цену, я все еще раздавлена и одинока, и все потому, что я влюбилась не в того парня не из той семьи.

Заставляя себя двигаться, я скатываюсь с кожаной поверхности и с глухим ударом приземляюсь на пол, медленно подтягиваю ноги к себе и встаю в полный рост. Я должна праздновать свой первый рабочий день и радоваться возвращению в мир обычных нормальных людей, но это так чертовски тяжело. Шаркая ногами, я иду в ванную, надеюсь, что душ исправит мое настроение. Меньше, чем за минуту я снимаю с себя блузку и юбку, оставляя их бесформенной кучей посреди комнаты, и снова смотрю на себя в зеркало. Не то чтобы я слишком тщеславна — чего у меня точно больше не осталось, так это гордости — я просто не могу перестать изучать свою новую внешность.

Разительное изменение цвета волос напоминает мне о том времени, когда я без спроса покрасила несколько прядей своей темной копны в розовый цвет. Это случилось как раз в мой семнадцатый день рождения, и по маминой реакции могло бы показаться, будто я сделала на лице татуировку или что-то в этом роде. Как только я объяснила, что все смоеется примерно через неделю, она немного успокоилась. Мысленно оглядываясь назад, в прошлое, я думаю, что лучше бы она заперла меня дома под замок или придумала еще какое-нибудь глупое наказание, и тогда тем вечером я бы никуда не пошла с друзьями. И, возможно, никогда бы не встретила его.

К моему большому удивлению, ни я, ни обе мои подруги и понятия не имели о том, что происходит за дверями ночного клуба «Саунд-бар». Вышибала едва взглянул на протянутое ему чужое удостоверение личности, которое я так долго искала, потому что нужно, чтобы на нем была фотография девушки, внешне похожей на меня. Он проводил нас вместе с другими девушками, ожидавшими на леденящем холоде Онтарио-стрит, и при этом одетыми в микро-мини, в и так уже переполненную комнату. Оказавшись внутри, я быстро адаптировалась к окружающей темноте и грохочущей со всех сторон музыке. Только одна из нас, Эшли, раньше бывала здесь. Она схватила нас с Джози за руки и потащила от входа

к бару.

— Ну же, Брайлз, — выговаривала она, когда мы, наконец, протиснулись сквозь толпу у входа и смогли найти немного места, чтобы отдышаться. — Не веди себя как полный новичок. А теперь давайте выпьем по паре шотов, чтобы вы обе немного расслабились.

Пара шотов вскоре превратилась в четыре или пять, и прежде, чем я успела осознать, мы уже прокладывали себе путь на огромный танцпол, чтобы от души потрясти задницами. Пара песен для разогрева помогла быстро втянуться в ритм, и вскоре я уже забыла о людской массе вокруг нас. Существовали только я и две мои лучшие подруги. Мы танцевали здесь так, как танцевали сотни раз дома в своей комнате, лишь мечтая о том, чтобы когда-нибудь попасть в клуб.

Вскоре мы, покачивая в танце бедрами, переместились из правого дальнего угла танцпола в самый его центр. А когда из колонок зазвучала одна из моих любимых песен Ашера, наши тела без раздумий ответили на этот заразительный бит. Мы покачивались, извивались, кружились и изгибались, наши движения были согласованы, мы идеально подходили друг дружке, как кусочки пазла. В какой-то момент Эшли отделилась от нас и пошла танцевать с одним горячим парнем, который подошел к ней сзади, а мы с Джози продолжили наш танец, твердо сохраняя границы между чувственностью и грязными обжиманиями. К концу песни эротические разряды пронзали меня с ног до головы. Поэтому, когда большая мужская рука обхватила меня сзади, уверенно расположившись на моем подтянутом животике, я не раздумывала дважды.

Полчаса спустя я уже находилась в ВИП-зоне в качестве гостя, удобно устроившись рядом с темноволосым кареглазым парнем с прекрасной смуглой кожей, который проводил меня с танцпола и предложил бутылку воды, чтобы охладиться. Следующие несколько часов мы провели вместе, болтая и целуясь взад-вперед на мягких диванчиках. Все это время я предполагала, что это встреча на одну ночь, и больше мы никогда не увидимся. Мои подруги рассказывали, что именно так это и происходит. Мы не узнали друг у друга даже фамилий, только имена, не говоря уже о другой личной информации, и в ту ночь, засыпая в кровати Эшли между двумя своими подругами, я хихикала над тем, как хорошо целуется Ис, сокращенно от Исмаэл, и как он и его друзья похожи на итальянских мафиози. И даже не представляла себе, как убийственно точно была права.

Железный привкус крови во рту вырывает меня из воспоминаний. Я так сильно сжимаю зубами внутреннюю сторону щеки, что прокусываю ее до мяса. Горько вздыхая, я подхожу ближе к зеркалу в ванной, чтобы получше рассмотреть рану. К счастью, все не так уж плохо, только нужно будет после душа промыть ее физраствором. Не в первый и не в последний раз, когда ужасные воспоминания захватывают и подчиняют мой разум, я наношу себе телесные повреждения. Мой психотерапевт считает, что это мой способ наказать себя за то, частью чего я была. Я же думаю, что боль ассоциируется у меня с ним на всех уровнях сознания. В любом случае я все еще не научилась контролировать свои действия во время этих приступов и могу только надеяться на то, что мне удастся причинить себе лишь минимальный вред, и на то, что это случится, когда я буду одна.

Оттолкнувшись от столешницы, я иду в душ и включаю горячую воду на полную мощность. Трусики и бюстгальтер присоединяются к остальной одежде на полу, и я поспешно захожу в стеклянную кабинку, позволяя обжигающе горячей воде литься на бледную кожу. На несколько коротких мгновений, пока я тщательно тру свое тело, я

чувствую себя чистой, но это длится недолго. Как только я покидаю благословенное убежище душа, ощущение собственной испачканности, запятнанности возвращается. Но, возможно, однажды...

Надев пижаму, я разогреваю замороженного цыпленка с брокколи под соусом альфредо и равнодушно поглощаю его, радуясь тому, что мне удастся удержать его в желудке. Вся еда для меня теперь на вкус одинакова: текстура и консистенция различаются, но я едва ли могу назвать пищу, которую мой мозг посчитал бы вкусной. Я ем, чтобы не умереть с голоду, обычно разогреваю готовые замороженные блюда и запихиваю их в себя. Я уже и забыла, когда последний раз готовила по-настоящему за последние восемнадцать месяцев. Сегодня не исключение. Таблетка со снотворным легко скользит вниз по горлу, сопровождаемая водой со льдом. Это теперь мой десерт и единственное любимое блюдо из всего ужина. Выбросив мусор и загрузив посудомойку, перед тем, как идти спать, я в последний раз осматриваю квартиру, чтобы убедиться, что все замки заперты, а сигнализация включена. Погружаясь в сон, я молюсь о защите и отсутствии сновидений.

Глава третья

I'm Not the One ~ The Black Keys

Мэдден

Перекатившись по кровати, я со всего маху бью рукой где-то в районе тумбочки, чтобы остановить чертов будильник, предупреждающий, что пора вставать, но с удивлением замираю, когда мой локоть касается лежащего рядом тела. Мои глаза тотчас открываются, а мозг немедленно начинает проигрывать события вчерашнего вечера. Но, как только я замечаю светло-рыжие пряди, разметавшиеся по подушке, понимаю, что это всего лишь Эмерсон. Бл*дь, слава богу! Мне и правда уже пора следить за тем, сколько я пью на мероприятиях, или я закончу с еще одной Полли. Или с кем похуже.

— Доброе утро, красавчик, — хрипит она, стараясь, чтобы голос звучал сексуально, но вместо этого он звучит как у курильщика с тридцатилетним стажем. Не теряя времени, ее руки находят мой утренний стояк, который она считает реакцией на пробуждение рядом с ней, а не просто моим обычным утренним состоянием.

Убирая ее блуждающие пальцы от моего члена, я резко сбрасываю ноги с кровати и встаю.

— Доброе утро, Эм, на это нет времени. У меня встреча в девять, не говоря уже о том, что ты тоже должна быть в офисе. И мне нужен Истон, чтобы узнать, что, бл*дь, происходит с тем новым проектом, в который он нас втянул.

— Не похоже, что его день сегодня расписан, — отвечает она, глядя прямо на мою эрекцию. — Я думаю, он сначала хочет немного поиграть. Кого волнует, если мы опоздаем? Ты босс.

— С ним будет все в порядке, когда я отолеку. И да, меня волнует, — возражаю я, спокойно направляясь в ванную. — А теперь поднимай свою задницу и иди на работу. И хотя вы с моим братом ведете себя в точности наоборот, это, бл*дь, реальный бизнес, которым кто-то должен заниматься.

Она бормочет что-то о том, что лучше бы она пошла домой с Истоном, но я не достаиваю ее ответом. Иногда я и сам удивляюсь, почему терплю ее болтливую задницу, а затем вспоминаю, именно поэтому — из-за ее рта и ее задницы.

Стараясь побыстрее разделаться с утренним туалетом, я меньше чем за пятнадцать минут бреюсь и принимаю душ, так как хочу пораньше добраться до офиса и просмотреть перед встречей кое-какие данные. Я морально готовлюсь к тому, что меня ждет, когда появлюсь из ванной, но, к счастью, она ушла. Надев темно-синий костюм от Гуччи со светло-голубой рубашкой, я, перескакивая через ступеньки, спешу вниз по лестнице на кухню. Мой черный кофе, сваренный в точности, как я люблю, уже ждет меня на деревянной столешнице кухонного островка в любимой термкружке. И все благодаря Саре, лучшей домработнице, известной мужской половине человечества.

— Спасибо, Сара, и доброе утро, — кричу я, не зная точно, где она сейчас находится. — Буду дома к ужину, и, пожалуйста, смени к этому времени постельное белье.

— Buenos Días, Señor Decker, у siempre (прим.перев. исп. Доброе утро, сеньор Декер, и непременно), — отвечает она со своей неизменной улыбкой, когда выходит в комнату из прачечной. — Вас будет ждать хорошая еда, сэр.

Я хватаю бумажник, телефон и ключи и распихиваю их по карманам, затем по пути к задней двери беру кружку и протеиновый батончик.

— *Adiós, mi amor* (прим.перев. исп.Прощай, моя любовь).

И, прежде чем исчезнуть за дверью, посылаю ей свою самую очаровательную улыбку.

К трем часам дня становится ясно, что поужинать сегодня дома мне не суждено, по крайней мере, в положенное для ужина время. Я уже попросил свою секретаршу Кэролайн передать Саре, чтобы та поставила в холодильник все, что приготовила, сегодня вечером я поем где-нибудь еще. Как бы то ни было, следующие несколько часов я анализирую отчеты и оцениваю тенденции компаний, выпускающих компьютерные игры, то есть занимаюсь проектом, над которым, как предполагается, должен усердно и энергично трудиться Истон, мой брат и так называемый деловой партнер. Несмотря на его уверения о том, что отчет будет готов к следующему понедельнику, я не совсем представляю, как он собирается его закончить, разрываясь между гольфом, скачками и покером с высокими ставками в загородном клубе, где он, в сущности, проводит большую часть своего времени, как дней, так и ночей.

Ворча про себя, что некоторые вещи никогда не меняются, я переключаю внимание на компьютерный экран в надежде узнать волшебную формулу, которая позволит нам конкурировать с такими гигантами, как «ЭА Спортс» и «Зиндеджи». С самого первого обсуждения возможности выхода «Декер Энтерпрайзиз» на рынок видеоигр я был против этого, указывая, что это потеря времени и денег. И вот теперь я сижу здесь по колено во всем этом дерьме, пока Истон где-то развлекается.

— Мистер Декер, — звонит по телефону Кэролайн, — здесь мисс Листер, она хочет вас видеть.

Мне очень хочется сказать Эмерсон, что слишком занят для ее дерьма, но я решаю, что будет лучше, если она услышит это из моих уст. К тому же я знаю, что моя уже немолодая секретарша не сможет повторить то, что я собираюсь сказать, да и не должна.

— Пусть войдет.

Через несколько мгновений в моем кабинете открывается дверь из красного дерева, и Эмерсон, затянувшая свою изящную женственную фигуру в облегающее ярко-красное платье, и в подходящих по цвету туфлях на каблуках и с губной помадой, проскальзывает внутрь. Пока она молча и не спеша идет к моему столу, я никак не могу решить, мне хочется выбить или вытрахать это самодовольное выражение с ее лица. Она садится на кожаный стул прямо напротив меня и призывно улыбается.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь, Эм? — спрашиваю я, обеспокоенно взглянув на нее, а затем поворачиваюсь обратно к монитору.

Скрещивая и разводя ноги, чтобы дать мне полный обзор киски, в которую я погружался всего лишь несколько часов назад, она закусывает губу, полагая, что этим соблазняет меня.

— Я тут подумала, может быть, тебе следует взять небольшой, но возбуждающий перерыв в работе.

Опять эта чертова хрипотца в голосе. Я знаю эту девчонку уже почти пятнадцать лет, и она никогда так не разговаривала. Может, она начала курить сигары, или может быть...

— Ты случайно не заболела? Я не могу сейчас позволить себе подхватить какую-нибудь чертову простуду или грипп, — рывкаю я на Эмерсон и уже думаю о том, что мне следует позвонить доктору Джонсону по поводу рецепта на лекарства. — Скажи спасибо своему боссу, которого никогда не бывает на месте, благодаря ему у меня сейчас, бл*дь, куча работы, которую надо сделать.

— Нет, я не больна, — вопит она на меня уже своим нормальным голосом, — и он твой чертов брат! Я не могу заставить его появляться на работе. Я делаю то, что мне говорят. Так обычно работают начальник и подчиненный, Мэдден.

Глубоко вдохнув, чтобы успокоиться, потому что действительно не хочу сейчас выяснять с ней отношения, я говорю:

— Послушай, на меня сейчас все так навалилось, я, в самом деле, очень обеспокоен тем, что происходит с новой компанией, которую мы купили по настоянию Истона. И это помимо всего остального, чем мне еще ежедневно приходится заниматься.

Я замолкаю, чтобы выдохнуть и тем временем придумать, как бы потактичнее от нее избавиться.

— Мне жаль, что я набросился на тебя. Я знаю, что ты не можешь его контролировать, да и никто не может, но мне действительно нужно немного побыть здесь одному, чтобы сделать хоть часть работы.

Эмерсон обиженно надувает губки, при этом ее нижняя губа сильно выпячивается вперед, что выглядит скорее раздражающе, чем привлекательно, но, к счастью, она поднимается, чтобы уйти.

— Я понимаю и тоже сожалею, что повысила голос. Я посмотрю, что можно сделать, чтобы Истон проводил здесь больше времени, и тоже просмотрю часть отчетов. Я всегда на месте, что бы тебе ни понадобилось.

Покачивая с каждым шагом своей соблазнительной задницей, она направляется к двери. Я улыбаюсь про себя, когда одна мысль приходит мне на ум.

— Скажи моему брату, что на тебе нет трусиков, тогда он точно быстро сюда примчится, — кричу я ей, поддразнивая.

Эмерсон останавливается на полпути, но не поворачивается.

— Он уже знает. Он здесь позавтракал, перед тем как отправиться играть в гольф, — елевым тоном парирует она, прежде чем продолжить свой путь, уже не заботясь о походке.

Я искренне смеюсь над ее неуклюжей попыткой заставить меня ревновать. Как будто мне не все равно. Единственная причина, по которой я так долго ее трахаю, это то, что наши отцы лучшие друзья, она обычно не устраивает сцен, и я знаю, что она со мной не из-за денег. И да, ее рот и эта задница.

Глава четвертая

Brave ~ Sara Bareilles

Блейк

Моя первая рабочая неделя пролетает почти незаметно, несмотря на долгие часы, проводимые на работе. Я благодарна за то, что попала в «ДжДТ Графикс», и к утру пятницы уже полностью вхожу в курс дела, с нетерпением ожидая начало нового рабочего дня. Мистер Томпсон замечательный работодатель, постоянно вдохновляющий и подбадривающий всех своих сотрудников. Мне нравится, что он не из тех, кто просто сидит в своем кабинете и раздает поручения. Он всегда держит руку на пульсе, возможно, поэтому наша компания столь успешна. Большую часть дня он вместе с подчиненными, с ним можно сразу же обсудить вопросы и предложения по любому нашему проекту.

Теперь Джей. За те несколько дней, что ее знаю, я уже восхищаюсь ею. Она не только сосредоточена на карьере, еще она остроумна и весела, и время, проведенное с ней, пролетает незаметно. С каждым днем я замечаю, что предпочитаю находиться с ней в офисе, а не дома в одиночестве. Проект, над которым мы работаем, занимает мой мозг, а ее забавные истории заставляют меня смеяться — так я бегу из личного ада, в который попадаю каждую ночь.

Пять часов вечера наступают незаметно. Театральным жестом, бросая коробку на пол, Джей смотрит на меня и объявляет:

— Пора на выход, моя девочка, и я настаиваю, чтобы сегодня ты пошла со мной посидеть где-нибудь после работы.

Нерешительно я смотрю через весь кабинет туда, где она, держа руки на бедрах, стоит и строго смотрит на меня.

— Даже не смей опять отказываться. Бери свою сумочку и пошли. Я за рулем.

Часть меня, на самом деле большая часть, хочет пойти. Мне бы и правда хотелось сделать следующий шаг на пути к нормальной жизни, но страх, что кто-нибудь может меня узнать, притаившийся в дальнем уголке моего сознания, заставляет руки потеть, а сердце пуститься вскачь. Я понимаю, что не могу провести остаток жизни, перемещаясь исключительно между работой и домом, но попытка выбраться из этого замкнутого круга может заметно сократить мой «остаток жизни».

Я еще не ответила Джей, а она уже торопливо наводит везде порядок и собирает вещи. Наконец мне удается вымолвить:

— Не уверена, что смогу. Мне нужно...

— Ничего тебе не нужно, Блейк, — резко обрывает она меня, — просто пойти, выпить со мной по паре бокалов и что-нибудь перекусить. Мне известно, что каждый вечер ты возвращаешься домой в пустую квартиру, уже не говоря о том, что ты никого здесь не знаешь. Поэтому я настаиваю, чтобы ты пошла со мной. Я не вынесу, если твое одиночество будет на моей совести, к тому же, ты мне нравишься. Давай, пошли.

Я забираю со стола сумочку. Похоже, меня никто не спрашивает, к черту страхи. Я не хочу отталкивать единственного в своей жизни человека, которого с большой долей вероятности могла бы назвать другом. Поэтому, следуя за ней, я покидаю кабинет, спускаюсь на лифте и выхожу на чуть теплый калифорнийский воздух. Как только мы

садимся в ее просторный внедорожник «Инфинити», она поворачивается ко мне и тепло улыбается.

— Спасибо, что согласилась пойти. Тебе нужно отпраздновать окончание своей первой рабочей недели. Ты этого заслуживаешь.

Кивая головой в знак признательности, я откидываюсь на спинку кресла, когда мы выезжаем с парковки. Она включает радио, чтобы заполнить неловкое молчание, и как будто сама судьба управляет рукой диджея, первая же песня, звучащая из колонок, оказывается последним хитом Сары Бареллис «Brave». Джей, понимая улыбаясь, украдкой смотрит на меня, а затем начинает во всю глотку подпевать, как бы убеждая меня саму стать храброй. Я могу только надеяться, что однажды смогу сделать то, о чем поется в песне, и немного света проникнет в темницу, в которой я живу.

После короткой поездки — слава богу, уже без аккомпанемента таких актуальных в моей ситуации песен — мы останавливаемся у одного уютного местечка, на котором большими буквами написано «НАЛИВАЕМ», а стрелка над окном указывает, что мы находимся у заведения под названием «У Тони». И опять я следую за Джей. Мы покидаем машину, заходим внутрь и попадаем в спокойную, расслабленную, почти домашнюю атмосферу гриль-бара. Я сразу же сканирую взглядом помещение на предмет того, кто бы выглядел здесь чужеродно. Я, конечно же, понимаю, что совсем не обязательно узнаю своего убийцу в лицо. Несколько человек мельком смотрят на нас, но быстро возвращаются к своим разговорам и выпивке. Барная стойка расположена по правую сторону большого прямоугольного помещения, а столики рассыпаны по левую. Все вокруг сделано из дерева: мебель, кабинки и даже стены. Я сразу вспоминаю дом своей мамы, такой гостеприимный и дружелюбный, где тоже было много дерева. От воспоминаний о ней и моем брате у меня мгновенно образуется ком в горле. Внезапно Джей берет меня за руку и тянет к бару, одновременно вытаскивая из моих навевающих грусть мыслей, и про себя я благодарю ее. Если бы я, придя сюда, через две минуты разразилась рыданиями, на моей попытке быть храброй, можно было бы немедленно ставить крест.

Найти рядом два свободных места у барной стойки — задача не из легких. Судя по обилию людей в деловых костюмах и полупустым пивным бокалам, многие здесь, как и мы, отмечают окончание рабочей недели. Темноволосый парень, сидящий между двумя пустыми барными стульями, замечает наше затруднение и предлагает пересесть вправо, чтобы мы могли устроиться рядом. Поблагодарив его, мы взбираемся на соседние стулья и внимательно изучаем пивное меню. Я почти никогда не употребляла спиртное, кроме тех случаев, когда приходилось пить вино за ужином. К тому же, учитывая, что мне всего двадцать два, и я могу на законных основаниях покупать алкоголь всего лишь чуть больше года, я даже не представляю, что мне может понравиться.

— Что мне заказать? — немного смущенно шепчу я Джей.

— Ты любишь пиво? — беззаботно отвечает она.

— Не уверена. Я пила его всего лишь пару раз, и то очень давно.

— Я обычно беру грушевый сидр, он легкий, фруктовый и хорошо освежает. Давай начнем с него.

Я киваю бармену, когда он проходит мимо нас, и Джей делает заказ. Пока мы ждем свою выпивку, я еще раз внимательно осматриваю бар в поисках того, кто бы выглядел подозрительно или вызывал во мне беспокойство. Несколько человек заставляют меня приглядеться к ним повнимательнее, но все они в ответ на мой пристальный взгляд лишь с

улыбкой смотрят на меня и возвращаются к своим занятиям.

— Впервые здесь? — мужской шепот в ухо пугает меня почти до сердечного приступа.

Я немного поворачиваюсь на стуле, чтобы посмотреть, кто это, все еще не веря, что ко мне действительно кто-то обращается. Привлекательный парень лет двадцати пяти-тридцати стоит между мной и женщиной, сидящей слева от меня, и широко мне улыбается.

— Это так заметно? — застенчиво спрашиваю я, не зная, что сказать.

— Вы выглядите немного напряженно, поэтому я решил подойти и поздороваться. Можно сказать, я тут частый гость, особенно по пятницам, и уверен, что никогда раньше вас здесь не видел, — дружелюбно объясняет он. — Кстати, меня зовут Грег.

Он протягивает мне руку, и я, все еще с опаской, поспешно пожимаю ее. Я не хочу показаться грубой, но от прикосновения незнакомца чувствую себя очень неудобно.

— Меня зовут Блейк, а это моя подруга и коллега Джей, — объясняю я, немного отклоняясь назад, чтобы они могли пожать друг другу руки.

— Рад познакомиться с вами обеими. Леди, может, вы присядете за наш с друзьями столик? — он показывает туда, где несколько столов составлены вместе, и пять или шесть человек сидят с напитками перед собой. — Мы были бы рады угостить вас.

Моей первой реакцией было отказаться, но прежде чем мне удастся произнести хотя бы звук, Джей уже отвечает:

— С удовольствием, не правда ли Блейк?

Бармен ставит перед нами бокалы, наполненные янтарной жидкостью, Грег смотрит на него и говорит:

— Поставь их на наш столик, Билли, и все, что еще захочется девушкам.

Опять меня никто не спрашивает, и я иду за ними к небольшой группе людей, которые теперь внимательно смотрят на нас. Грег представляет нас своим друзьям, хотя из-за нервов, скручивающих желудок, и диких мыслей, проносящихся в голове, я сейчас не способна запомнить ни одного имени. Несколько человек пересаживаются поближе друг к другу, освобождая нам место, и первые минут пятнадцать я сижу тихо, поглощая свой сидр быстрее, чем следовало бы, и надеясь, что никто не будет задавать мне вопросов.

— Итак, Блейк, откуда ты?

Вот черт! Я отрываю взгляд от бокала, чтобы посмотреть, кто задал мне вопрос. Все за столом смотрят на меня, поэтому теперь этого уже не узнать. К собственному удивлению, осмелев от выпитого, я внутренне собираюсь и отвечаю:

— Я родилась на востоке, но уже почти месяц живу в Вудленд-Хиллз.

Все за столом внимательно меня слушают. К моему облегчению, Джей начинает рассказывать о нашей работе и о том, как мы недавно познакомились, и больше никто не выясняет подробностей моего прошлого. Я ненавижу обманывать и знаю, что должна держать наготове убедительный и последовательный рассказ о своей жизни, если хочу, наконец, начать общаться с людьми. Даже если открыть правду, в нее все равно никто бы не поверил.

Следующие несколько часов мой бокал не пустеет, вокруг мелькают тарелки с жареной едой, разговоры вокруг не прекращаются. Грег и все его друзья кажутся очень милыми, и мне, как и Джей, нравится проводить с ними время. Тем не менее, мне все еще трудно перестать держаться настороже, расслабиться. В какой-то момент Джей наклоняется ко мне и шепчет мне в ухо:

— Ты кого-то ждешь?

В замешательстве хмуря брови, я качаю головой.

— Нет, а что?

— Просто каждый раз, когда открывается дверь, ты смотришь, кто вошел, — вопросительно глядя на меня, отвечает она.

Я даже не осознаю своих действий, и в надежде, что она не будет продолжать расспросы, отвечаю:

— Я хочу знать, с кем нахожусь в одном помещении.

— Понимаю, — отвечает Джей и многозначительно улыбается. Уверена, она считает, что я имею в виду мужчин, и в каком-то смысле она права, только причины у меня для этого совсем не те, что она подозревает.

Когда мое лицо начинает пылать, а желудок жестоко крутить, я понимаю, что пришло время отправляться на боковую. К счастью, наши с Джей биологические часы совпадают, и она объявляет за столом, что нам пора идти. Обменявшись со всеми любезностями и попрощавшись, мы поднимаемся из-за стола и собираемся уходить. Тут Грег вдруг резко встает с места и заключает меня в объятия, обвивая руки вокруг моих плеч. Этот неожиданный жест пугает меня, я инстинктивно прижимаю ладони к его груди и отталкиваю его.

— Прости, — одновременно произносим мы. Я смущена своей грубостью.

Пытаясь сгладить неловкую ситуацию, он мягко гладит меня по ладони.

— Было приятно познакомиться с тобой, Блейк. Надеюсь тебя еще здесь увидеть.

Я сдержанно улыбаюсь и киваю.

— Я тоже, — это все, что мне приходит в голову.

Все десять минут нашего пути Джей поддразнивает меня по поводу Грега и его невероятно неуклюжих объятий, а затем высаживает меня у машины.

— Еще раз спасибо, что пошла со мной. Надеюсь, ты хорошо провела время.

— Да, хорошо, — заверяю я ее. — Мне, и правда, нужно было сделать что-то подобное.

— Хорошо. Тогда повторим в следующую пятницу, — коварно улыбаясь, замечает она.

Не забудь в понедельник принарядиться, и будь готова на все сто. У нас встреча с большими шишками из «Декер Энтерпрайзиз».

— Буду. Хороших выходных.

Торопясь, я бегу до машины и проскальзываю на водительское сидение, миглом блокируя двери. Мысленно поблагодарив бога за то, что добралась до дома целой и невредимой, я понимаю, что, вероятно, мне следовало поймать такси, а не самой садиться за руль. Затем я принимаю душ и ложусь спать. Уже лежа в постели, я тихо радуюсь, что сегодня вечером тоненькому лучику света удалось пробиться сквозь суровую тьму, окружающую меня, как плененного зверя.

Глава пятая

I See Fire ~ Ed Sheeran

Блейк

Несмотря на то, что вечер пятницы был шагом в правильном направлении, выходные стали двумя огромными шагами назад. В субботу днем я настолько осмелела, что решила съездить в большой торговый центр, чтобы подобрать себе что-нибудь для рабочей встречи в понедельник. Но, когда я, совершив покупки, не смогла найти на парковке свою машину, у меня началась паническая атака. Я настолько сильно бессознательно вонзила ногти себе в ребра, что кровь из царапин просочилась даже через блузку. В конце концов, один из охранников, патрулирующих территорию, нашел меня, свернувшуюся калачиком на тротуаре, всю в крови, трясущуюся от рыданий. Сначала он подумал, что меня кто-то избил, и настаивал, чтобы я обратилась в полицию, но после того, как я в тысячный раз заверила его, что это не так, он возил меня по парковке, пока я, наконец, не обнаружила свою машину.

Той же ночью мне нанес недружественный визит один из моих самых худших часто повторяющихся кошмаров. Те, что связаны с моей мамой и Брэндоном, самые тяжелые, по большей части потому, что я могу себе только представить, что именно с ними произошло.

Запертая на темном чердаке в доме моей мамы, я слышу, как они оба зовут на помощь, прося о жалости и моля о милосердии. Я снова и снова пытаюсь открыть дверь, чтобы помочь им, предложить вместо них себя, какой бы ужасной пытке их не подвергали, но все без толку. Физически вымотанная, я падаю на пол и слышу голос Иса: «Если бы ты не расстроила меня своими поступками, я бы не причинил боли другим. Это все твоя вина, minha Princesa Americana» (прим.перев. порт. Моя американская принцесса).

Я безумно ищю его глазами, чтобы умолять заставить тех, кто мучает мою семью, остановиться, но вижу, что я в комнате одна. Я вынуждена сидеть там и слушать их стоны, пока они, наконец, не затихают. Мне остаются только воспоминания о письме, оставленном на месте преступления.

Пусть это будет предупреждением тебе, Брайли. Ты отняла у меня сына, поэтому я забрал тех, кто больше всего тебе дорог, но я не успокоюсь, пока ты не присоединишься к ним. Ты связалась не с тем человеком.

Я могу простить себя за многое в жизни, но никогда не прощу себе того, что из-за меня их жестоко пытали, а затем убили. Мысль об этом заставляет меня всем сердцем желать вернуть все назад, продолжать жить с ним своей жалкой, преисполненной насилия жизнью, лишь бы моя семья была жива. В тот день, нажав на курок, я неосознанно решила их судьбу. Я была слишком эгоистична, чтобы подумать о чем-то, кроме спасения собственной жизни от последствий принятых мною когда-то ужасных решений, и даже не задумывалась о возмездии, ожидающем тех, кого я любила. Он часто повторял, что его жестокость, насилие и пытки по отношению к другим людям — это моя вина. Но я знала — он был просто больным на голову. И все же то, что случилось с мамой и Брэндоном после его смерти,

целиком и полностью на моей совести.

В воскресенье утром я проснулась с разорванной в клочья губой, которую я бессознательно разжевала во время своего беспокойного сна. Царапины на боках можно легко спрятать под одеждой, но скрыть опухшую, посиневшую губу невозможно. Мои коллеги знают, что я живу одна, так что я надеюсь объяснить эту рану собственной неуклюжестью. У меня, правда, нет других объяснений.

Проснувшись в понедельник немного пораньше, чтобы подготовиться к важной встрече, я замечаю, что губа выгладит хуже, чем вчера, если это только возможно. Синяк стал насыщенно лиловым, к нему добавилась еще и корка от запекшейся крови. Хмуро смотря на свое отражение, я надеюсь, что мой внешний вид не отвлечет Джей от презентации, над которой мы вместе так усердно работали всю последнюю неделю. Поэтому я должна сделать так, чтобы остальная часть меня выглядела настолько безупречно, насколько это вообще возможно. Я трачу больше времени, укладывая свои химически осветленные волосы большой круглой щеткой, чтобы придать им дополнительный объем и блеск, и наношу больше косметики, чем обычно в последнее время, стараясь остаться при этом естественной и подчеркнуть редкий цвет глаз.

Мы провели небольшое исследование относительно «Декер Энтерпрайзиз» и узнали, что представлять наши идеи будем Истону Декеру, сопредседателю и первому вице-президенту компании, и его команде. Он возглавляет в компании новое подразделение, занимающееся видеоиграми. Гугл говорит, что он водит дружбу с элитой Лос-Анжелеса, и в подтверждении выдает на запрос о нем множество его фотографий с бесконечным количеством необыкновенно красивых женщин на красных ковровых дорожках с разных мероприятий, кинопремьер и в ночных клубах. Зная, что он предпочитает привлекательных женщин, делая покупки для этой встречи, я старалась приобрести наряд, который был бы на грани сексуальности, но оставался бы при этом элегантным. Почти ополовинив свой недельный заработок, я остановилась на небесно-голубом деловом костюме, состоящем из облегающей юбки длиной чуть выше колена и коротком жакете. Под него я подобрала шелковую блузку чуть более светлого оттенка с достаточно глубоким вырезом и шелковый шарф с геометрическим рисунком, который свободно повязала вокруг шеи. На то, чтобы одеться в обновки и обуться в пару туфель телесного цвета, у меня уходит немного времени. Еще раз взглянув на себя в зеркало, я выхожу из дома с незнакомым чувством предвкушения, вихрем проносающимся по всему телу.

Когда я прибываю в офис, Джей уже там. Чтобы заполучить этот контракт, она оделась в струящееся однотонное черное платье и четырехдюймовые шпильки. Ее лицо загорается, как только она видит, как я переступаю порог кабинета.

— Боже мой! Ты выглядишь потрясающе, Блейк, — возбужденно восклицает она. — Я имею в виду, что я, конечно, знала, что ты не только красива, но и сексуальна.

Немного смущенная, я кротко улыбаюсь и подхожу, чтобы обнять ее.

— Спасибо, Джей. Я хотела произвести на этих ребят хорошее впечатление.

Она крепко сжимает меня в объятиях и смеется.

— О да, ты произведешь впечатление. Я только не уверена, что они смогут оторвать от тебя взгляды и обратить внимание на презентацию.

Внезапно мне приходит в голову, что, возможно, этот наряд неподходящий или слишком вызывающий. Я смотрю вниз на себя, чтобы еще раз оценить его. Когда я покупала этот костюм пару дней назад, он казался мне идеально подходящим случаю.

— Прекрати! О чем бы ты сейчас не думала, — ругает меня Джей. — Отличный деловой стиль, и... постой, что это случилось с твоей губой?

Одной рукой я мгновенно пытаюсь прикрыть свое уродство, а другой машу перед лицом, показывая, что ничего страшного не произошло.

— О, просто в выходные я пыталась повесить на стену картину, оступилась и, когда падала, угол рамы попал мне прямо по губе, — продекламировала я то, что перед этим репетировала в машине.

— Это ужасно, милая. Ты в порядке? — ее обеспокоенное лицо расслабляется.

Я облегченно киваю, мысленно порадовавшись тому, что она не стала требовать дальнейших объяснений.

— Да, все хорошо. Я очень неуклюжа в хозяйстве и часто сама наношу себе травмы.

— Вот почему мы должны найти тебе сильного мужчину, чтобы он приходил и делал работу наподобие этой за тебя. Возможно, кого-то такого, как Грег... — она не может без смеха закончить фразу.

Смеясь вместе с ней, я качаю головой.

— Думаю, что насчет Грега я пас, но все равно спасибо.

В этот момент в дверях, широко улыбаясь, появляется мистер Томпсон. В первый раз с тех пор, как я здесь работаю, я вижу его в костюме.

— Доброе утро, мои сияющие звезды! Рад видеть вас здесь так рано, да еще и во всеоружии. Сегодня будет хороший день, я это чувствую. Мы выезжаем через тридцать минут, так что собирайте все, что вы там подготовили, — говорит он, прежде чем что-то дальше по коридору отвлекает его внимание.

Наш предыдущий разговор немедленно забыт, и мы с Джей сосредотачиваемся на текущих задачах. Мы проверяем последние детали, и я немного теряю счет времени, поэтому, когда наш рыжеволосый начальник неожиданно возвращается и объявляет, что пора ехать, я немного теряюсь. Втроем мы едем на его «Субурбане» из Бербанка в деловой район Глендейла, и уже через пять минут я радуюсь, что выбрала место на заднем сидении, потому что Джей всю дорогу приходится отвечать на его нескончаемый поток вопросов по проекту.

Припарковавшись на гостевой стоянке, примыкающей к одному из высотных офисных зданий, я, как обычно, следую за ними и позволяю им отвести меня на десятый этаж, где располагается «Декер Энтерпрайзиз». Администратор тепло нас приветствует и проводит в комнату для переговоров, где будет проходить наша встреча.

— Мистер Декер и мисс Листер скоро подойдут, — сообщает она, перед тем как покинуть комнату. — Прохладительные напитки на том столе, пожалуйста, не стесняйтесь.

Джей берет три бутылки воды, а затем мы садимся, чтобы подготовиться к презентации. Устроившись между ними, пока мы ждем, я изучаю комнату, обращая внимание на большие роскошные кожаные кресла — точнее восемь кресел, — стоящие вокруг массивного прямоугольного дубового стола для совещаний. Вдобавок к роскошной мебели все помещение заполнено предметами современных технологий, на вид больше похожими на произведения искусства: на стене висит огромный плоский экран, несколько ноутбуков расставлены по периметру стола, а в каждом углу под потолком развешены колонки. Абсолютное великолепие помещения превращает легкое беспокойство, с которым я проснулась утром, в глобальные нервозность и тревогу. Я чувствую себя не в своей тарелке и могу только молиться о том, чтобы не сказать и не сделать чего-либо, чтобы все испортить.

Мне не удается перестать стучать зубами. Джей либо слышит клацание, либо чувствует мое разрастающееся напряжение, потому что берет мою руку с ноутбука и ободряющее ее сжимает. К сожалению, у меня нет времени, чтобы успеть насладиться этим успокаивающим жестом и почувствовать на себе его действие, так как дверь распахивается и два человека, мужчина и женщина, присоединяются к нам.

Мы встаем со своих мест и обходим стол, чтобы пожать им руки и представиться. Все это время я, с приклеенными к полу глазами, отчаянно пытаюсь вспомнить свое имя и проглотить комок желчи, образовавшийся в горле. Мистер Томпсон идет первым, затем Джей и, наконец, я. Отведя взгляд от пола и нацепив на лицо то, что, я надеюсь, похоже на улыбку, я вкладываю свою руку в протянутую мне мужскую ладонь и в этот момент встречаюсь взглядом с самыми пленительными глазами, которые я когда-либо встречала. Они голубые, как и мои собственные, но оттенок у них настолько светлый, что они кажутся почти прозрачными. Мгновенно забывая свои предубеждения относительно незнакомцев, я нахожу его привлекательным, а его прикосновение, хотя только лишь к руке, провоцирует во мне что-то возбуждающее.

— Мэдден Декер, генеральный директор, — говорит он властным тоном, не спуская с меня глаз.

Слова про генерального директора быстро напоминают мне, зачем я здесь и с кем говорю.

— Блейк, хм... Блейк Мартин, — застенчиво отвечаю я, слегка опустив подбородок. — Приятно с вами познакомиться.

— Мне тоже приятно, Блейк.

Когда я пытаюсь убрать руку, он продолжает ее удерживать, сохраняя наш физический контакт. Озорной блеск в его глазах и хулиганская интонация в голосе, когда он произносит мое имя и слово «приятно» в одном предложении, указывают, что он точно знает, какие чувства вызывает во мне. С его внешностью и положением, я уверена, много женщин при встрече с ним испытывают подобное. Чувствуя себя глупо, я хмурюсь, глядя на наши переплетенные кисти рук, до тех пор, пока он не отпускает меня, и поспешно представляюсь женщине, стоящей позади него. Я так растеряна, ругая себя в душе за этот нелепый поступок, что даже не обращаю внимания на то, как она выглядит. Я только хочу вернуться на свое место, где среди своих коллег, наконец, почувствую себя в безопасности.

— Я приношу извинения за своего брата Исто́на, он сегодня будет немного позже, но, чтобы восполнить его отсутствие, я взял с собой его личного помощника Эмерсон Листер, — заявляет мистер Декер, устраиваясь на стуле во главе стола.

— О, не беспокойтесь, мистер Декер, — почтительно отвечает Джей. — Уверена, когда он придет, мы быстро введем его в курс дела.

— Пожалуйста, для всех вас я — Мэдден. Когда мы с Истоном находимся в одном помещении «мистер Декер» вносит путаницу, — отвечает он, беспечно улыбаясь. — Теперь я передаю вам слово. Я жажду услышать ваши предложения по поводу того, что можно сделать со всем этим бардаком в компании, которую купил мой брат.

Джей безупречно, профессионально и, вместе с тем, увлекательно, проводит презентацию, затрагивая все вопросы, которые мы рассматривали в нашем исследовании. Слишком нервничая, чтобы встретиться с кем-либо глазами, особенно с мужчиной, который заставил меня почувствовать себя неуютно одним прикосновением, я концентрируюсь или на мониторе, или на поверхности стола. Мэдден и Эмерсон по ходу всей речи Джей делают

замечания, все они положительные и воодушевляющие, и когда Джей заканчивает, они оба с благодарностью ей аплодируют.

— Хорошо, хорошо! — одобрительно восклицает Мэдден. — Я просто обязан отдать вам этот проект. Возможно, вы уже убедили меня в том, что он может стать прибыльным. Всю прошлую неделю я изучал данные по нему и, честно говоря, не думал, что существует хотя бы какой-то шанс, что это заработает. Что ты думаешь, Эм?

— Я думаю, что ты прав, — отвечает безликая женщина справа от него. — Может быть, Истон все-таки знал, что делает.

— А что вы думаете, Блейк? Вы считаете, мой брат знал, что делал, когда покупал эту компанию?

При звуках своего имени мои глаза мгновенно поднимаются от поверхности стола, на которой они были сосредоточены, туда, где сидят эти двое. Я не уверена, что означает его самодовольная усмешка: он считает, что застал меня врасплох или просто чувствует мое нежелание принимать участие в разговоре. К счастью, я следила за дискуссией, поэтому точно знаю, о чем меня спрашивают, но совсем не представляю, как правильно ответить. Если отвечать честно, то я бы предположила, что его брат — болван, а если солгать, он может поймать меня на другом вопросе.

— Я думаю, что ваш брат знал, что делает, когда нанял «ДЖДТ Графикас» для поиска возможных решений, чтобы привести дела компании в порядок, — тихо отвечаю я, опять встречаясь с ним взглядом.

Пока он искренне смеется, запрокинув назад голову, я несколько мгновений впитываю в себя каждую его черточку, ведь раньше мне не удалось заметить ничего кроме сверлящего взгляда и крепкого рукопожатия. Волосы у него русые, коротко постриженные на затылке и чуть более длинные и взъерошенные на макушке, а квадратный подбородок чисто выбрит. Так как его видно из-за стола только по пояс, я обращаю внимание, что одет он в светло-серую рубашку и черный повседневный пиджак, тем не менее, несмотря на все слои одежды, его широкие плечи и грудь невозможно не заметить.

Взгляд Мэддена возвращается ко мне, выражение лица становится серьезным, а глаза осматривают меня, путешествуя ниже к груди и возвращаясь обратно к лицу.

— Я целиком и полностью согласен с этой оценкой, — говорит он таким тоном, как будто имеет в виду совсем не компанию по разработке компьютерных игр. Волна жара распространяется по моему телу, заставляя щеки румяниться, а теплу поселиться между бедер.

— На самом деле, это я предложила кандидатуру «ДЖДТ», — высоким голосом произносит Эмерсон, разрушая волшебство — волшебство, которое, скорее всего, почувствовала только я, и надеюсь, больше никто из присутствующих.

Я переключаю свое внимание на нее и любезно улыбаюсь.

— Спасибо вам за то, что предоставили возможность показать вам, на что мы способны.

В ответ я получаю полуоскал-полуулыбку на лице по-настоящему красивой женщины со светло-рыжими, как с картинки, локонами. Я мгновенно чувствую, что она не входит в число моих фанатов, несмотря на то, что за все время, проведенное здесь, я едва сказала пару фраз.

Мистер Томпсон и Джей также выражают свою благодарность, которую Мэдден быстро принимает, при этом утверждая, что благодарить его совсем не обязательно. Встреча заканчивается тем, что они, несмотря на то, что Истон Декер так и не появился, вчетвером обсуждают следующие шаги, которые необходимо предпринять, а также получение

формального одобрения нашего предложения. Я все это время молчу, боясь, что все, что можно испортить, я уже испортила.

Мы все встаем, чтобы покинуть комнату. Они вчетвером ведут непринужденную беседу, пока мы медленно двигаемся к двери, из которой мне не терпится выйти. Эмерсон идет первой, указывая дорогу, затем мистер Томпсон, Джей и я, Мэдден замыкает шествие. Пока я молюсь, чтобы он снова со мной не заговорил, его близость посылает всем моим чувствам тревожные сигналы. Прямо перед тем, как мне удастся выбраться на свободу, он хватается за руку и затаскивает обратно в комнату для переговоров.

— Мы сейчас вернемся, — сообщает он остальным, когда они с любопытством смотрят на нас. Затем дверь за нами захлопывается, и мы остаемся наедине.

Удивленная всем происходящим, я застываю на месте, в недоумении глядя на него.

— Поужинай со мной сегодня, Блейк, — требует, а не просит он, поворачиваясь ко мне.

— Простите? — выдыхаю я, не уверенная, что правильно расслышала его слова.

— Поужинай со мной, — повторяет он, подходя ко мне ближе, продолжая при этом держать мою руку в своей. Он проводит большим пальцем по моему безымянному.

— Очевидно, ты не замужем, так что скажи своему парню, что у тебя деловой ужин. Я могу забрать тебя прямо из офиса после окончания работы.

Тяжело сглотнув, я трясую головой и освобождаю руку.

— Нет, извините, сэр, я не могу.

— Конечно, ты можешь и пойдешь. Я дам знать мистеру Томпсону, что хочу обсудить с тобой проект более детально. Я целый день сегодня слушал твою коллегу, но хочу услышать и твои мысли на этот счет.

Он подходит ближе, сокращая небольшое расстояние между нами, мы почти соприкасаемся грудью, и каждый мой нерв молит о контакте, несмотря на то, что мозг молча просит, чтобы он отступил. Взяв меня за подбородок, он поднимает мое лицо так, что я смотрю ему прямо в глаза.

— И зови меня Мэдден. Однажды в другом месте и в другое время ты сможешь называть меня «сэр», но не здесь... пока. Я заеду за тобой в шесть. Оденься так же, как сейчас, — он делает паузу, чтобы погладить большим пальцем мою растерзанную губу, его взгляд прикован к моему рту, — и мы обсудим с тобой это.

Наконец он выходит из двери, оставляя комнату сильно кружиться вокруг меня, пока я пытаюсь вдохнуть в легкие воздух.

Step ~ Vampire Weekend

Блейк

Мы с мистером Томпсоном и Джей в молчании возвращаемся к машине. Я даже не представляю себе, о чем они сейчас думают, потому что мои собственные мысли так быстро крутятся в голове, что я почти не замечаю ничего вокруг. Как только мы скрываемся в уединении его автомобиля, они оба поворачиваются и с передних сидений вопросительно смотрят на меня, ожидая моих объяснений. В ответ я беспомощно смотрю на них, не зная, что ответить.

— Ну? Что он сказал? Ты не можешь держать нас в неведении, — наконец спрашивает Джей.

— Эм-м, ну, он сказал, что хочет побольше узнать о том, что я думаю о проекте, — отвечаю я, частично раскрывая правду.

Мистер Томпсон радостно улыбается и поворачивается обратно, чтобы завести двигатель.

— О, да это же просто прекрасно, — он опять широко улыбается. — Я думаю, вы обе произвели на них впечатление.

— Ммм, я тоже так думаю, — соглашается Джей. Ее миндалевидные глаза все еще внимательно смотрят на меня, как будто она знает, что я чего-то не договариваю. Но, к счастью, больше она ни о чем не спрашивает.

Остаток пути обратно в офис они обсуждают предполагаемые шаги по выполнению следующей фазы проекта, а в это время на заднем сидении я погружена в мысли о том, как мне, черт побери, отделаться от этого ужина. В душе у меня разворачивается настоящее сражение: рациональная и разумная часть меня борется с чувственной и плотской, той частью, которая, как я считала, уже умерла. Тем не менее, один брошенный взгляд, легкое касание руки и несколько слов из уст Мэддена Декера — и, оказывается, она вполне себе жива и здорова, только слегка запылилась.

К тому времени, как мы возвращаемся в Бербанк, я решаю, что особого выбора у меня нет, и идти на ужин все же придется, особенно если я хочу, чтобы «ДжДТ Графикс» продолжили работать на «Декер Энтерпрайзиз», но я буду рассматривать этот ужин как чисто деловой и не позволю разбушеваться своему недавно разбуженному сексуальному воображению. Возможно, из-за того, что я слишком давно не общалась с мужчинами, я просто разучилась понимать их намеки и язык тела. Уверена, что его замечания были просто игривым поддразниванием, и он разговаривает так со многими женщинами.

За последний год я прошла столько тестирований и консультаций у разных психиатров, что теперь я знаю о себе больше, чем любой человек моего возраста хотел бы знать. Я приняла тот факт, что не по своей вине оказалась в такой ситуации с Исом, и те преступления, что он творил — это тоже не моя вина. Я была совсем юной, наивной и, страстно желая быть любимой, не замечала ничего вокруг. Он привлек меня тем, что обращался со мной, как с принцессой — слово, которое я теперь ненавижу, — и я не поняла, с кем и во что я ввязываюсь, пока не стало слишком поздно. Несмотря на то, что его отец, скорее всего, ищет меня, я пытаюсь начать все заново, и хотя понимаю, что люди, в

большинстве своем, совсем не такие, как он или его семья, это естественно, что я стараюсь вести себя осторожно и скептически относиться к мужчинам. Больше, чем кто-либо другой, я знаю, как люди меняются за закрытыми дверями.

Как только мы остаемся в кабинете одни, Джей поворачивается ко мне на каблуках и требует:

— Ну-ка сейчас же признавайся, что там было на самом деле?

— Я уже говорила тебе, — отвечаю я, стараясь казаться равнодушной. — Он сказал, что хотел бы узнать побольше о том, что я думаю о проекте, потому что во время презентации я, в основном, молчала.

— Когда?

— Что «когда»?

— Когда он хочет узнать, что ты думаешь? — руки Джей уже уперлись в бедра, и она смотрит на меня взглядом, который приказывает: «Не смей мне врать!».

— Сегодня вечером, — шепчу я.

— Матерь божья, я так и знала! — выкрикивает она. — Да он всю встречу глаз с тебя не сводил.

— Шшш! — я пытаюсь ее успокоить. — О чем это ты говоришь?

— Скажи мне, что тоже это заметила, Блейк. Ну, правда, скажи! Да парень просто трахал тебя глазами через стол.

— Нет, я старалась на него не смотреть. Если это важно, то вообще ни на кого не смотреть. Я сильно нервничала и не хотела что-нибудь испортить, — объясняю я.

Широкая улыбка расплывается по лицу Джей, и она недоверчиво отрицательно мотает головой.

— Ты — это что-то с чем-то. Сначала Грег, теперь Мэдден. Ты, правда, ничего не замечаешь?

Подойдя к зоне отдыха, я совсем не женственно плюхаюсь на диван.

— Джей, я знаю, что ты не понимаешь, но я уже действительно очень давно не была в мире, где люди ходят на свидания. Мне трудно сейчас отличить легкие заигрывания от серьезного флирта.

Она садится рядом со мной на мягкую коричневую кожаную поверхность дивана и успокаивающе гладит мою руку.

— Ты права. Я не понимаю, потому что ты не рассказываешь мне. Я знаю, что у тебя есть на это свои причины и уважаю это. Но уверяю тебя, этот объект вожделения многих женщин сегодня весьма определенно с тобой флиртовал. Ты и правда думаешь, что за ужином он собирается обсуждать дела? Почему тогда он не спросил твоего мнения во время встречи?

— Я не знаю, — признаю я, пожимая плечами. — Последнее, что мне нужно в жизни, это отношения с этим парнем, если только они не касаются профессиональной сферы.

Ее мягкое поглаживание превращается в жалящий удар по плечу.

— Чушь! Хороший трах — вот, что тебе нужно, — выговаривает она мне, — и так как женщины тебя пока не интересуют, тебе просто необходим мужчина. И позволь мне сказать,

лучше Мэддена Декера тебе не найти. Он просто чертовски сексуален, и, к тому же, при деньгах. Позволь ему угостить тебя вином, накормить ужином, а затем пусть его чертовски привлекательное тело поможет тебе забыть все то дерьмо, от которого ты бежишь, пусть даже и на несколько часов.

— Я не могу, Джей. Я не такая. И что, если все пройдет плохо? Что тогда будет с контрактом?

— Я не прошу тебя выходить за него замуж, Блейк. Это всего лишь секс. К тому же мы нужны «Декер Энтерпрайзиз» гораздо больше, чем они нам. Не случится ничего такого, что бы повлияло на отношения между нашими компаниями. Просто не позволяй мистеру Томпсону узнать, что за этим кроется нечто большее, чем бизнес.

С шумом вздыхая, я глубже вжимаюсь в диван.

— Похоже, у меня действительно нет другого выхода, кроме как пойти с ним на ужин, но я не собираюсь с ним спать. Я еще к этому не готова.

— Как давно у тебя не было секса? — невозмутимо спрашивает Джей.

От ее беспардонности я широко открываю рот:

— Ты серьезно?

— Да, я серьезно. Так как давно это было?

— Около полутора лет назад, — признаюсь я, содрогаясь от отвращения от одной мысли об этом.

Сжав мои щеки руками, она заставляет меня посмотреть ей в глаза, почти так же, как делала мама, когда я ребенком иногда попадала в неприятности:

— Послушай меня, Блейк. Трахни его сегодня вечером. Он не откажется, и тебе бы лучше тоже этого не делать.

Джей отпускает мое лицо и улыбается, затем встает и направляется к своему рабочему месту.

— А сейчас, давай вернемся к работе.

Wonderwall ~ Oasis

Мэдден

День тянется с черепашьей скоростью. Я то и дело смотрю на часы в ожидании конца рабочего дня. Уже давно я не испытывал чувства, подобного тому, что охватило меня сейчас — такого непреодолимого желания полностью поглотить кого-либо телом и душой.

В тот момент, когда я увидел Блейк Мартин, сидящую в комнате для переговоров, я почувствовал жажду, которая, за время встречи, быстро переросла в такое страстное желание, что я не мог уже его отрицать. То, как она следовала за своими коллегами, чтобы пожать мне руку, ее глаза, устремленные в пол. То, как она всю презентацию сосредоточенно смотрела на стол, так и не встретившись ни с кем взглядом. То, как она молчала до тех пор, пока ей не задали вопрос напрямую, и даже тогда — несмотря на находчивое замечание — ее голос звучал сдержанно и уступчиво. Изумительно прекрасная и впечатляюще покорная во всем, что она, черт возьми, делала, Блейк, сама того не зная, разбудила во мне зверя, который дремал где-то глубоко долгие годы.

Наконец, часовая стрелка замирает на цифре пять. Пять часов вечера, и я со всех ног бросаюсь прочь из кабинета. Ранее сегодня днем Кэролайн связалась с мистером Томпсоном, чтобы подтвердить, что Блейк будет ждать меня после работы, потому что в шесть часов вечера я заберу ее на деловой ужин. Я не собирался давать ей ни одного шанса сбежать. Ее предупредительный босс даже снабдил моего секретаря номером ее мобильного, на случай, если он вдруг мне понадобится. Все оказалось проще, чем я думал, но для меня это ничего не значило. В отличие от многих мужчин, для меня это не охота, я перестал так к этому относиться еще в колледже. Для меня это пиршество, и я буду не я, если не смогу растянуть удовольствие перед тем, как поглотить эту женщину.

Я еду по загруженным транспортом улицам в Бербанк, в это время звонит сотовый, и от этого приборная панель моего черного S63^[2] начинает светиться. Нажав кнопку на левой стороне руля, я принимаю звонок, в надежде услышать хорошие новости.

— Слушаю, Кэролайн, — отвечаю я. Я вообще редко здороваюсь.

— У вас заказан столик на шесть тридцать вечера в ресторане «У Эрни Мортонна». Они заверили меня, что гарантируют вам уединение, — докладывает она. — Еще звонил Истон и искал вас. Я сказала ему, что вы доступны по сотовому.

— Отлично. Спасибо, как всегда! — отвечаю я ей с благодарностью. — Уверен, он не станет беспокоить меня сейчас, а подождет до завтра, чтобы дать мне остыть. Истон боится, что я злюсь на него за то, что он опоздал сегодня на два часа на собственную гребаную встречу.

Без Кэролайн и Сары моя жизнь представляла бы собой полный кавардак и хаос. Друзья, да и брат, не упускают случая подшутить надо мной на тему возраста моей домоправительницы и секретаря. Но в том, что я нанял на эти жизненно важные для меня должности женщин, по возрасту больше годящихся мне в матери, есть свой смысл. Они ведут себя, как моя мать. Завязывая интрижки с женщинами, которые дома или на работе разгребают твоё дерьмо, не наживешь себе ничего, кроме неприятностей.

— Всегда пожалуйста, Мэдден. Я могу что-нибудь еще для вас сделать?

— Нет, просто пожелай мне удачи сегодня вечером, — дразнюсь я, прекрасно сознавая, что привлечь женщину для меня совсем не проблема. Проблема обычно состоит в том, чтобы, наоборот, избегать их нежелательного внимания.

— Она вам не понадобится. Уверена, юная леди быстро поймет, какая вы находка.

— Ты заслуживаешь прибавки к жалованию, Кэролайн. Хорошего вечера!

— До свидания, — говорит она, прежде чем повесить трубку.

Я посмеиваюсь про себя над ее словами про «находку», потому что знаю, она мечтает, чтобы я уже нашел кого-то и остепенился. Кэролайн работает на меня уже почти десять лет, и ей хорошо известна моя любовь к свиданиям, вернее ее отсутствие. Не то что бы я был резко против моногамных отношений, основанных на взаимной любви, я просто не фанат того, чтобы мне разбивали сердце. Одного раза вполне достаточно. Я знаю, что и к этим отношениям нужно относиться легко. Я не могу позволить сильной страсти поглотить меня. Я могу предложить женщине все, что угодно, кроме своего сердца.

Спустя примерно час, после того как я покинул офис, я останавливаюсь напротив здания, где расположена «ДжДТ Графикс». Взяв в руки телефон, я печатаю сообщение, чтобы отправить на тот номер, который Кэролайн написала мне на бумажке.

«Я жду внизу. Черный «Мерседес».

Она не отвечает, но несколько минут спустя, сквозь стеклянную крутящуюся дверь я замечаю ее светлые волосы и длинные стройные ноги. Целый день я раздумывал над тем, не преувеличил ли я в своей голове ее красоту. Может быть, неделя без секса сыграла со мной злую шутку, а может, что-то другое, но в тот момент, когда она показалась в дверях в лучах заходящего солнца, и я хорошенько ее рассмотрел, мои руки зачесались от желания вновь почувствовать ее кожу, а член стал твердокаменным при мысли обо всех тех вещах, которые я бы хотел проделать с ее телом. Моя память ничего не преувеличила. Она, черт возьми, великолепна.

Пока она смущенно приближается, я выхожу из машины, посылаю ей одну из своих самых очаровательных улыбок и подхожу к двери пассажирского сидения.

— Добрый вечер, Блейк! — приветствую я ее, наслаждаясь тем, как ее имя перекачивается у меня на языке. — Видеть тебя дважды в течение одного дня — когда я проснулся сегодня утром, то и представить себе не мог, что окажусь таким счастливым. Спасибо большое за то, что согласилась встретиться со мной.

— Добрый вечер, мистер Декер, — вежливо отвечает она.

С того самого мгновения, когда она оказалась в пределах досягаемости, я страстно желаю прикоснуться к ней. Но вместо этого я сдерживаюсь и открываю перед ней дверь машины. Она, нервничая, смотрит на меня, прежде чем скользнуть на светло-коричневое кожаное сидение и слегка улыбнуться. Сначала мой взгляд прикован к ее глазам — они роскошного редкого оттенка голубого, но затем, когда уголки ее рта чуть приподнимаются, я обращаю внимание на ее губы и гребаный синяк, который я заметил еще днем. Моя грудь сжимается, пока я обдумываю все возможные варианты того, как это могло произойти, и у меня возникает нехорошее чувство, что я совсем не хочу об этом знать.

Как только она оказывается внутри салона, я сильнее, чем собирался, захлопываю дверь с ее стороны, возвращаюсь на водительское место, пристегиваю ремень безопасности и поворачиваюсь, чтобы взглянуть на нее повнимательнее. То, как она теребит ремешок своей

сумочки, сжимает челюсти и не отрывает глаз от коленей, даже чувствуя на себе мой взгляд, показывает, насколько она напряжена.

— Как ты относишься к хорошему стейку? — спрашиваю я, молясь про себя, чтобы она не оказалась вегетарианкой, веганом или еще кем-то вроде этого.

— Звучит здорово, — согласно кивает она.

— Отлично, — отвечаю я, выезжая на улицу напротив ее офиса. — На будущее, есть что-нибудь из еды, что тебе не нравится?

— Итальянская кухня, — выпаливает она, ни на секунду не задумавшись, а затем, повернувшись ко мне лицом, вопросительно наклоняет голову набок и интересуется:

— Вы боитесь, что нам не хватит одного вечера, чтобы обсудить проект?

В уголках ее губ появляется легкая улыбка, когда она задает этот вопрос.

Мягко посмеиваясь, я окидываю ее взглядом от пояса до макушки и подхватываю ее маленькую игру:

— Я думаю, что, чтобы обсудить все детали проекта, одним ужином тут не обойтись. Надеюсь, твой друг не будет возражать против работы допоздна.

— Если вы хотите что-то узнать, вам следует просто спросить об этом, — делает она в ответ дерзкий выпад.

— Как и тебе.

Оставшаяся часть пути проходит в комфортном молчании, и я не могу не обратить внимания, как она тихо подпевает почти каждой долбаной песне, звучащей по радио. Обычно меня жутко раздражает чужое пение в машине, но ее голос идеален, и я с удовольствием слушаю. И, конечно же, я хочу узнать, как он звучит, когда она будет выкрикивать в пылу страсти мое имя, но уверен, скоро я это выясню.

Slow and Steady ~ Of Monsters and Men

Блейк

Мы направляемся в район Медицентра. Там, в самом его сердце, сворачиваем на круговое движение рядом с достаточно скромным офисным зданием из коричневого и белого кирпича, и Мэдден переключает автоматическую коробку передач в режим парковки. В течение буквально нескольких секунд к нам подлетает привратник, открывает дверь и помогает мне выйти из машины, а затем спешит к водительской двери. Пока служащий отгоняет сверкающий седан на парковку, Мэдден подходит, уверенно берет меня за руку и ведет к непритязательному входу у самого угла здания.

Так же как и днем, я пытаюсь вытащить свою руку из его хватки, но он крепко меня держит. Честно говоря, мне даже нравится, как чувствует себя моя рука в его — надежно и защищенно, — но я не хочу внушать ему ложных надежд. Невзирая на совет Джей, последнее, что мне нужно — это хороший трах, особенно с генеральным директором фирмы, ведущей с нами дела, не важно, насколько он хорош собой, и что я вся таю изнутри, когда он смотрит на меня. Я в достаточной степени горжусь прогрессом, который произошел в моей жизни за прошедшую неделю, несмотря на непрекращающиеся ночные кошмары и разбитую губу, чтобы не стремиться потерять все это из-за интрижки на одну ночь.

Мы проходим под скромной бордовой вывеской, на которой написано «Стейкхаус Эрни Мортон», он открывает темную, изрядно потрепанную деревянную дверь и жестом приглашает меня войти внутрь. Пока Мэдден называет свое имя администратору, он отпускает мою руку, а я в это время внимательно осматриваюсь вокруг — стандартная для меня процедура. Освещение внутри тусклое, и я едва могу разглядеть людей за столиками. Никто, кажется, не замечает нашего прихода, поэтому страх, что меня поджидает здесь кто-то из моего прошлого, почти исчезает, но на его место приходит мрачное предчувствие и нервозность оттого, что мне придется провести целый вечер с этим пугающим человеком.

Мужчина средних лет в галстукe подходит и с улыбкой приветствует нас, приглашая проследовать за ним к нашему столику в глубине ресторана. Несколько человек отрываются от еды, чтобы посмотреть на нас, пока мы проходим мимо. В основном это женщины, внимательно разглядывающие Мэддена. И в этот момент я понимаю, что хочу, чтобы он продолжал держать меня за руку. Как будто услышав мои мысли, он кладет руку мне на талию. Несмотря на легкость, его прикосновение наполняет меня теплом и уверенностью. Минувя дверь в глубине основного зала, мы проходим в другой, пустой зал, очевидно используемый для банкетов и небольших празднеств, но сейчас там в самом центре стоит только один столик со свечами, накрытый на двоих.

— Ваш столик, как вы и просили, мистер Декер, — торжественно произносит мужчина и отодвигает для меня стул.

— Спасибо, — вежливо говорю я, надеясь, что он побыстрее уйдет, и я смогу узнать у Мэддена, что это, черт возьми, такое.

К счастью, он нас оставляет, и как только оказывается достаточно далеко, чтобы нас не слышать, я сощуриваю глаза и сжимаю губы, пристально глядя на мужчину, сидящего за столом напротив меня.

— Ну и что все это значит?

— Что именно? — отвечает он, честно глядя мне в глаза, как будто даже и не представляет, что я имею в виду.

— Это, — говорю я, хотя мой голос больше похож на шипение, и обвожу рукой комнату и стол. — Свечи, столик на двоих в отдельном зале. Предполагалось, что это деловая встреча, а не свидание.

Он улыбается довольный сам собой, берет со стола бокал с водой, подносит его к губам и делает большой глоток. Мой взгляд сам собой перемещается на его рот, и прежде, чем я вспоминаю, что должна сердиться на этого мужчину, в моем мозгу стремительно проносится мысль о том, как эти губы будут ощущаться на моих губах. Я опять возвращаюсь взглядом к его глазам, и озорной огонек, промелькнувший в них, подтверждает, что он точно знает, о чем я только что подумала.

— Это и есть встреча, Блейк. Я просто попросил некоторого уединения, чтобы мы могли сосредоточиться на нашем незаконченном деле, — спокойно объясняет он.

Наклоняясь вперед, он произносит низким голосом:

— Ты поймешь, когда у нас будет свидание. Поверь мне.

Его слова вызывают у меня покалывание по всему телу, и внезапно мне тоже нужен глоток воды. К счастью, появляется официант, чтобы принять наш заказ на напитки. Он не дает мне совершить очередную глупость, потому что у меня с языка едва не срывается вопрос: «Как именно я об этом узнаю?».

Мэдден смотрит сначала на винную карту, а потом на меня:

— Ты мне доверяешь?

Я знаю, что он имеет в виду выбор вина, но что-то в его голосе указывает на то, что это вопрос с подтекстом.

Полагая, что с моей стороны будет не очень вежливо и уважительно, если я изо всех сил закричу: «Нет!», я отвечаю:

— Я верю, что вы сделаете хороший выбор.

— Как и всегда, — бормочет он себе под нос, лукаво улыбаясь.

Просмотрев винную карту, он что-то объясняет официанту, который улыбается и одобряет его выбор. Молодой человек покидает комнату, и мы остаемся наедине и смотрим друг на друга.

— Во всем, что не касается выбора вина, ты не доверяешь мне? — прощупывает он почву под ногами.

— Я не знаю вас настолько, чтобы доверять.

— Значит, если бы ты узнала меня получше, ты бы смогла доверять мне?

Черт! Мне не стоило тогда в машине говорить о том, что надо задавать вопросы, если хочешь получить на них ответы. Я на минуту задумываюсь, чтобы тщательно сформулировать ответ.

— Мне нелегко доверять людям. За свою короткую жизнь я уже выучила тяжкий урок, что большинство людей на самом деле совсем не такие, какими мы их видим, это всего лишь притворство, чтобы сбить с толку окружающих.

— А ты доверяешь тому человеку, который сделал это с твоей губой? — напрямик спрашивает он.

В бессмысленной попытке скрыть эту рану, я инстинктивно втягиваю в рот пораненный уголок моей губы, и беспомощно смотрю на Мэддена. Но это абсолютно бесполезно, потому

что он успел все разглядеть еще днем. Его вопрос полностью застает меня врасплох.

— Не надо. Так ты сделаешь только хуже, — отчитывает он меня и тянется через стол, чтобы большим пальцем нежно вытащить обратно мою нижнюю губу. — А теперь ответь на мой вопрос.

Поморщившись от боли, которую причиняет его касание к воспаленной коже, я качаю головой и шепчу:

— Нет.

— Нет, ты не ответишь на мой вопрос или нет, ты не доверишь человеку, сделавшему это?

Вдохнув глубоко воздух в легкие, я с выражением повторяю историю, которую рассказала Джей сегодня утром:

— Я сама себя поранила в эти выходные, когда вешала картину в гостиной. Я уронила раму, и она ударила меня по губе.

— Я не люблю, когда мне лгут, Блейк, — грозит он, и в его глазах появляется злость. — Вместо того чтобы лгать, сказала бы просто, что не хочешь отвечать на вопрос. Я далеко не идеален, но если и есть что-то, что выводит меня из себя, так это нечестность. Для меня это, как плевок в лицо.

Его жесткость и непримиримость посылают мне сигналы тревоги — нет, не о том, что он собирается причинить мне боль, а о том, что кто-то близкий ему ранее предал его доверие, и это оказало на него сильное влияние. Не уверенная в том, что ему ответить, я просто киваю и шепчу:

— Да, сэр.

— Чееерт, — низким голосом грохочет Мэдден и закрывает глаза, очевидно пытаюсь успокоиться. И тут я вспоминаю о том, что он еще на встрече днем предупредил не называть его «Сэр», и мне хочется дать себе пинка. Я вовсе не пытаюсь его обидеть, просто в детстве мне привили хорошие манеры, и я сказала это, даже не задумавшись.

— Извините... Я забыла о том, что вы сказали раньше, — произношу я с запинкой.

Когда он открывает глаза, его лицо смягчается, но я могу сказать, что он все еще в смятении.

— Расскажи мне, что случилось с твоей губой.

Я тяжело сглатываю, опасаясь, что, если поведаю ему правду, он подумает, что у меня не все в порядке с головой. Но все равно решаюсь. По какой-то необъяснимой причине, я не хочу его расстраивать, и это больше, чем просто бизнес.

— Ночью, когда мне снился кошмар, я прикусила себе губу, — тихо признаюсь я, сосредоточенно разглядывая стакан воды.

— Посмотри на меня, Блейк, — строго приказывает он.

Я подчиняюсь, поднимаю глаза, чтобы встретиться взглядом с Мэдденом, и вижу, что он искренне мне улыбается.

— Спасибо, что рассказала мне правду. Больше никакой лжи, хорошо?

Принеся бутылку вина, официант опять приходит мне на помощь. Он долго и тщательно откупоривает бутылку, а затем наливает Мэддену немного вина на пробу, прежде чем наполнить им наши бокалы.

— Могу я порекомендовать вам наши фирменные блюда, или вы уже готовы сделать заказ? — интересуется он.

Оглядев стол, я понимаю, что нам даже не принесли меню, и я понятия не имею, чего

бы мне хотелось поесть. Мэдден слегка посмеивается, наблюдая за моими бессмысленными поисками.

— Ты мне доверяешь? — дразнит он меня.

Я резко перевожу взгляд на его широкую улыбку и не могу не улыбнуться в ответ. С усмешкой я повторяю свою прежнюю реплику:

— Я верю, что вы сделаете хороший выбор.

— Как и всегда.

После того как он на одном дыхании, ни разу не запнувшись, перечисляет официанту все, что мы хотим на ужин, он поднимает хрустальный бокал, показывая, что хочет сказать тост. Я поднимаю свой и чокаюсь с ним, все еще не в силах стереть с лица глупую улыбку. Я не могу отрицать того, что мне нравится его общество.

— За лучшую в моей жизни деловую встречу! Могу только представить себе, как хороши будут наши свидания. И за тебя, Блейк Мартин, за то, чтобы ты всегда доверяла мне делать за тебя правильный выбор.

Онемев от потрясения, я делаю большой глоток охлажденного вина и думаю о том, как же, черт возьми, мне пережить целый ужин.

К моему удивлению, все остальное время мы очень детально и скрупулезно обсуждаем проект. Мэдден признается, что не хотел им заниматься, и что это была грандиозная идея его брата — расширить деятельность «Декер Энтерпрайзиз» за счет рынка компьютерных игр. Я узнаю, что основным видом деятельности компании является развитие новых технологий в области безопасности оптоволоконных кабельных систем. Основал фирму их отец около сорока лет назад. Когда примерно шесть лет назад с ним случился сердечный приступ, Мэдден принял на себя бразды правления, что произошло несколько раньше, чем он себе представлял. Я не уверена в том, сколько ему лет и, честно говоря, боюсь его об этом спрашивать, но полагаю, что лет тридцать-тридцать пять. За почти всю нашу беседу он не задал мне ни одного неудобного вопроса. Почти.

Пока мои вкусовые рецепторы наслаждаются лучшим чизкейком, который я когда-либо ела, он спрашивает:

— Чем ты занималась, прежде чем пришла в «ДЖДТ Графикс»?

Вопрос сам по себе вполне обычный и нормальный, и я уверена, что он интересуется из чистого любопытства, тем не менее, для меня в моем прошлом нет ничего обычного и нормального.

— Я... Ох! Я ходила в школу, — отвечаю я, с очевидным беспокойством в голосе.

Положив вилку на стол, он доброжелательно мне улыбается.

— Мне известно, что ты молода, Блейк. После нашего сегодняшнего разговора меня совсем не волнует, что у тебя нет опыта в этой области. Я вижу, что ты умна и готова много работать, чтобы преуспеть, и это многое о тебе говорит.

К счастью, Мэдден неправильно понял мою нервозность. Он посчитал, что я боюсь, что, по его мнению, недостаточно квалифицирована для этой работы, хотя это, на самом деле, правда. Довольная таким поворотом разговора я с облегчением выдыхаю воздух из легких.

— Спасибо, мистер Декер. Я благодарна вам и мистеру Томпсону за данную мне

возможность проявить себя. Обещаю, что я вас не подведу.

— Мэдден, — поправляет он. — Я не хочу повторяться, но «мистер Декер» заставляет меня вспомнить об отце или, что еще хуже, о брате.

Второй раз за сегодняшний вечер он упоминает брата с пренебрежением. Я не уверена в том, что происходит между ними сейчас, но очевидно, что проблемы там есть.

— Да, Мэдден. Я прошу прощения.

— Я знаю, что это ужасно невоспитанно с моей стороны, но все равно спрошу. Сколько тебе лет, Блейк?

Каждый раз, когда этот мужчина произносит мое имя, он превращает меня в автомат для пинбола — мой желудок на краткий миг сжимается, как пружина, чтобы запустить шарик плотского желания свободно скакать по всему моему телу, заставляя лицо светиться ярче, чем тысяча разноцветных огоньков.

— Мне двадцать два, — отвечаю я, прежде чем, сдерживая стон удовольствия, кладу последний кусочек восхитительного десерта в рот.

Услышав мой ответ, он дважды моргает и больше не выказывает никаких эмоций, как будто подсчитывая что-то у себя в голове. Я все еще не уверена в том, могу ли задать ему тот же вопрос, несмотря на то, что мне очень хочется об этом узнать. К счастью, он опережает меня.

— В следующем месяце мне исполнится тридцать пять, все не так уж и плохо, — говорит он больше для себя, чем для меня. Я хочу спросить, «так уж и плохо» для чего, но не решаюсь. Я просто рада узнать его возраст, не задавая вопроса напрямик.

Немного погодя Мэдден оплачивает счет, и мы оба встаем, чтобы уйти. Он берет меня за руку, чтобы вывести из ресторана, и в этот раз я уже не пытаюсь ее убрать. В ожидании, когда подгонят его машину, мы стоим рядом, рука в руке. Как же хорошо просто стоять так и молчать.

Мэдден помогает мне устроиться в машине, затем садится на свое место и переключает коробку передач в режим поездки. По дороге обратно к моей машине, припаркованной рядом с офисом, мы немного болтаем о том, что прошлый месяц выдался более холодным и дождливым, чем обычно. Я хочу сказать ему, что он, прожив всю жизнь в Южной Калифорнии, понятия не имеет о том, что значит холодно, но не хочу углубляться в свои детство и юность больше, чем уже сделала.

Он заезжает на почти пустую парковку, и я показываю ему на свою машину. Я начинаю нервничать, не зная, что сказать на прощание. Понимаю, что очень разочарую завтра Джей, но я ни в коем случае не собираюсь спать с этим парнем, как бы хорошо ни провела этот вечер.

Припарковав машину, он выходит, чтобы открыть для меня дверь. Я вглядываюсь в его лицо уже готовая еще раз поблагодарить его за прекрасный ужин и заверить, что буду изо всех сил стараться, работая над проектом, но он опережает меня:

— Ты мне доверяешь, Блейк?

Моим первым порывом было опять в шутку ответить ему про то, что он делает хороший выбор, но я заставляю себя остановиться. Серьезность его голоса и сила, сквозящая во взгляде, предупреждают меня, что он больше не шутит.

— Нет, — отвечаю я, затаив дыхание.

— Спасибо, что не солгала мне, — говорит он с искренней улыбкой.

Он наклоняется, оставляет у меня на лбу нежный поцелуй и шепчет над ухом:

— Ты будешь. Медленно, но верно, милая.

Потрясенная от его нежностью и тем, какие слова он выбрал для этого обещания, я молча проскальзываю в машину. Прежде чем вернуться к своей машине, он ждет, пока я выеду с парковки. Вся дорога домой проходит, как в тумане, мысли кружатся в полном хаосе, и я удивляюсь, как вообще нашла дорогу домой. Но, к счастью, я дома. Я захожу в квартиру и, несколько минут спустя, получаю от него текстовое сообщение.

«Дай мне знать, когда доберешься до дома».

И внезапно я начинаю задыхаться.

Open Your Eyes ~ Snow Patrol

Блейк

Что-то должно было насторожить меня, когда в следующий же после нашей встречи понедельник Ис встречал меня у дверей школы, несмотря на то, что я назвала ему только свое имя. Каким-то образом в двухмиллионном городе ему удалось отыскать меня. Но вместо того, чтобы встревожиться, когда взрослый, хорошо одетый, привлекательный парень, которого я встретила в пятницу в клубе, подъехал на новеньком «Лексусе» и позвал меня, я прониклась к нему благоговением и восхищением. Если бы не танцевальный класс после школьных занятий, я бы, несомненно, прыгнула к нему в машину. Но я объяснила, что всю эту неделю у меня обязательная практика по танцам, и меня будет забирать мама. Он улыбнулся, сказал не беспокоиться, и что он скоро меня увидит. Затем Ис перед всей школой поцеловал меня, заявляя о своих правах, и рванул с места под грохочущую музыку, доносившуюся из его автомобиля. Остаток дня я провела как в тумане, а когда час спустя получила сообщение от незнакомого абонента, в котором говорилось: «Дай мне знать, когда доберешься до дома», нашла его манеры пещерного человека очаровательными. Мне даже в голову не пришло спросить, как он достал мой номер телефона или другие сведения. Я ужасно хотела быть желанной. И Ис желал меня.

К следующим выходным я уже без вопросов принадлежала ему. Ис покорила меня в мгновение ока, каждый день приезжая ко мне в школу, покупая дорогие подарки, называя своей американской принцессой, и заставляя чувствовать себя так, как если бы бойфрендов разыгрывали в лотерею, и мне достался главный приз. В течение двух недель я подарила ему свою девственность и начала пропускать школу, чтобы быть с ним. Мои мама и брат относились к нему с настороженностью, но Ис всегда был вежлив, и пока я была счастлива, они мирились с моими желаниями.

Когда я спрашивала, чем он занимается или откуда у него деньги, он рассказывал, что работает на своего отца в семейном бизнесе. Я знала, что его родители расстались, и никогда особо не расспрашивала об отце, потому что его мать во время всех наших многочисленных встреч всегда была очень дружелюбна и хорошо ко мне относилась. Она была родом из Бразилии, и хотя хорошо понимала по-английски, разговаривала на нем с трудом. Обычно дома они с Исом общались на португальском, поэтому я начала учить его дома по вечерам, или когда он был на работе. Я никогда не забуду, какую гордость испытала, когда, удивив их обоих, в первый раз однажды вечером весь ужин говорила по-португальски. В ту ночь он вознаграждал меня за мой тяжелый труд, впервые занявшись со мной оральным сексом. Обычно таким способом я благодарила его за заботу обо мне. Я быстро стала одержима, стараясь сделать ему приятное, желая никогда не разочаровывать его. Каким-то образом я всегда знала, что если огорчу его, расплата будет тяжелее, чем я могу себе позволить.

Вибрация сотового телефона вырывает меня из кошмарных воспоминаний, и, очнувшись, я нахожу себя лежащей, скрючившись на полу в спальне, с ногами, крепко прижатыми к груди. Слава богу, я не поранила себя, по крайней мере я не чувствую никакой

боли или привкуса крови. Взглянув на телефон, лежащий на полу рядом со мной, я изучаю два сообщения, которые смотрят на меня с экрана.

«Дай мне знать, когда доберешься до дома».

«Блейк, пожалуйста, дай мне знать, что ты дома в безопасности. Я волнуюсь».

Оба сообщения от Мэддена, и, прочитав их, я понимаю, почему погрузилась в такое состояние. Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, я вытягиваю ноги вперед, беру телефон и быстро печатаю ответ.

«Я дома. Не хотела тебя волновать».

В течение нескольких минут мой сердечный ритм с бешеного возвращается к нормальному. Так обычно бывает после панических атак, которые всегда случаются со мной, стоит мне подумать о моей жизни с Исом. Мама, несомненно, была права, когда говорила, что слишком хорошие вещи не могут быть правдой. Исмаэл Оливейра тоже был слишком хорош, чтобы быть правдой.

Хватаясь за комод как за опору, я встаю и снимаю с себя одежду, в которой проходила целый день. События предыдущих четырнадцати часов физически истощили меня, умственно и эмоционально — от ожидания утренней презентации до крайней нервозности во время ужина с Мэдденом, и всего остального, что было между этими двумя событиями. Я ненавижу то, что последней моей мыслью было воспоминание о нем, которое перечеркнуло все хорошее в сегодняшнем дне. Часть меня хочет пропустить вечерний душ и просто пойти в постель, но я знаю, что когда хорошо, дочиста ототру свое тело мочалкой, то почувствую себя лучше, по крайней мере, ненадолго.

На следующее утро Джей с наполненным надеждой энтузиазмом, написанным на ее лице, ждет меня в нашем кабинете. Едва успевает захлопнуться дверь, как она тут же набрасывается на меня.

— Блейк, Блейк, Блейк. Расскажи мне, как чудесно это было! Не могу дождаться всех грязных подробностей, — кричит она, устремляясь ко мне.

Мягко посмеиваясь, я качаю головой:

— Прости, что разочаровываю тебя, Джей, но никаких грязных подробностей не было.

— Что? Ты что, шутишь? Ты его отвергла? — выстреливает она в меня вопросами быстрее, чем я успеваю положить сумку и ответить.

— У нас был чудесный ужин. Мы хорошо пообщались, немного рассказали друг другу о себе, но, в основном, говорили о работе и о проекте. Затем он отвез меня обратно к моей машине. Вот и все. Я поехала домой.

Я не знаю, почему не рассказала ей о нежном поцелуе в лоб и его последних словах, просто не рассказала, и все тут. Я полагаю, что побоялась, что она увидит в этом нечто большее, чем это было на самом деле, и еще не хотела отвечать на бесконечные вопросы о том, когда мы с ним встретимся, или когда он даст о себе знать. Шансы на то, что я увижусь

с ним снова не по работе, ничтожно малы, несмотря на его вдохновляющие комментарии. Мужчина его положения не будет рассматривать меня в качестве постоянной подруги.

Она с недоверием смотрит на меня:

— Я не куплюсь на это. Этот мужчина положил на тебя глаз в ту же секунду, как увидел, он даже побеспокоился о том, чтобы позвонить твоему боссу, чтобы удостовериться, что ты придешь на ужин.

— Возможно, он и правда хотел поговорить со мной о графическом дизайне в видеоиграх, — предполагаю я. — Об этом ты не подумала?

— Это нелепо, — усмехается Джей. — Обещай, что расскажешь мне, когда он опять объявится. Уверена, это скоро случится.

Закатив глаза, я сажусь за компьютер готовая приступить к работе.

— Хорошо, мисс Сваха, расскажу, — обещаю я. — А теперь, что у нас там намечено на сегодня?

Целый день мы собираем данные о разных футбольных командах и игроках. Все согласилось, что в связи с приближающимся чемпионатом мира, это первая игра, на которой нам следует сосредоточиться. Вчера мистер Томпсон пообещал, что к концу недели предоставит нам двух ассистентов, которые будут помогать нам с первым этапом ввода данных. Время пролетает быстро, и я не замечаю, как подходит конец рабочего дня. Как я и ожидала, в течение всего дня я не получала никаких известий от Мэддена, хотя признаю, что пару раз проверяла свой мобильный телефон в надежде, что вдруг Джей окажется права. Ни сообщений, ни пропущенных звонков.

Когда я выезжаю на дорогу, красные стоп-сигналы никогда не прекращающегося уличного движения приветствуют меня. Поэтому я включаю свой iPod, выбираю что-то из песен «Сноу Патрол» и громко пою для всех окружающих машин. Когда я начинаю подпрыгивать, танцуя на сидении, и во весь голос подпевая словам песни, одна пожилая дама бросает на меня неодобрительный взгляд, но другие водители улыбаются, глядя на мои глупые кривляния. Я так давно этого не делала и чувствую себя сейчас удивительно свободной.

Пока я пою для моей постоянно меняющейся аудитории о том, чтобы они открыли свои глаза, музыка прерывается на несколько нот, заставляя меня взглянуть на экран телефона. Мой пульс ускоряется, дико подскакивая до ритма звучащей песни, когда я вижу ожидающее прочтения текстовое сообщение от Мэддена.

«Ты уже доверяешь мне?»

Хихикая, как будто мне двенадцать, а не двадцать два, я обдумываю свой ответ. Не видя его лица и не слыша голоса, тяжело понять, флиртует он или говорит серьезно. Я выбираю шутливый ответ и, надеясь, что ступаю на безопасный путь, печатаю, продолжая сидеть в стоящей посреди пробки машине.

«Ты опять выбираешь мне еду на ужин?»

Нервно нажимаю на кнопку «Отправить» и жду его ответа. Менее чем через минуту, телефон опять загорается.

«Я на это надеюсь. Могу я забрать тебя через час?»

Застигнутая полностью врасплох, я сижу и потрясенно пялюсь на экран. Машина позади меня сигналит, предупреждая, что движение возобновилось. Мне нужно ответить Мэддену, но я не знаю, что сказать. Я солгала бы самой себе, если бы сказала, что не хочу пойти, но в то же время я не жажду показывать свой чрезмерный энтузиазм по поводу встречи, не говоря уже о том, что не стремлюсь, чтобы он узнал, где я живу. Съехав с дороги, как только появляется такая возможность, я заезжаю на парковку у заправки, чтобы закончить разговор.

«В пятницу? После работы?»

Надеюсь, что это предложение подразумевает не слишком отчаянный интерес. Встреча в пятницу не только даст мне причину дожидаться конца недели и время морально подготовиться к общению с Мэдденом, но и позволит не волноваться о том, что на следующий день надо рано вставать на работу. Не то чтобы я собиралась задерживаться с ним допоздна.

«Компромисс. Завтра — рабочий ланч. Ты сможешь сообщить мне новости по проекту. Ужин в пятницу — свидание, мы можем обсудить детали за ланчем».

Не уверенная в том, нужно ли мне вообще отвечать, я решаю, что нет, и завожу двигатель. Остаток пути домой я не перестаю спрашивать себя, понимаю ли я, во что ввязываюсь. И, несмотря на то, что в ответ у меня в голове беспрерывно звучит громкое «нет», я не могу дождаться завтрашней встречи.

Oblivion ~ Bastille

Мэдден

После ужина в понедельник и ланча в среду, я застрелюсь, если между мной и Блейк сегодня ничего не произойдет. Не каждый мужчина способен такое вынести. С того самого утра понедельника я не перестаю думать о ней и о том совершенном сочетании красоты и покорности, которое удивительным образом заключено в этой девушке. Так, как будто кто-то специально создал ее для меня и привел в мою жизнь как награду за то, что я нянчусь с Истоном и терплю его бесконечные нелепые выходки, и за Эмерсон, которая совсем не дает мне прохода.

У большинства незамужних женщин, с которыми я сталкивался в жизни, когда дело касается свиданий, всегда существуют какие-либо скрытые мотивы. Я уже не двадцатилетний миллиардер, рядом с которым девушки выстраиваются в очередь, чтобы удовлетворить любое его желание, но, тем не менее, прекрасно понимаю, что я привлекательный, ухоженный мужчина, руководящий быстро растущей компанией, к тому же с солидным счетом в банке. Будучи прирожденным лидером, я всегда старался слишком многое контролировать, но только один человек в моей жизни заставлял меня чувствовать необходимость доминировать и защищать его так, как это делает Блейк Мартин. К несчастью, мои отношения с ней закончились отвратительно и заставили меня не один раз засомневаться в собственном душевном здоровье. Все остальные женщины были лишь способом провести время, меня никогда не волновали их приходы и уходы, это касается и Эмерсон. За последние несколько лет было несколько сумасшедших, явившихся прямым следствием недостатка у меня здравого смысла и злоупотребления алкоголем, но не так давно, занявшись расширением компании, я свел такие случаи к минимуму.

— Истон на пути к вам, — голос Кэролайн вырывает меня из полудремы, в которой я пребываю после ланча, сидя за своим рабочим столом.

— Спасибо, — успеваю произнести я за несколько секунд до того, как дверь открывается нараспашку и ленивой походкой входит мой брат.

На нем какой-то нелепый костюм для гольфа — ярко-оранжевая футболка и оранжево-бирюзовые клетчатые штаны, а заметив обгоревшую на солнце перегородку его носа, я делаю вывод о том, что он только что вернулся с поля для гольфа, а вовсе не направляется туда. Беззаботная улыбка, как всегда, пышным цветом цветет на его лице. Это, должно быть, здорово так жить, ни о чем не беспокоясь.

— Ну, как тут мой любимый большой брат? — бодро спрашивает он, пока идет к мини-бару и наливает себе стакан скотча.

— Я твой единственный брат, Истон, — отвечаю я без тени улыбки, — и да, пожалуйста, не стесняйся, налей себе что-нибудь выпить.

Лениво прохаживаясь по кабинету, он подходит к моему столу, садится на стул напротив меня, притворяясь, будто не слышал, что я сказал. Он бросает взгляд на бумаги на моем столе и с отвращением морщит нос.

— Ты слишком много работаешь, Мэд. Тебе нужно расслабиться, или ты закончишь сердечным приступом, так же как отец.

Иногда я сомневаюсь в том, что у нас одни и те же гены, и что мы выросли в одном доме. Мои родители всегда отличались целеустремленностью и трудолюбием, с детства они прививали нам те же качества, по крайней мере, пытались. Истон же с самого раннего детства был переживающим только за себя, беззаботным существом, и, к сожалению, родители баловали его и смотрели сквозь пальцы на его поведение. Сейчас, когда ему уже тридцать два, он все еще ведет себя так, словно ему лет на десять меньше, и он не обременен ни ответственностью, ни обязательствами.

— Это ты работаешь недостаточно, — невозмутимо парирую я, поворачиваясь к нему лицом. — Что тебе нужно, Истон? Мне еще столько всего нужно переделать, чтобы я уже, наконец, смог убраться отсюда. Веришь ты мне или нет, но работа до восьми вечера в пятницу — не мой любимый способ хорошо провести время.

— Рад, что ты завел этот разговор. Я приглашаю тебя пойти со мной сегодня вечером на одно благотворительное мероприятие — турнир по покеру. Вырученные деньги пойдут национальной организации, которая занимается помощью женщинам, подвергшимся домашнему насилию или чем-то вроде того. Там будет много стоящих знакомств.

Я качаю головой и спрашиваю:

— Какого рода знакомств? Там будут люди, которые заинтересованы в инвестициях в «Декер Энттерпрайзиз»?

— Нет, там будут профессиональные спортсмены, которые могли бы заняться продвижением новых видеоигр, — сообщает он, вскинув брови так, точно я должен был, не глядя, ухватиться за эту возможность.

Я со вздохом признаю, что он безнадежен.

— Извини, старик, я не могу. У меня сегодня другие планы, но ты иди, может, тебе удастся с кем-нибудь из них переговорить. Было бы здорово заполучить кого-то из игроков. Возможно, когда мы закончим работу, они бы могли протестировать подготовленные к выходу на рынок игры.

— Планы? С кем это? Эмерсон идет со мной, — спрашивает он с очевидным смущением.

— Ты не поверишь, но у меня есть в жизни интересы, помимо тебя, Эмерсон и этого кабинета.

— Чувшь собачья. Если у тебя действительно назначено свидание, приводи ее с собой, — возражает он. — Я внесу всех нас в список приглашенных.

Я обдумываю его предложение и решаю, что это хорошая идея. Блейк, возможно, почувствует себя более уверенно в публичном месте среди других людей, чем один на один со мной, а если мы будем обсуждать видеоигры, ее присутствие как специалиста, чтобы уточнить детали, и вовсе может оказаться полезным.

— Хорошо, я возьму ее с собой. Где, когда, дресс-код?

Следующие несколько минут он объясняет мне детали и звонит, чтобы внести нас с Блейк в список гостей. Уходя, он так и светится счастьем, и не могу не признать, что тоже чувствую легкую радость. Он может быть занозой в заднице, но он мой единственный родной брат.

Взяв со стола телефон, я набираю Блейк сообщение о том, что планы поменялись.

«Сегодня вместо ужина мы идем на благотворительный прием. Надень вечернее платье».

«Заберу тебя в семь. Нужен твой адрес».

У нее уходит целая вечность на то, чтобы ответить. Я уже решаю позвонить ей, когда телефон предупреждает меня о принятом сообщении.

«Мы можем поужинать в другой день».

Какого черта? Я разве задавал ей вопрос? Я возмущенно печатаю в ответ.

«Это не обсуждается».

Я не собираюсь ждать другого вечера, чтобы быть с этой проклятой женщиной, ее нерешительность выводит меня из себя. Я вижу в ее глазах, что когда она со мной, она хочет быть со мной, связь, возникающую между нами, когда мы вместе, невозможно отрицать. Воздух вокруг нас становится настолько заряженным, что можно задохнуться. Здесь что-то другое, что-то, что ее останавливает. Возможно, ей нужна более твердая рука, чем я изначально предполагал. Сегодня у меня нет времени на эти игры, мне нужно присутствовать на мероприятии, и она пойдет со мной. Взяв телефон, я набираю прямой номер мистера Томпсона.

— Джозеф Томпсон слушает, — оживленно отвечает он.

— Добрый день, мистер Томпсон, — вежливо обращаюсь я. — Это Мэдден из «Декер Энтерпрайзиз». Как у вас дела в эту чудесную пятницу?

— О, мистер Дек... я имею в виду Мэдден, да, добрый день. Все хорошо, спасибо.

Я почти слышу, как он выпрямляет спину в кресле.

— Чем я могу быть вам полезен? Надеюсь, все идет хорошо. Девушки держат меня в курсе всего сделанного за неделю.

— Все хорошо, не волнуйтесь, — уверяю я его. — На самом деле, я звоню, потому что у меня на горизонте появилось одно мероприятие на сегодняшний вечер, которое, я полагаю, может помочь проекту. Это благотворительный вечер, посвященный женщинам, подвергшимся домашнему насилию. Форма одежды — вечерняя. Я в любом случае поддержал бы его, но, кроме всего прочего, мне стало известно, что на нем будет присутствовать множество профессиональных спортсменов. Я надеюсь обсудить с некоторыми из них новую линейку видеоигр, и, возможно, заручиться их помощью и поддержкой, когда мы подготовим все к выпуску.

— А, понятно. Великолепная маркетинговая идея, — отвечает мистер Томпсон в замешательстве, которое явно сквозит в его голосе.

— Я знаю, что звоню в самый последний момент, но я надеялся, что мисс Лью и мисс Мартин смогли бы присоединиться ко мне и моему брату, чтобы пояснить в случае необходимости некоторые детали. Я полагаю, что всем это будет полезно.

Я ненадолго прерываюсь, чтобы он успел переварить информацию, а затем продолжаю:

— Вечером я пришлю за ними машину, также я компенсирую им расходы на вечерние наряды, чтобы наши милые леди, если на то есть необходимость, нашли себе что-нибудь соответствующее. Мне неловко упоминать об этом, но Джей и Блейк показали мне настоящими труженицами, у которых совсем нет времени на развлечения. Поэтому я не уверен, что у них в гардеробе найдется что-то подходящее такому случаю.

Пока я жду того ответа, который хочу услышать, мистер Томпсон откашливается, чтобы прочистить горло.

— Ну, я считаю, что это потрясающая идея, и очень польщен тем, как высоко вы оцениваете моих сотрудниц. Настолько, что даже решили пригласить их на подобное мероприятие. Мне нужно узнать у них обеих, нет ли у них на этот вечер каких-либо планов, которые невозможно отменить, а также обсудить с ними ситуацию с платьями, но я вам тот час же перезвоню. В котором часу за ними приедет машина?

— В семь часов, и, пожалуйста, сразу же дайте мне знать, — отвечаю я и с победной улыбкой вешаю трубку.

Мне чертовски хорошо известно, что единственные планы, которые были у Блейк, — это сегодняшний ужин со мной, и я не могу уяснить для себя, хочу ли я присутствия ее вздорной азиатской коллеги или нет. Она может помочь Блейк почувствовать себя более уверенно, но также может и вынудить ее сохранять между нами дистанцию.

Десять минут спустя мне перезванивает мистер Томпсон, чтобы сообщить, что, к сожалению, мисс Лью не сможет присутствовать по семейным обстоятельствам, а вот мисс Мартин готова пойти и будет ждать машину в офисе в семь часов вечера. Он также констатирует, что она отклонила предложение о денежной компенсации, что до чертей раздражает меня. Я знаю, что двадцатидвухлетней выпускнице колледжа, которая водит «Джетту» в базовой комплектации и занимает должность в самом низу карьерной лестницы в индустрии компьютерной графики, не по карману вечернее платье. Я позабочусь о том, чтобы она получила возмещение.

Как я и подозревал, следующие несколько часов пролетают в мгновение ока, и вот уже я с трудом пробираюсь по загруженным транспортом дорогам, чтобы успеть принять дома душ и переодеться. Параллельно я звоню Саре, чтобы она достала из гардеробной мой смокинг и привела его в порядок. Как только я сворачиваю к подъездной дорожке своего дома в Калабасасе, выскакиваю из машины и несусь внутрь. Двадцать минут спустя я начищен и наглажен с ног до головы и, несмотря на то, что мне не помешало бы постричься, выгляжу весьма и весьма впечатляюще. Пока я стремглав вылетаю из двери и направляюсь в Бербанк, я в тысячный раз благодарю Сару. Если бы присутствовали обе дамы, я, как и говорил ранее мистеру Томпсону, послал бы машину, но так как будет только Блейк, я заберу ее сам. Я хочу появиться там с ней под руку.

К счастью, движение по 101 шоссе не настолько ужасно, и, опоздав всего лишь на пять минут, я останавливаюсь перед офисом Блейк. Я отправляю ей сообщение, что уже приехал, и беспокоюсь жду ее появления. Наблюдая ее раньше только в деловых костюмах, я не могу дождаться, чтобы узнать, как она выглядит в вечернем наряде. При этой мысли мой член подпрыгивает от возбуждения. Эта девушка опять заставила меня почувствовать себя озабоченным подростком.

Несколько минут спустя она появляется с левой стороны здания. На ней черное вечернее платье в пол, и выглядит она даже сексуальнее, чем я когда-либо мог себе представить. С каждым ее шагом к машине, моя улыбка растягивается все шире и шире. Выскочив из автомобиля, я открываю перед ней пассажирскую дверь и, как личный

водитель, приветствую ее небольшим поклоном. Я беззастенчиво разглядываю ее, впитывая в себя каждую частичку того, что представляет собой сейчас Блейк Мартин. Она выглядит роскошно в простом однотонном черном платье без рукавов, которое начинает переливаться блеском, когда на него падает свет под правильным углом. Но самый лучший вид открывается со спины: кроме воротника-петли на шее она абсолютно обнажена вплоть до самой ее задницы. Волосы Блейк уложены в небрежный узел на макушке, а несколько свободных прядей сбоку обрамляют лицо, ее макияж, хотя и более яркий, чем я видел раньше, выглядит естественно и еще сильнее подчеркивает ее поразительные глаза, а пухлые губы умоляют меня о поцелуе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Добрый вечер, мисс Мартин.

— Мэдден, — коротко отвечает она, проскальзывая на кожаное сиденье.

Когда мы оба оказываемся в машине, я, не в силах оторвать от нее глаз, продолжаю пялиться на нее.

— У меня что-то с лицом? — с тревогой спрашивает она.

— Ты выглядишь отлично, — отвечаю я, беру ее ладонь, подношу к своему рту и мягко ее целую. — Спасибо, что согласилась пойти сегодня со мной.

Глядя на меня, она бормочет:

— По-моему, у меня не было выбора.

Я с усмешкой киваю.

— Вообще-то да. Я не мог больше ждать, чтобы снова увидеть тебя. Жаль, что Джей не смогла прийти.

Прежде чем она успевает ответить, мы выезжаем в городские сумерки, а я включаю на музыкальной системе плейлист, который создал специально для нее в надежде на ее пение по дороге. После наших поездок в моей машине в понедельник и в среду, я с нетерпением жду возможности опять услышать ее милый голос, звучащий в этом ограниченном пространстве. Мы добираемся до Голливудских холмов почти час, и, когда, наконец, останавливаемся перед домом, в котором проходит вечеринка, я замечаю, как она напрягается.

— Все будет хорошо, Блейк, — уверяю я ее. — Держись поближе ко мне, и я представлю тебя тем, кого знаю. Но помни, что это скорее друзья моего брата, чем мои. Он считает, что здесь будут присутствовать профессиональные спортсмены, и я надеюсь рассказать им о наших новых видеоиграх.

— Да, мистер Томпсон уже все мне объяснил. Пожалуйста, не оставляй меня одну, — умоляет она дрожащим голосом. — Иногда в общественном месте, когда вокруг много народа, я впадаю в панику — действительно впадаю в панику.

Тревога и страдание в ее голосе больно бьют по мне, и я хочу спросить, что с ней произошло, что заставило ее так бояться незнакомцев, но сейчас не время. Перегнувшись через центральную консоль, я прижимаю свои губы к ее лбу.

— Обещаю, что не оставлю.

Мы останавливаемся у входа, где нам помогают выйти из машины и ведут через роскошные парадные двери. Я сообщаю служащему у входа наши имена, а после, обняв ее за тоненькую талию, веду в великолепный огромный зал. Вся традиционная мебель убрана, помещение целиком временно переделано под казино. В кругах, в которых вращается Истон, такие вечеринки не редкость, но эта, пожалуй, самая экстравагантная из тех, что я видел. По

всему залу разбросаны столы для всевозможных азартных игр, обитые золотым и бордовым бархатом, за каждым столом стоит мужчина или женщина — служащие, призванные наблюдать за игрой. Официанты с подносами с шампанским и закусками снуют туда-сюда сквозь толпу, музыкальный ансамбль в дальнем углу играет какую-то знакомую пьесу.

— Мэдден! Я так рад, что ты пришел, — голос Истона безжалостно атакует мое ухо, пока я чувствую, как его рука тяжело хлопает меня по спине.

Повернувшись, я вижу брата и Эмерсон, стоящих прямо передо мной и держащихся за руки. На его лице расплылась огромная глупая улыбка, а Эмерсон, наоборот, выглядит рассерженной, и оба они откровенно глазают на Блейк.

— Истон, Эмерсон, добрый вечер! — вежливо приветствую я их.— Позвольте представить вам Блейк Мартин.

Блейк протягивает руку, но вместо рукопожатия Истон сжимает ее в объятиях и целует в щеку. Лицо Эмерсон в ответ на действия ее спутника перекашивает от злости, и я едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться.

— Приятно, наконец, встретиться с вами, Истон, — говорит Блейк своим обычным мягким голосом. — Я так много о вас слышала.

— Не верь ни единому слову из того, что говорил мой брат, — отвечает он с искренним смехом. — Все это ложь.

Эмерсон делает шаг вперед, становясь между ними и, наклеивая на лицо фальшивую улыбку, ледяным тоном произносит:

— Здорово снова увидеть тебя, Блейк. Я понятия не имела, что Мэдден приведет с собой группу поддержки.

Прежде чем я успеваю сделать ей замечание за грубость, Блейк в высшей степени удивляет меня своим язвительным ответом.

— Я тоже очень рада, Эмерсон, — делает она свой выпад, притворно улыбаясь, — и да, как личному помощнику Истона, тебе, как и мне, хорошо известно, что такова уж наша работа, работа вспомогательного персонала — делать начальника счастливым любыми возможными способами.

Не уверен, кто больше удивлен высокомерными замечаниями Блейк, но если бы до этого я еще не хотел затрахать ее до смерти, то сейчас бы точно захотел. В то время как я хочу заставить ее подчиниться и позволить мне заботиться о ней всеми возможными способами, сила, с которой она противостояла стержовозному поведению Эмерсон, делает ее чертовски сексуальной. Похоже, под маской этой изящной молодой женщины скрывается гораздо больше, чем я изначально предполагал.

Придя в себя, я киваю головой другой паре и кладу руку на талию Блейк.

— Мы пойдем, возьмем себе что-нибудь выпить и поиграем за столами. Увидимся позже?

Пока Эмерсон продолжает стоять, не в силах оправиться от удара, Истон улыбается и кивает.

— Хорошо, брат, — говорит он, — и... я впечатлен.

Я увожу от них Блейк и, как только они уже не могут нас услышать, наклоняюсь к самому ее уху и шепчу:

— Ты не представляешь, насколько ты прекрасна, милая.

Взглянув на меня, она невинно улыбается и одними губами говорит: «Спасибо!».

Мы берем по бокалу шампанского и пробуем закуски, а после находим покерный стол,

за которым есть два свободных места рядом. Я сомневаюсь, что Блейк когда-либо до этого играла в Техасский холдем,^[3] но уверен, что она быстро освоится, кроме того, здесь игра ведется не на деньги, а на символические призы. Все за столом с улыбками приветствуют нас, и я немедленно замечаю, что с другой стороны от Блейк сидит защитник из стартовой пятерки «Лейкерс». Мне следовало бы попытаться завязать с ним разговор, который, возможно, мог бы привести нас к теме видеоигр, но я слишком обеспокоен, заботясь о ней, стараясь, чтобы она чувствовала себя здесь комфортно.

— Тебе нужно объяснить правила, или ты сама разберешься? — тихо спрашиваю я, не желая ее смущать.

— Я сама, не беспокойся, — шепчет она в ответ, пока дилер раздает карты.

Когда она выигрывает три из первых четырех партий, я отношу ее везение к удаче новичка. Но, спустя почти час игры, у нее оказываются почти все фишки игроков, сидящих за столом, включая меня самого, а Блейк уверенно оперирует такими терминами, как «предполагаемые оддсы»^[4] и «дырявый стрит»,^[5] которые я никогда не слышал. В течение всей игры она почти непрерывно сканирует помещение так, будто ищет кого-нибудь или ожидает увидеть здесь знакомое лицо. Возможно, она не желает пропустить появление Эмерсон, но до конца я в этом не уверен. Со всеми, кто с ней говорит, она остается вежливой и доброжелательной, но очевидно, что в комнате полной незнакомцев она явно чувствует себя далеко за пределами своей зоны комфорта. Вот и обнаруживается еще одна скрытая черта Блейк, и я добавляю еще один блок вопросов к огромному списку того, что мне хотелось бы у нее узнать, когда мы окажемся наедине.

Когда становится уже достаточно поздно, грохочущий из динамиков голос объявляет, что пришло время вручения наград, связанных с благотворительностью, а также произнесения речей. Несколько человек поднимаются, чтобы поговорить о том, сколько денег было собрано за сегодняшний вечер, и рассказать, на что были потрачены сборы от предыдущего мероприятия. Последним выступает баскетболист, который сидел рядом с Блейк за покерным столом. Он рассказывает о том, как близка его сердцу благотворительность, потому что, когда он рос, его мать подвергалась домашнему насилию, и теперь возможность помочь другим женщинам, находящимся в подобной ситуации, очень много значит для него. Затем, в завершении своей речи он объявляет обладателя главного приза этого вечера, поездки в Нью-Йорк на неделю, включая билеты на матч «Лейкерс» против «Никс» в Мэдисон-сквер-гарден.

— И победителем сегодня становится не только лучшая женщина-игрок в покер, но и просто лучший игрок в покер, которого я когда-либо видел, мисс Блейк Мартин. Пожалуйста, поднимитесь, чтобы забрать свой приз.

Я радостно оборачиваюсь, чтобы поздравить ее, но она исчезла.

Глава одиннадцатая

Blackbird Song ~ Lee Dewyze

Блейк

В тот момент, когда парень у микрофона начинает говорить что-то про «лучшую женщину-игрока в покер», мой желудок ухает вниз, меня охватывает паническая дрожь, и я пулей вылетаю из зала. Я понятия не имею, куда направляюсь, но ни в коем случае не могу вынести внимание всех этих людей вокруг. Я знала, что не готова ни к чему подобному. Когда я достигну последней черты, было только вопросом времени. Весь вечер я изо всех сил старалась сканировать толпу, но когда тебя ни на минуту не оставляют в покое, очень трудно сосредоточиться на конкретных лицах.

Беззвучно проскользнув сквозь первую же попавшуюся дверь, я оказываюсь в огромном, засаженном буйной растительностью заднем дворе. Большой бассейн геометрической формы занимает большую часть территории, вокруг он обсажен аккуратно подрезанной живой изгородью и кустами, усыпанными разноцветными цветами. Подсветка, установленная по всей лужайке, выделяет сделанную в тосканском стиле перголу, расположенную слева. Какого черта я тут делаю?

Втягивая в себя свежий воздух, я немного унимаю разбушевавшиеся нервы, но до полного спокойствия мне еще далеко. Я поспешно выскальзываю из туфель и тянусь вниз, чтобы забрать их, понимая, что босиком я буду двигаться гораздо тише и быстрее. Я несусь по траве направо, стараясь избегать освещенных участков сада, в надежде добраться до границы владения. Добравшись до задних ворот, я в растерянности останавливаюсь. В вечернем платье я не могу перепрыгнуть через ограду, только для того, чтобы оказаться в чьем-то чужом дворе. Ухватившись за черную кованую конструкцию, я запрокидываю голову назад и, стараясь собраться, смотрю в темное, беззвездное небо.

— Блейк? Это ты? — встревоженный голос Мэддена разрезает тишину ночи за секунду до того, как я слышу его приближающиеся по траве шаги.

— Ради всего святого, что ты тут делаешь? Почему ты убежала?

Не желая разговаривать или поворачиваться к нему, я крепко зажмуриваю глаза, отгоняя набежавшие слезы. В этот момент я уверена, что это будет мое первое и единственное свидание с Мэдденом, и можно только надеяться на то, что «ДжДТ» удастся сохранить контракт, несмотря на то, что я вела себя, как неврастеничка.

Не требуя никаких ответов, он продолжает сокращать расстояние между нами. Когда он встает за мной, его сильные руки надежно берут меня за талию, а грудь прижимается к моей обнаженной спине.

— Все хорошо, милая, — мягко шепчет он. — Я здесь.

Его присутствие тревожит все мои чувства, его близость успокаивает меня: идеальная композиция чистого, цитрусового запаха, окутывающая мои ноздри, теплый, хриплый голос, нашептывающий слова утешения как раз напротив чувствительной кожи у меня под ухом, и тепло его тела, согревающее меня. На мгновение я забываю о том, где мы находимся — обо всех людях, присутствующих в доме и о причинах, по которым я сбежала от них, — и впервые за очень-очень долгое время я чувствую себя в безопасности, я чувствую себя защищенной.

Задняя дверь дома открывается, и голоса людей, выходящих во двор, вырывают меня из безмятежного, идиллического транса, в который я погрузилась благодаря Мэддену. Когда звуки реальности наваливаются на меня, тело напрягается от ужасающей мысли о необходимости возвращаться на вечеринку. Но, к счастью, в ответ на мою невысказанную просьбу его руки сжимаются вокруг моего тела.

— Пойдем отсюда, — медленно говорит он, все еще уткнувшись лицом в мою шею.

Когда я соглашаюсь с его предложением, он медленно выпускает меня из объятий, но только за тем, чтобы взять меня за руку и провести за собой через двор и дом, туда, где на входе стоит привратник. По пути Мэдден улыбается и в знак приветствия кивает знакомым, но мы нигде не задерживаемся. Так в целостности и сохранности мы добираемся до его машины, и только там внутри он снова прерывает молчание:

— Ты поедешь ко мне домой. Это не обсуждается.

— Блейк, просыпайся. Мы уже приехали, — низкий голос Мэддена вырывает меня из полусонного состояния, пока он глушит двигатель. — Давай, милая. Пойдем в дом.

Я медленно поднимаю свои налившиеся тяжестью веки и долго озираюсь вокруг. Мой взгляд не может пройти мимо его прекрасного лица, на котором отражаются озабоченность и участие.

Я слегка ему улыбаюсь, все еще сомневаясь в том, кто этот человек на самом деле и почему он так мною интересуется. После моего сегодняшнего побега я была уверена, что он со скоростью звука захочет вернуть меня туда, где нашел. Зачем он привел меня в свой дом, я не знаю.

— Прости, — бормочу я, глядя прямо в его пронизывающие голубые глаза.

Он не дает мне возможности сказать, за что конкретно я прошу прощения.

— Шшш, не надо извиняться. Мы можем поговорить позднее, когда ты отдохнешь и будешь к этому готова. А теперь, давай зайдем внутрь. Ты можешь идти?

— Да, конечно, — мягко отвечаю я, прежде чем открыть дверь и выйти из машины.

Он следует за мной, как страж, и в мгновение ока оказывается рядом, его рука опять слегка сжимает мою талию. В темноте тяжело разглядеть его дом, но могу сказать, что это двухэтажное светло-бежевое оштукатуренное здание с черепичной крышей. Очень в калифорнийском стиле. Мы проходим через заднюю дверь, расположенную ближе всего к подъездной дорожке, и идем прямо на современную, оборудованную по последнему слову техники, кухню.

— Добро пожаловать ко мне! Пожалуйста, чувствуй себя, как дома, — говорит он, когда мы оба оказываемся внутри. — Почему бы тебе не присесть здесь, пока я соберу нам с собой наверх что-нибудь перекусить? Есть что-то, чего бы тебе хотелось? Или не хотелось?

Осторожно я сажусь на один из барных стульев и наблюдаю за тем, как уверенно он управляется на кухне.

— Подойдет что угодно. Я не привередлива.

— Ты доверяешь моему выбору? — поддразнивает он, глядя через плечо и посылая мне игривую усмешку.

Благодарно улыбаясь ему за попытку поднять мне настроение, я киваю головой. Вся

сцена, разыгрываемая передо мной, во многих отношениях сюрреалистична. Я даже больше не знаю, что об этом думать, поэтому решаю просто наслаждаться моментом. Только сегодня в обед я переживала по поводу интимного ужина — «свидания», как обозначил его Мэдден — с этим удивительным, все еще крайне пугающим мужчиной. А сейчас приближается полночь, и я сижу на кухне у этого мужчины, пока он делает мне бутерброды, и все это происходит после того, как у меня произошел нервный срыв, и я сбежала от него на благотворительном вечере. Уж что-что, а произвести неизгладимое впечатление я умею.

— Поднимайся наверх, — командует он, неся в руках деревянный поднос с закусками и напитками.

Я следую за ним вверх по лестнице в комнату, которая, я полагаю, является его спальней, и, ожидая дальнейших указаний, оцениваю помещение. Это приличных размеров комната с обычной для спальни мебелью и убранством — огромной кроватью без спинки, застеленной однотонным темно-серым бельем, прикроватными тумбочками по обеим сторонам от нее, комодом и изысканным резным шкафом, сочетающимися с кроватью. Окна закрыты изготовленными на заказ ставнями, большой плоский телевизор висит на стене напротив кровати. Все выглядит аккуратно и современно.

Я чувствую себя не совсем комфортно, не потому что боюсь, что он набросится на меня или чего-то еще в этом роде, а просто потому, что я стою в его спальне — его святилище — в вечернем платье, не переставая спрашивать себя, что, ради всего святого, я здесь делаю и что произойдет дальше в эту странную, безумную ночь. Что, черт возьми, я здесь делаю? Поняв мои мысли без слов, Мэдден подходит к комоду, достает оттуда белую футболку и пару клетчатых боксеров и предлагает их мне.

— Вот здесь ванная комната, — объясняет он, показывая на противоположную сторону спальни. — Прими душ и надень вот это. Ты почувствуешь себя лучше, обещаю. Полотенца и мочалки в бельевом шкафчике, не стесняйся, бери все, что тебе понадобится. Я воспользуюсь душем в комнате для гостей и вернусь сюда к тебе.

— Спасибо, но я сама могу пойти в комнату для гостей, — возражаю я. — Не хочу причинять тебе беспокойство.

— Блейк, тащи свою задницу в мою ванную, пока я тебя сам туда не отнес и не раздел, — грозит он.

Осторожно взяв одежду из его протянутой руки, я несусь в его ванную, хлопаю дверь и с обессиленным вздохом запираю ее за собой на замок. Комната по стилю является прямым продолжением спальни — минимум декора, кругом царит чистота и порядок. Я медленно подхожу к зеркалу и вздрагиваю, увидев в нем свое изможденное отражение. Выгляжу я дерьмово, неудивительно, что он настаивал на душе. Мои волосы, некогда тщательно уложенные в художественный беспорядок, теперь выглядят как птичье гнездо, под глазами выделяются расплывающиеся черные подтеки туши там, где несколько слезинок, которые я пыталась сдержать, все-таки выскользнули наружу.

Все еще не веря в то, что я собираюсь сделать, я причудливо изгибаюсь, чтобы вылезти из своего замысловатого платья, и включаю самую горячую воду. Поспешно вынув из волос все невидимки, я достаю из узкого шкафчика полотенце и мочалку и встаю под горячие, мощные струи. Не желая задерживаться, я торопливо тру свое тело от макушки до пяток, отвлекаясь лишь на несколько мгновений, чтобы насладиться апельсиново-можжевелевым запахом шампуня и геля для душа, принадлежащих Мэддену.

Выключив воду и выйдя из огромного душа, отделанного маленькой прямоугольной

кафельной плиткой, я вытираюсь полотенцем настолько поспешно, что забываю о своих еще не заживших ранах на ребрах. Я не хочу надевать те же трусики-танга, что были на мне, а платье не предполагало бюстгалтера, поэтому я, не надев никакого нижнего белья, проскальзываю в его боксеры и футболку с v-образным вырезом. Мысль о том, что одежда Мэддена трется о самые интимные части моего тела, неслабо меня заводит, но я заставляю себя сосредоточиться и на сегодня отвергнуть фантазии о сексе с ним — в любом случае, это должно произойти не так.

Воспользовавшись единственной расческой, которую мне удалось найти, я распутываю узлы в своих волосах, затем, намазав на палец зубную пасту, чищу зубы, решив, что это лучше, чем ничего. Прежде чем вновь появиться в его спальне, я бросаю на себя последний взгляд в зеркало, и заключаю, что действительно выгляжу лучше, более того, я и чувствую себя в сто раз лучше.

Мэдден лежит, развалившись на кровати, окруженный со всех сторон едой, которую он принес, его длинные ноги вытянуты вперед, а спина упирается в изголовье кровати. Когда я выхожу из ванной, он смотрит по телевизору спортивные новости. Он без футболки, в одних пижамных штанах, поэтому теперь я точно уверена в том, что он может читать мои мысли и испытывает на прочность клятву, которую я дала сама себе о том, чтобы не спать с ним. Мэдден поднимает на меня глаза и посылает свою самую очаровательную улыбку, заставляя сигналы тревоги взрываться в моей голове. Мне нужно держаться от него как можно дальше.

— Тебе лучше? — спрашивает он меня, пока его взгляд, не пропуская ни одного участка, скользит по моему хрупкому телу. И по мере того, как во мне начинает разгораться пожар, сигналы тревоги звучат еще сильнее.

— Да, спасибо, — отвечаю я, замерев на пороге. Я пытаюсь не таращиться на него, но это невозможно. У него не очень накачанное тело, но на нем явно выделяются грудные мышцы, и даже из другого конца комнаты невозможно не заметить его пресс. Светлое пятно песочных волос покрывает центр его груди, а более темная полоска уходит от пупка вниз под пижамные штаны.

— Подойди сюда и поешь чего-нибудь, — приказывает он, хлопывая ладонью по кровати рядом с собой. — Как бы мне не хотелось, я не собираюсь набрасываться на тебя.

Я делаю так, как он требует, все еще стесняясь подходить ближе, тем не менее, когда я оказываюсь на постели, он не оставляет мне выбора. Он берет меня, приподнимает и усаживает к себе на колени так, что я, оседлав его, оказываюсь сидящей к нему лицом. Я должна бы оцепенеть от ужаса, но нет, я настолько захвачена тем, что он заставляет меня ощущать, что все мысли вылетают у меня из головы. Когда я рядом с ним, Мэдден каким-то странным, необъяснимым способом заставляет меня чувствовать себя в безопасности. Ласково взяв мои только что вымытые волосы в свои нежные, но сильные руки, он пристально смотрит мне в глаза так, как будто пытается разгадать все мои самые мрачные, глубоко спрятанные секреты, то, что, я надеюсь, он никогда не узнает.

— Блейк, — он больше выдыхает мое имя, а не произносит, как слово. — Когда это произойдет между нами, а это неизбежно произойдет, я хочу, чтобы ты была уверена в этом... во мне на сто десять процентов. Я докажу тебе, что мне можно доверять, не важно, сколько времени это займет. И однажды ты сдашься, вот тогда я всецело буду заботиться о тебе. Я хочу, чтобы ты была моей, но не сейчас. Мы будем продвигаться медленно, но верно, милая.

Глава двенадцатая

Pompeii ~ Jasmine Thompson

Блейк

Не давая моему сознанию проанализировать такие слова, как «доверять», «сдашься» и «моей», очень нежно его губы слегка касаются моих губ, заставляя меня полностью потерять ход мысли. Немного отодвинувшись назад, чтобы еще раз взглянуть на меня, Мэдден удерживает мое лицо в своих руках, а я хнычу, не желая, чтобы он отступал. Этот легкий поцелуй дразнит меня, один легкий намек на вкус его губ заставляет меня понять, как отчаянно я жажду этого мужчину. Уголок его рта приподнимается в самодовольной улыбке, а глаза светятся озорным блеском, и тут я издаю приглушенный стон, подтверждающий то, что ему, очевидно, уже известно. Я чувствую легкое покалывание там, где он поцеловал меня, и чтобы унять его, провожу языком по нижней губе. Увидев это, Мэдден издает низкий животный рык.

Когда он опять приближается своими мягкими губами к моим губам, время останавливается. Неторопливо, но настойчиво он целует меня тем поцелуем, о котором я всегда мечтала. Двигаясь в унисон, наши рты одновременно открываются, и на едином вдохе наши языки встречаются в первый раз. Его руки плавно притягивают меня за шею и зарываются в мои влажные волосы, а мои ладони ложатся на его обнаженную, словно высеченную из камня, грудь, наши губы двигаются синхронно, так, будто специально созданы друг для друга. Поцелуй постепенно подходит к своему завершению, Мэдден прижимается ко мне лбом и шепчет:

— Сладкая, сладкая девочка.

Я улыбаюсь ему блаженной улыбкой, а он еще раз быстро, но нежно касается моих губ, хватая меня за бока и снимает с себя. Я слегка кривлюсь от боли, когда его пальцы впиваются в мои заживающие раны, надеюсь, что он не заметит мой дискомфорт, но, увы.

— Я сделал тебе больно? Прости, — с беспокойством глядя на меня, извиняется он.

— Все в порядке. Точно, — заверяю я, чуть-чуть разворачивая корпус так, чтобы он не смог вновь коснуться болезненной области. Быстро меняя тему, я спрашиваю:

— Что ты принес перекусить?

Глядя на всевозможную еду, которой заставлено все одеяло, он слегка усмехается.

— Только то, что смог найти. Тут немного мясной нарезки, сыры и крекеры, а еще виноград и клубника.

— Я правда не настолько голодна...

Он обрывает меня прежде, чем я успеваю закончить мысль:

— Ты сегодня вечером съела всего несколько профитролей с креветками и крабами, и все. Тебе нужно чего-нибудь поесть, перед тем как идти спать, — настаивает он и берет виноградину с тарелки.

Поднеся маленькую зеленую ягоду к моим губам, он игриво поднимает брови.

— Открой рот. Немедленно.

Мои губы с готовностью раскрываются для него, он кладет мне на язык виноградину, наши голубые глаза встречаются, его палец задерживается на секунду дольше, чем нужно, и я усилием воли подавляю в себе инстинктивное желание слегка пососать его. Меня никто не

кормил с самого раннего детства и, будь я проклята, если это не самый чувственный опыт из того, что мне довелось испытать, возможно, даже более чувственный, чем его поцелуй.

Он кладет на крекер прощутто и сыр и продолжает меня кормить. В течение почти пятнадцати минут он кормит меня с руки маленькими кусочками разных деликатесов, в перерывах успевая перекусывать сам. Когда почти вся еда съедена, я подавляю зевок, потому что уже поздно, а мне не хочется показаться грубой или неблагодарной за его гостеприимство. Кроме того, я знаю, что, как только я отправлюсь спать, этот иллюзорный мир, в котором я сегодня провела вечер, исчезнет, а завтра утром, я, скорее всего, проснусь в своей кровати, сознавая, что это был всего лишь сказочный сон. Мэдден Декер, сексуальный и успешный бизнесмен, требует, чтобы я сопровождала его на модную вечеринку, даже предлагает купить мне платье, а затем, когда я, как настоящая неврастеничка, убегаю оттуда, он привозит меня к себе домой, где целует и кормит меня из своих рук, ни разу не спрашивая о том, что, черт возьми, происходит, или, что у меня за гребаные проблемы? И это все происходит со мной? Наверное, меня так и не выпустили из сумасшедшего дома.

— Время спать, — объявляет он, вставая с кровати. — Ты останешься здесь, если тебе что-нибудь понадобится, я в комнате для гостей дальше по коридору.

— Нет, я не могу...

— Блейк, прекрати со мной спорить, — выговаривает он мне.

Убрав с кровати поднос с едой, Мэдден ставит его на прикроватную тумбочку, оборачивается и смотрит на меня.

— Сейчас же ложись.

Лежа на спине, я быстро ползу вверх по кровати, опускаю голову на мягкую подушку и смотрю на него из-под своих густых ресниц. Он заставляет меня чувствовать что-то такое, чего я никогда еще не испытывала, но я не уверена в том, что это. Мэдден накрывает меня до самых плеч одеялом и несколько раз целует меня в лоб легкими, как перышко, поцелуями.

— Спокойной ночи, красавица. Сладких снов моей сладкой девочке.

Когда он неторопливо выходит из комнаты, унося с собой поднос, нагруженный пустыми тарелками, я восхищаюсь его широкой, мускулистой спиной и тем, как сексуально пижамные штаны обхватывают его бедра, подчеркивая при этом идеальную задницу.

Направляясь к нему на работу, я была так возбуждена, потому что мне не терпелось обрадовать Иса новостью о том, что я беременна. Конечно, я была молода, мне только что исполнилось восемнадцать, но я знала, что нежно люблю его и он именно тот человек, с которым я хочу провести остаток жизни. Через шесть месяцев после того, как мы начали встречаться, он сделал мне предложение, и в день, когда окончила школу, я, несмотря на предостережения мамы, переехала к нему в его престижную квартиру в элитном районе города. Именно он настоял на незащищенном сексе, утверждая, что не может дождаться, когда в моем животе поселится маленький Ис. Я знала, что он будет ликовать, и надеялась уговорить его уйти с работы пораньше, чтобы мы смогли вдвоем отпраздновать это событие.

В его офисе я бывала лишь однажды, и то вместе с ним. Тогда же я в первый и единственный раз встретила с его отцом и дядей. Я была удивлена, узнав, что они

итальянцы, а не бразильцы, как его мать. Когда же они принялись расхваливать меня и сказали, как они счастливы, что Ис нашел такую милую девушку, как я, они оба показались мне очаровательными и дружелюбными. Также мне тогда показалось странным, что, когда Ис побежал в заднюю часть магазина, где находились гаражи и помещения для ремонта, за своим забытым там мобильником, мне не позволили пройти с ним. Я осталась ждать его в торговом зале, где были выставлены элитные, автомобильные аксессуары, которые они разрабатывали и производили, но мне и в голову не пришло спросить его, почему так получилось. Я была слишком заинтересована историей о том, почему у них с отцом разные фамилии, тогда-то я и узнала, что его родители никогда на самом деле не были женаты. Я хотела спросить, почему Ис до сих пор не взял фамилию отца, но он ясно мне дал понять, что разговор окончен.

Для середины рабочего дня на парковке было слишком много машин, и когда, наконец, мне удалось отыскать свободное место, я выскочила из автомобиля и поспешила через стеклянные двери. К моему удивлению, в торговом зале не было ни единой души.

— Эй! Есть тут кто-нибудь? — позвала я. — Аууу!

Так и не дождавшись ответа, я решила, что, скорее всего, все ушли в подсобное помещение, и поэтому потихоньку направилась туда. Едва подойдя к задней двери, я услышала приглушенные голоса, и, как любой другой человек на моем месте, пошла на эти звуки, и нечаянно наткнулась на то, что навсегда изменило мою жизнь.

Дверь слева по коридору была чуть-чуть приоткрыта. Повинуясь инстинкту, я бесшумно встала на цыпочки, чтобы посмотреть через щель в дверной петле, что там происходит, не рискуя быть замеченной. А там шестеро или семеро мужчин стояли вокруг и наблюдали за тем, что творилось в центре комнаты. На деревянном стуле сидел молодой парень, связанный по рукам и ногам, он был весь в синяках и кровоподтеках и умолял сохранить ему жизнь, а Ис держал нож у его лица, и оба они смотрели на моего будущего свекра Винсента Риччи.

— Последний раз спрашиваю, что ты им рассказал? — задал вопрос пленнику мистер Риччи.

— Клянусь вам, босс, я ни слова им не сказал. Когда они вышли на меня, им уже было все известно. Пожалуйста. Я говорю вам правду, — умолял бедный парень. — Я бы никогда вас не предал, я прекрасно понимаю, чем это грозит.

Риччи, глубоко задумавшись, несколько раз прошелся перед парнем взад вперед, пока Ис стоял, прижав нож к его щеке.

— Он прекрасно понимал. Убей его. Медленно, — отдал указание Ису пожилой мужчина таким спокойным голосом, словно заказывал ужин в ресторане.

Не знаю, что было в этой сцене более отвратительным — то, что Ис сделал с этим мужчиной, или то, каким довольным он выглядел, проделывая все это. Он разделал его, как тыкву на Хэллоуин, сначала вырезав ему язык и губы, затем отрезав нос, ну и, наконец, прежде чем перерезать горло, выдавив ему глаза. Я никогда раньше даже в кино не видела ничего более отвратительного. Там было столько крови — кровь по всему полу, на жертве, на Исе. Задержав дыхание и стараясь не издавать ни звука, в ужасе от только что увиденного, я закрыла ладонями рот, чтобы меня тут же не вырвало. Я хотела отвести взгляд, но застыв от страха и шока, не могла даже пошевелиться. Когда мое сознание стало понемногу проясняться, я услышала мужские голоса и звуки шагов по комнате. Я поняла, что если не хочу оказаться на том же стуле, то надо отсюда выбираться.

Так же тихо, как зашла в магазин, я оттуда и вышла. Я со всех ног побежала к машине, завела мотор и на полной скорости рванула обратно в нашу квартиру. Когда я, наконец, добралась до дома, в голове у меня была полная каша. Я не знала, что мне делать, я хотела уехать, но была напугана до смерти. Не в силах пережить то, чему только что была свидетелем, я начала задыхаться. Я совсем забыла о том, почему очутилась у него на работе. Мне нужно было ко всем чертям убираться отсюда, но я понимала, что должна быть осторожной и осмотрительной. Меньше чем за час мир вокруг меня рухнул. Мужчина, которого, как мне казалось, я любила — преданный, нежный, понимающий, внимательный — оказался совсем не таким. Он был лживым, жестоким, хладнокровным, безжалостным убийцей. Все начинало обретать смысл: его постоянные задержки на работе, таинственность, окружавшая его отца, и чем больше кусочков пазла складывалось у меня в голове, тем в больший ужас я приходила. Я оказалась в постели с мафиози.

Опасаясь, что он выследит меня и убьет, если попытаюсь сбежать, я понимала, что мне следует подождать и продумать хороший план побега. Поэтому я осталась дома и стала ждать его возвращения с работы. Когда он, наконец, пришел домой, то был в чистой одежде — той же самой, в которой уходил утром — и вел себя, как любящий мужчина. Я изо всех сил старалась вести себя так, будто ничего не произошло, и у меня даже получилось притворяться в этот день так, как все время притворялся Ис... В ту ночь, впервые с самого детства мне приснился кошмар: сцены того, как мой жених пытается и убивает того человека, его стоны без конца проигрывались и проигрывались в моей голове. Когда посреди ночи я проснулась от ужасной, невыносимой боли, и увидела под собой лужу крови, первой моей мыслью было то, что он обо всем узнал. Но, когда я увидела, что он лежит рядом и крепко спит, поняла, что теряю ребенка, и почувствовала огромное облегчение.

Резко подскочив на кровати, осматриваясь вокруг, я пытаюсь дышать, пока ко мне возвращается сознание. Сначала незнакомая окружающая обстановка ужасно пугает меня, но потом память включается, и я вспоминаю, что нахожусь в комнате Мэддена, в его постели. Глубоко вдыхая носом и выдыхая ртом, я заставляю свое тело постепенно перестать дрожать, а сердцебиение успокоиться. Надеюсь, что я не кричала во сне и не разбудила Мэддена, я тихо жду несколько минут, чтобы удостовериться, что он не появится в комнате. Убедившись, что все спокойно, я медленно спускаюсь с кровати и иду в ванную. Я просто хочу попить воды, но не хочу своим шумом разбудить его.

Пересекая комнату легкими шагами, я вхожу в ванную и в ужас останавливаюсь, заметив свое отражение. Кровь. И немало. По всей его футболке. Черт! Осторожно и отрываю белую футболку от своих открытых ран и снимаю ее через голову. Со вздохом я подхожу ближе к зеркалу и осматриваю старые царапины вперемешку со свежими. Я внутренне сжимаюсь, увидев, сколько новых прибавилось в этот раз. Глубокие полосы от моих ногтей — именно поэтому я всегда держу их коротко постриженными — тянутся от груди к животу, большая часть из них сочится кровью. Я не представляю, что мне делать. Мне нужно промыть и обработать раны, но я не хочу ни тревожить Мэддена, ни копаться в его личных вещах, чтобы найти какой-нибудь антисептик. И потом, даже если мне удастся

их очистить, встает вопрос, что мне надеть. Я уже испортила одну его футболку, и единственная одежда, которая у меня осталась, это вечернее платье, которое я надевала вчера.

Чувствуя себя униженной и загнанной в тупик, я смотрю на израненную себя и начинаю тихо плакать. Я не представляю, как смела задуматься о том, чтобы жить нормальной жизнью. Даже если Винсент Риччи и его семья никогда меня не найдут, от себя не убежишь.

Какое-то движение в зеркале пугает меня. Резко обернувшись, я вижу Мэддена, стоящего на пороге, с открытым ртом, странная смесь отчаянной озабоченности и неистовой ярости сияет в его глазах.

— В душ. Сейчас же. Потом поговорим.

Глава тринадцатая

Ghosts That We Knew ~ Mumford & Sons

Мэдден

У меня нет слов. Нет гребанных слов. Мозг с трудом верит той картине, что разворачивается перед глазами, так, словно предполагает, что они мне лгут. Я ошарашен, шокирован, потрясен, у меня нет слов. Это один из тех случаев, когда я не знаю, что сказать или сделать. Часть меня хочет подбежать к окровавленной, сломленной девушке, которая стоит в моей ванной и всхлипывает, глядя на себя в зеркало, и успокоить ее, сказать, что все будет хорошо, что я все исправлю, все, что бы это ни было. Другая же часть меня хочет кричать во все горло, ругая ее за то, что она причиняет себе вред, а потом пойти и убить человека, который довел ее до того, что она с собой делает, кем бы он ни был.

Крики и бормотание Блейк предупредили меня о том, что она проснулась. Но после ее признания относительно разбитой губы, я знал, что она страдает ночными кошмарами, и старался лишней раз не беспокоить ее. Было очевидно, что в понедельник она еще не была готова рассказать мне о том, что провоцирует ее страхи или причину, лежащую в их основе, но я не хотел давить на нее. Я все больше и больше понимаю, что в отношении этой девушки должен следовать своему же совету — медленно, но верно. Сильная страсть, которую она вызывает во мне — чувство настолько глубокое, что это почти пугает — подтверждает мне, что когда она станет моей, это будет того стоить.

Как только я услышал, что она встает с кровати, то пошел проверить, все ли у нее в порядке, полагая, что, проснувшись в незнакомом месте, Блейк может быть немного сбита с толку; тем не менее, никогда, даже в самом ужасном сне, я не мог представить себе, что увижу ее такой. Помимо признаков очевидного недоедания, кровь ручьями сочилась у нее из многочисленных ран и царапин, стекая на миниатюрный живот. Именно об этом мне следовало позаботиться в первую очередь. Поднеся руку к своим взерошенным волосам, я провожу пальцами сквозь спутанные пряди, отчаянно пытаюсь придумать план действий. Блейк замечает мое движение в зеркале и поворачивается, чтобы взглянуть на меня, паника и унижение тяжелой тенью лежат на ее лице.

— В душ. Сейчас же. Потом поговорим, — рывкаю я гораздо грубее, чем намеревался.

Она тотчас опускает голову, чтобы спрятать свои слезы, и скрещивает руки на груди, тем самым прикрывая ее.

— Извини за все это, — удается просипеть ей сквозь рыдания. — Я просто хочу домой.

Бросаясь к ней, я не решаюсь прикоснуться, не желая причинить ей еще больше боли. Я мягко поднимаю ее подбородок, заставляя взглянуть на меня.

— Не извиняйся, сладкая девочка, — шепчу я, успокаивая ее. — Давай промоем твои раны, а потом мы сможем обо всем поговорить. Я не хотел быть резким с тобой.

Я нежно целую ее в обе залитые слезами щеки, прежде чем отвести за руку в душ.

— Струи воды в душе будут сильно щипать. Лучше очистить раны салфетками, а затем обработать спиртом, — возражает она, очевидно зная в этом толк. — Я сама могу позаботиться об этом, Мэдден.

Я замираю на полпути и поворачиваюсь к ней, чертовски хорошо осознавая, что мои глаза наполнены жалостью, и я ничего не могу с этим поделать.

— Хорошо, но, пожалуйста, позволь помочь тебе.

Блейк слегка кивает мне головой, тогда я открываю бельевой шкаф, достаю из него пару тканевых салфеток и веду ее обратно к раковине. В первый раз, смочив салфетку, я встаю на колени напротив нее так, что ее раны оказываются у меня прямо перед глазами. Пока я занимаюсь обработкой, тщательно смывая красные полосы с костлявого тела и впалого живота, она продолжает крепко сжимать руки вокруг груди. Я замечаю, что не все царапины свежие, это подтверждает то, что для Блейк произошедшее уже стало обыденностью. Прикусив язык, я стараюсь никак не упомянуть о ее худобе, потому что не хочу еще больше усугублять ситуацию, заставляя ее чувствовать себя еще хуже, чем уже есть. Вместо этого, я мысленно делаю заметку, кормить ее при каждом удобном случае.

После пятнадцати минут, проведенных в молчании, вся кровь, наконец, вытерта, и я беру из аптечки бутылку медицинского спирта. Снова встав на колени, я внимательно вглядываюсь в нее, чтобы убедиться, что она готова к боли. Ее глаза крепко закрыты, и Блейк нервно жует нижнюю губу. Ее хрупкость и беспомощность очень сильно действуют на меня. Я хочу, нет, зачеркните, мне нужно все исправить для нее так же сильно, как необходимо сделать следующий вдох, и я не имею гребаного понятия, почему. Это до чертиков пугает меня.

Чувствуя на себе мой взгляд, Блейк постепенно открывает глаза и смотрит вниз на меня своими разрывающими сердце сапфировыми глазами.

— Я готова, — мягко произносит она.

— Я не хочу сделать тебе больно, сладкая девочка, — искренне отвечаю я.

— Все в порядке. Я привыкла, — затем, еще раз закрывая веки, она запрокидывает голову назад и собирается с силами.

Так легко, как только могу, ватными тампонами, пропитанными спиртом, я касаюсь царапин. Чувствуя, как несколько раз напрягаются и вздрагивают от боли, причиняемой антисептиком, ее мышцы, я хочу остановиться, но знаю, что это надо сделать. Когда каждый миллиметр ее изорванной в клочья сливочной кожи обработан, я нежно беру Блейк за выступающий таз, все еще прикрытый парой моих боксеров, и начинаю нежно касаться губами гладких, чистых, не израненных частей ее живота. Мои действия ни в коем случае не несут сексуальный подтекст, я просто хочу успокоить и утешить ее, облегчить боль и заверить, что она меня не напугала.

Слыша ее слабый вздох, я поднимаю глаза на Блейк и снова вижу в них слезы. Вскочив на ноги, я обеими руками беру ее лицо, большими пальцами стирая влагу со щек.

— Не плачь, Блейк. Пожалуйста, не плачь больше, — молю я, целуя кончик ее носа. — Давай найдем тебе новую футболку, а потом положим спать. Может, тебе удастся еще отдохнуть.

Она не отвечает, поэтому я сам приношу из своей комнаты чистую одежду и кладу ее на столешницу рядом с ней.

— Вот футболка. Я пойду вниз, принесу тебе Ибупрофена и воды. Чтобы когда я вернусь, ты была в постели.

К счастью, к моему возвращению она уже, как я и наказывал, одета и ждет меня в кровати, по крайней мере, присутствуя там физически. Ее колени крепко прижаты к груди, подбородок лежит на коленях, глаза открыты, но затуманены, она безучастным взглядом смотрит в пространство.

— Вот ты где. Это поможет тебе почувствовать себя лучше, — говорю я, садясь рядом с

ней и протягивая ей таблетки и бутылку с водой.

Она не отвечает.

— Блейк, детка, пожалуйста, выпей немного воды, — настаиваю я. — Лекарство поможет справиться с болью.

Блейк, как зомби, берет у меня лекарство и воду и закидывает таблетки в рот. Два быстрых глотка воды, и она отдает мне обратно бутылку.

— Ты не мог бы отвезти меня обратно к моей машине, — бесстрастным тоном просит она.

— Нет, не мог бы! — кричу я громче, чем хочу, и стыжусь сам себя, когда при звуках моего голоса она отступает. — Прости, — уже мягче говорю я, — но я не повезу тебя к машине посреди ночи, особенно потому что мы еще не поговорили о том, что сегодня произошло. Сначала ты убежала с мероприятия, когда тебя вызвали на сцену, но тогда я не хотел на тебя давить и требовать объяснений, а теперь тебе приснился настолько тяжелый сон, что ты буквально заживо содрала с себя кожу. Ранее на этой неделе у тебя был еще один ночной кошмар, от которого ты едва не прожевала дыру в губе. Что-то происходит, и я хочу знать, что.

Слегка повернувшись ко мне лицом, она качает головой.

— Да кто ты такой? Я знаю тебя меньше недели, и ты уже считаешь, что у тебя есть право интересоваться моими самыми глубокими и темными секретами, лишь только потому, что ты несколько раз сводил меня в ресторан и пару раз поцеловал? Я не знаю тебя, и абсолютно уверена, что не доверяю тебе. Возможно, ты просто хочешь трахнуть меня и исчезнуть, а после я больше о тебе ни разу не услышу.

Вдохнув в легкие побольше воздуха, перед тем, как открыть рот, я заставляю себя тщательно продумать ответ. Я знаю, что ей больно во всех смыслах этого слова, и не хочу усугублять эту боль.

— Блейк, все, что ты сейчас сказала, правильно и верно. Я мог бы сидеть здесь и говорить тебе, как ты должна мне доверять, и как я чувствую эту загадочную, мистическую связь — такую, какую я никогда прежде не чувствовал — когда нахожусь рядом, и что я никогда не причиню тебе боли, но все это ничего не значит. Это просто слова.

Я прерываюсь, чтобы дать ей время осознать сказанное.

— Тем не менее, позволь моим сегодняшним поступкам говорить самим за себя. Когда ты убежала на вечеринке, я не разозлился, не отвез тебя к твоей машине, желая от тебя избавиться. Нет, вместо этого, я привез тебя в свой дом, предложил свою одежду, накормил своей едой, чертовски хорошо зная, что я не собираюсь тебя трахать, как ты это красочно назвала. Когда я обнаружил тебя в ванной, моим первым желанием было позаботиться о тебе, помочь тебе промыть раны и почувствовать себя лучше, а не вышвырнуть тебя из дома.

Опять пауза.

— Я сообразительный парень. Я понимаю, что мы знакомы меньше недели, и не собираюсь признаваться тебе в вечной любви, я даже не обещаю тебе, что когда-нибудь это сделаю. Я уже обжегся однажды и не уверен, что когда-нибудь еще отдам кому-то свое сердце только для того, чтобы его вновь разорвали в клочья. Я только говорю, что с тех пор, как увидел тебя в той комнате для переговоров, я не могу выкинуть тебя из головы. Я не буду лгать и говорить, что не мечтаю заставить твое миниатюрное тело извиваться в экстазе и видеть, как заблестят твои прекрасные голубые глаза, когда я заставлю тебя кончить по моей команде. Но трахнуть я могу почти кого угодно. Ты... Все в тебе кричит мне, чтобы я заявил

на тебя свои права. Я хочу заботиться о тебе и защищать, и я говорю это абсолютно искренне, не пытаюсь обмануть, как это можно ожидать от человека, который на тринадцать лет тебя старше. Узнавать друг друга ближе, учиться доверять друг другу — вот первые шаги на этом пути.

Я полагаю, что мне лучше остановиться, потому что Блейк смотрит на меня так, будто у меня за время моей речи выросла вторая голова. Я не стыжусь сказать ей, что чувствую, это не какая-то гребаная игра для меня, но я не хочу также и взбудоражить ее. Но боюсь, я только что это сделал.

— Пожалуйста, Мэдден, отвези меня обратно к машине. Я не могу этого сделать... Только не прямо сейчас, — вот и все, что она говорит бесстрастным голосом.

Я обескуражен, я в отчаянии, черт, близок к тому, чтобы выпустить наружу всю скопившуюся злость. Я тяжело вздыхаю.

— Прямо сейчас я не могу. Это будет первое, что я сделаю утром. Постарайся отдохнуть, и, пожалуйста, не калечь себя больше.

Пытаясь побороть в себе все попытки остаться с Блейк и потребовать объяснений, поцеловать ее и сказать, что как-нибудь я все устрою, я встаю и выхожу из комнаты, оставляя ее одну.

Глава четырнадцатая

Everybody Hurts ~ REM

Блейк

В течение двух долгих часов я, практически не двигаясь, сижу на кровати Мэддена, его слова эхом звучат у меня в голове:

«Мистическая связь...»

«Заявить свои права...»

«Заботиться о тебе и защищать...»

«Учиться доверять...»

Все это звучит восхитительно, его слова так безупречно прекрасны; я никогда и не мечтала услышать их от мужчины, а особенно от такого, как Мэдден. В мыслях промелькнули его образы, запечатленные в памяти с прошлой недели: момент, когда наши глаза впервые встретились, первый раз, когда он назвал меня сладкой девочкой, озабоченность на его лице, когда он нашел меня на заднем дворе, волнующий поцелуй, перевернувший мой мир вверх тормашками и, наконец, его уязвимость и сочувствие, когда он встал передо мной на колени, чтобы очистить, а затем смазать мои порезы, а после нежно целовал мой живот, чтобы успокоить меня.

Но так же сильно, как мне хочется ему верить и, несмотря на то, что его поступки говорят сами за себя, циничная, подозрительная, практичная часть моего разума напоминает, что прошло всего лишь пять дней. Любой человек может притворяться кем угодно неделю, месяц, год и даже больше. Я не сравниваю Мэддена с Исом — никто не заслуживает такого несправедливого сравнения, — но, в то же время, я не могу забыть свое прошлое. Никогда. Говорят, что на ошибках учатся. Я заплатила за свои ошибки самую высокую цену — я заплатила жизнями мамы и брата, людей, которых любила больше всего на свете. Их жизни отняли так бессмысленно и жестоко. Я не уверена в том, что мне есть что терять, но совсем не намерена выяснять это на практике.

— Ты готова идти? — спрашивает Мэдден, входя в комнату с непроницаемым лицом. Он переоделся в пару джинсов и черную футболку, а судя по его влажным волосам и гладкому лицу, можно предположить, что он уже принял душ и побрился. Полагаю, что в комнате для гостей у него тоже есть все необходимое из одежды и предметов личной гигиены.

Я осторожно соскальзываю с кровати и бормочу:

— Да.

До сих пор одетая в его футболку и боксеры, я беру свое платье, туфли и сумочку, лежащие в углу, и, спотыкаясь, иду туда, где меня ждет Мэдден, стараясь при этом не смотреть на него. Очевидно, он тоже не слишком стремится видеть меня или разговаривать со мной, потому что, как только я подхожу, он срывается с места и бросается вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку и не оглядываясь назад. Едва поспеваю, я следую за ним к его машине, припаркованной на подъездной дорожке.

За всю дорогу к моему офису, откуда я должна забрать свой автомобиль, он не сказал мне ни слова, поэтому я смотрю в окно, наблюдая, как раннее утреннее солнце появляется из-за гористой линии горизонта, и потихоньку растворяюсь в своих мыслях. Я понимаю, что

он расстроился из-за меня — он преподнес мне на блюде свое сердце, а я практически захлопнула дверь прямо перед его носом. Я сожалею о том, что сказала, что он всего лишь хочет трахнуть меня, но я пыталась заставить его оставить меня в покое, перестать задавать мне вопросы, на которые я не могу ответить. Полагаю, что это сработало.

Когда Мэдден останавливается рядом с моей машиной, я решаю, что он больше не будет открывать передо мной дверь, так как едва может выносить мое присутствие, поэтому сама тянусь к ручке.

— Нет! — отрывисто приказывает он.

Безвольно опуская свою трясущуюся руку на колено, я нервно смотрю на него. Его глаза внимательно изучают мое лицо, как будто что-то там ищут, скорее всего, ответы.

Так как он больше не выказывает желания сказать что-либо еще, я тихо говорю ему:

— Извини меня за грубость и невежливое поведение, после всего, что ты сделал, чтобы помочь мне.

— Тогда почему ты все это сказала?

— Я не хотела разговаривать о том, почему я все это делаю, — честно отвечаю я. — Я не могу об этом говорить.

— Потому что ты не доверяешь мне? — бросает он вызов.

— Потому что я не доверяю никому, даже себе.

Слегка наклонив голову, он какое-то мгновение обдумывает мой ответ, и его небесно-голубые глаза немного смягчаются. Затем, заставая меня врасплох, он тянется через центральную консоль и берет мою руку в свою. Поднеся ее к своим губам, он нежно целует тыльную сторону ладони. Мои глаза прикованы к тому месту, где его рот касается моей бледной кожи, в то время как мой желудок трепещет, в тайне радуясь тому, что он не отвернулся от меня окончательно.

— Я не знаю, через что ты прошла, что заставило тебя утратить веру во всю человеческую расу, и, честно говоря, возможные варианты, приходящие мне в голову, вызывают у меня отвращение, но я уверен, что твоя недоверчивость и презрение более чем оправданы.

Замолчав, он переворачивает мою руку и несколько раз прижимается к ладони поцелуями.

— Мы все порождение нашего прошлого, но тебе не надо становится его заложницей. Ты сама делаешь свой сознательный выбор.

Его рот опускается ниже к внутренней части моего запястья, нежную кожу которого он усеивает поцелуями. Меня завораживает каждое его слово, каждый его жест.

— Если ты сможешь дать мне хотя бы тоненький лучик надежды, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе освободиться от тех демонов, которые держат тебя в своем плену. Я хочу, чтобы ты по своей воле повернулась ко мне и отдала свою боль и свою радость. Пусть они будут моей заботой, освободись, и ты сможешь излечиться и физически, и эмоционально. Я уже говорил, что был пленен тобой с самого первого момента нашей встречи, и с каждой секундой, проведенной рядом, даже когда ты убегаешь или кричишь на меня, я все больше и больше околдован всем, что представляет собой Блейк Мартин.

— Мэд... — начинаю я.

— Шшш... — не дав мне договорить, Мэдден заставляет меня затихнуть. Он наклоняется и захватывает мои губы поцелуем, который крадет и мои слова, и дыхание, а затем с подкупающей улыбкой отрывается от меня.

— Не отвечай сейчас, я хочу, чтобы ты немного подумала над этим. Ты говоришь, что мы знаем друг друга всего лишь неделю, поэтому давай проведем столько же времени по отдельности, не видясь и не общаясь друг с другом. В следующие выходные ты дашь мне знать, что ты решила, и если ты все так же не захочешь иметь со мной, с нами, ничего общего, я больше никогда не затрону эту тему. В любом случае наши деловые отношения не пострадают, я бы меньше всего хотел испортить твою едва начавшуюся карьеру.

Я с недоверием смотрю на него, взбудораженная до предела, но знаю, что не должна принимать никаких решений в своем теперешнем состоянии. Тем не менее, я могу согласиться взять несколько дней на обдумывание того, что он сказал. С кроткой улыбкой на лице я одобрительно киваю ему.

Улыбаясь так широко, как будто выиграл в лотерею, Мэдден распахивает свою дверь, вскакивает с места и спешит к моей двери. Как обычно по-рыцарски он помогает мне выйти и провожает меня в несколько коротких шагов к машине.

— Спасибо, что не сказала мне «нет», сладкая девочка, — говорит он, заправляя за левое ухо растрепавшуюся прядь, а после, позволяя кончикам пальцев пройти по моей скуле.

Я поворачиваю голову, давая возможность его руке подольше задержаться на моем лице, одобряя его задумчивый жест.

— Спасибо, что не требуешь от меня немедленного ответа. Честно говоря, я до сих пор не понимаю, почему для тебя это так важно, или почему ты все еще борешься за меня, несмотря на то, что ты меня даже не знаешь, — признаюсь я.

Наклонившись ко мне еще ближе, так, что теперь мы соприкасаемся лбами и носами, он хриплым голосом шепчет:

— Все, чего я действительно хочу, стоит борьбы, а больше, чем что-либо еще, я хочу тебя.

Его глаза умоляют мои, а мятное дыхание заполняет мои ноздри, я отчаянно хочу, чтобы он меня поцеловал, но вместо этого он медленно отступает назад.

— Поговорим через неделю. Блейк, пожалуйста, постарайся больше не пораниться. Я буду волноваться, — говорит он и, не отрывая от меня взгляда, легким шагом направляется к своему автомобилю.

Когда я понимаю, что он не сядет в свою машину, пока я не сяду в свою, я открываю дверцу и проскальзываю на матерчатое сиденье. Зная, что он все еще наблюдает, я сдерживаюсь и не начинаю биться головой о руль, хотя именно это мне больше всего хочется сделать. Вместо этого я выезжаю с парковки и еду к своему дому, где в одиночестве попробую решить, желаю ли я рискнуть и завязать отношения с Мэдденом Декером.

Остаток субботы и все воскресенье проходят без происшествий. Приняв, наконец, как данность, что, скорее всего, я задержусь в этой квартире на некоторое время, большую часть выходных я крашу и декорирую свое небольшое пространство. У меня не так уж много денег, но, как только я вышла из больницы, то получила выплаты по страховке за смерть мамы и Брэндона, эти деньги теперь хранятся на моем сберегательном счете. Моего заработка на нынешней работе достаточно для того, чтобы оплачивать текущие расходы, поэтому я могу

себе позволить использовать часть денег, чтобы привести в порядок свое жилище.

Физический труд также помогает мне избегать постоянных мыслей о том, что за последнюю неделю сказал и сделал Мэдден, а особенно о нашем последнем разговоре. Я настолько часто проигрывала его у себя в голове, что, уверена, могу пересказать его слово в слово, но мне даже и близко не удастся принять решение. Взвешивая все за и против, я уже столько раз за последние тридцать шесть часов меняла свой ответ, что начинаю, вдобавок к остальным психологическим проблемам, чувствовать раздвоение личности.

Я хочу верить ему, хочу думать, что все будет так же просто, как он утверждает, что я смогу просто повернуться к нему лицом и позволить позаботиться о моих радостях и печалях, но я гораздо умнее. Для его же и моей безопасности мне лучше не раскрывать ему подробностей моей жизни с Исом или то, что я знаю о Винсенте Риччи и организации, на которую он работает в Чикаго. И это не говоря уже о том, что я просто боюсь. Я боюсь его — того, кто он, и чего он хочет от меня, и боюсь сама себя — я не хочу снова потерять себя, так как это было рядом с Исом. А понимая, что я не могу устоять перед Мэдденом, когда нахожусь рядом с ним, так обязательно и произойдет. И это же самое завораживающее чувство не дает мне бросить все и бежать от него на край света. Впервые мне больше, чем на мгновение, удалось забыть о том, что случилось тогда. Когда я нахожусь рядом с ним, я прихожу в состояние такого умиротворения, что чувствую, что могу начать все заново, с чистого листа. Когда он со мной, все те ужасы, через которые я прошла, исчезают, потому что все, чего я хочу, это порадовать его, утонуть в его желании и почувствовать себя свободной от груза вины и воспоминаний, который я ношу на плечах.

Заползая в кровать в воскресенье вечером, я надеюсь, что достаточно потрудились, чтобы заснуть, как только голова коснется подушки. Я устала от постоянных мыслей и надеюсь, что сон даст, по крайней мере, несколько часов передышки моим перегруженным мозгам.

Сидя на жесткой, как доска, кровати в старомодном, грязном мотеле, мне никак не удается остановить дрожь, охватившую меня от макушки до пяток. Я сделала это. Я сбежала от него. Целых три месяца после того, как я наткнулась на кровавую сцену в магазине, я притворялась, будто ничего не знаю. Каждое утро я готовила ему завтрак и целовала на прощание, когда он уходил на работу, а потом шла в библиотеку, чтобы воспользоваться их компьютером для разработки плана побега, опасаясь, что он может все узнать, если я буду использовать наш домашний лэптоп. Я не хотела, чтобы мама и брат узнали, что я замышляю, потому что это подвергло бы их серьезной опасности. Каждый вечер он приходил домой, и на столе его уже ждал приготовленный ужин, а после я собирала всю свою волю в кулак, чтобы меня не вырвало, пока он трахал меня до изнеможения, всегда обещая дать мне другого ребенка.

Наконец, за две недели до предполагаемой даты свадьбы, я решилась. У меня было немного денег, и с собой я взяла только то, что поместилось в рюкзак, но за первый день мне удалось добраться до Блумингтона, где я и остановилась на ночь в самом дешевом мотеле, который только смогла найти.

Мои ноги буквально вопили от боли после непомерной нагрузки, плечи ужасно ныли от

тяжелого рюкзака. Я даже не стала убирать покрывало, опасаясь того, что могу обнаружить на простынях. Я просто легла сверху на нечто отвратительное с восточным узором «бута» и закрыла отяжелевшие веки, заснув меньше, чем за минуту.

Почувствовав теплое дыхание на своем лице, я в испуге проснулась и увидела Иса, нависающего надо мной.

— Пора домой, принцесса, — спокойно сказал он каким-то жутким голосом.

— Ч-что ты здесь делаешь? — запинаясь, выдавила я из себя.

— Думаю, это я должен у тебя об этом спросить, а, Брайли? А ну-ка отвечай, почему ты здесь, и не вздумай молотить чушь про предсвадебный мандраж. Что тебе известно? — потребовал он.

Я поняла, что нет смысла лгать. Он нашел меня, и когда-нибудь мне все равно пришлось бы ему признаться.

— Как-то я зашла в магазин и застала там эээ... допрос.

— И...?

— И я видела, как ты убил человека, — призналась я.

Вместо того чтобы взбеситься или хотя бы разозлиться, он усмехнулся:

— А сейчас увидишь, как убью еще одного.

Подхватив с кровати, он перебросил меня через плечо и вышел из комнаты в непроглядную ночь. От страха я старалась не издать ни звука и никуда не смотреть, трясясь у него на плече, пока он шел к маленькому кабинету и бросил меня там на пол. У мужчины за стойкой регистрации, очевидно, от страха перед Исом и разворачивающейся сценой, глаза полезли на лоб.

— Ты сдал ей комнату? — потребовал ответа Ис.

Пожилый мужчина кивнул, делая небольшой шаг назад.

— Не двигайся на хер старик, и отвечай, когда я задаю тебе гребаный вопрос.

— Д-да, я, — признал он надтреснувшим голосом.

— Она заплатила деньгами или трахнулась с тобой?

— Она заплатила мне деньгами, сэр. Я не занимаюсь подобным бизнесом. — Мужчина посмотрел на меня, забившуюся в угол на полу, а затем опять на Иса. — Она никогда не предлагала мне ничего подобного.

Ис протопал за стойку и протянул вперед руку ладонью вверх.

— Она хочет вернуть деньги. Она не будет здесь ночевать.

Мужчина, дрожа, открыл кассу, достал оттуда несколько купюр и вложил их в руку Иса. Когда он это делал, Ис схватил его за запястье и заломил ему руку за спину.

— Пожалуйста... Пожалуйста, не надо, — умолял мужчина. — Я не знал, что делаю что-то плохое.

— Ты, возможно, и не знал, а вот она знала, — со злостью выплюнул слова Ис, бросая на меня яростные взгляды. — Принцесса, ты знала, что поступаешь плохо?

Рыдание, комом, стоявшее у меня в горле, вырвалось наружу, когда я кивнула и произнесла:

— Да.

— Ну, кто-то должен быть наказан за твое плохое поведение, чтобы ты больше так не делала.

— Накажи меня, Ис, — заплакала я. — Этот бедняга здесь не причем. Пожалуйста, отпусти его.

Прежде чем разразиться зловецим смехом, который громким эхом отразился от стен маленькой комнаты, он взглянул на мужчину, которого держал крепкой хваткой, затем опять на меня.

— Извини, принцесса, но ты должна хорошо выглядеть на свадьбе.

Потом без предупреждения он достал из штанины своих брюк нож с длинным лезвием и одним взмахом отрезал мужчине руку. Я не знаю, кто кричал громче я или тот человек, но буквально через несколько секунд в комнате остался звучать только мой пронзительный визг, потому что Ис взял нож и перерезал мужчине горло, убивая его за одно мгновение. Бросив окровавленное тело, он подошел ко мне, наклонился и зажал мне рукой рот.

— Тихо, Брайли, а не то ты разбудишь кого-нибудь, и мне придется сделать с ними то же самое. Ты же не хочешь быть сегодня причиной еще чьей-то смерти, а? — прошептал он мне на ухо.

Я тотчас же перестала вопить, прекрасно сознавая, что он выполнит обещание.

— Вот и хорошо, принцесса, — сказал Ис, глядя меня по голове. — Надо убираться отсюда. Я отнесу тебя до машины и надеюсь, что ты будешь себя хорошо вести.

Подняв с грязного плиточного пола, он взял меня, как ребенка, понес к машине и усадил на пассажирское сидение. Окаменев от предчувствия того, что меня ожидает, я сидела неподвижно, как статуя, когда он сел в машину и поехал на север, обратно в Чикаго. За всю дорогу домой Ис не сказал ни слова, но как только мы оказались в квартире, он бросил меня на кровать и раздел догола. Повернув лицом вниз к матрасу, он яростно дернул меня за бедра, поднимая их вверх. Ис крепко вцепился мне в бока, когда грубо вонзился в мою девственную задницу — ни предупреждения, ни смазки, ничего. От сильной боли я закричала, и тут же слезы потекли у меня по лицу, но он не перестал толкаться, пока полностью не погрузился в меня.

Наклонившись ко мне так, что его грудь оказалась прижатой к моей спине, Ис сказал низким, леденящим голосом:

— Каждый раз, когда ты облажаешься, принцесса, кто-то заплатит за это, и я заставлю тебя наблюдать за тем, как я буду исполнять наказание. Тебе следует видеть последствия своих действий, поэтому не лажай больше, если не хочешь на своей совести еще крови.

А потом он жестко трахал меня до тех пор, пока не кончил глубоко в моем заднем проходе. Он вышел из меня, не сказав ни слова, направился в душ, а затем ушел. Я ревела, пока мои глаза не ослепли от слез, и после уснула в изнеможении.

Это был единственный раз, когда я попыталась убежать, но, к сожалению, не единственный, когда мои руки обагрились кровью. Это было только начало.

В понедельник рано утром я просыпаюсь на окровавленных простынях, что неудивительно, особенно после приснившегося кошмара. Печально вздыхая, я сползаю с кровати и снимаю постельное белье. Положив его в стирку, я, пошатываясь, бреду в ванную комнату, чтобы оценить причиненный себе ущерб. К счастью, я только содрала уже имеющиеся раны, а не наделала новых. Взяв салфетку и бутылку со спиртом, я обрабатываю царапины на животе так же, как это делал Мэдден пару дней назад. Вспоминая о том, как

Мэдден, стоя на коленях, заботился о моих порезах, я улыбаюсь, несмотря на грустный повод для этих мыслей. Я не уверена, что мне когда-нибудь удастся избавиться от кошмаров, которые во сне не дают мне покоя, или от членовредительства, которым они непременно сопровождаются. Но когда он был рядом, когда он после всего этого поддерживал меня, я, несмотря на первоначальный стыд оттого, что он застал меня в таком состоянии, чувствовала себя на удивление спокойно и умиротворенно.

Потом я, как могу, привожу себя в порядок, одеваюсь и отправляюсь на работу, зная, что не услышу его сегодня. И я разочарована.

Глава пятнадцатая

Blackbird ~ The Beatles

Блейк

Как я и предполагала, Джей с утра пораньше с нетерпением дожидается меня в офисе, сгорая от желания услышать подробности пятничного благотворительного мероприятия. Я также не сомневаюсь, что она собирается спустить на меня всех собак за то, что я за выходные не ответила ни на одно ее сообщение, но я правда не знала, что сказать.

Когда я вхожу в дверь, она отрывает свой взгляд от кофе.

— Ну, черт побери, пробил час расплаты. Почему ты не отвечала на мои сообщения? Я уже начала волноваться, что он похитил тебя и держит в сексуальном рабстве, — говорит она, полушутя.

— Извини, Джей, я не хотела тебя волновать, — отвечаю я, направляясь к нашему рабочему месту. — Мероприятие прошло хорошо, хотя нам толком не удалось с кем-нибудь обсудить проект. Тем не менее, я встретила Истона, он показался мне очень дружелюбным.

— Хорошо! А теперь расскажи мне то, что я действительно хочу узнать. Меня не волнует, с кем ты общалась по поводу гребаного проекта, или как ты познакомилась с его тупым братцем.

— Я не спала с ним, извини, что разочаровала, но он поцеловал меня на прощание.

Ну, вот. Это правда, за минусом кучи другого дерьма, которое никого, и ее в том числе, не касается.

Изображая, будто она стучит головой о стекло, Джей мелодраматично стонет:

— Серьезно. Я тебя не понимаю. Я бы запрыгнула на него на первом же свидании. У тебя сила воли, как у монашки. Ты бережешь себя до свадьбы или что-то в этом роде?

Вот в чем я никогда не смогу обвинить Джей, так это в отсутствии искренности. Даже до моих отношений с Исом, когда я быстро поняла, что мне не положено иметь собственное мнение, я никогда не выражала свои мысли открыто, всегда опасаясь обидеть других людей.

— Нет, брак не входит в мои планы на будущее, — кипячусь я, — и я также не собираюсь до конца жизни придерживаться celibата, эти две вещи для меня абсолютно не связаны. Я просто не такой человек, который прыгает в кровать с незнакомцем.

Убрав сумочку, я плюхаюсь на стул рядом с ней и посылаю взгляд, которым умоляю прекратить дальнейшие расспросы. Она все понимает и, сочувствуя, обнимает меня одной рукой за плечи, ненадолго сжимая в объятиях.

— Извини, я сую нос не в свое дело. Ты мне нравишься, Блейк, и я просто хочу видеть тебя счастливой.

Я улыбаюсь Джей, благодаря ее за чуткость и заботу.

— Я знаю и ценю это. За те пару недель, что я здесь работаю, я чувствую себя гораздо счастливее, чем за многие предыдущие годы, и в значительной степени это благодаря тебе. Мне нужно немного времени, но я приду в себя — медленно, но верно.

Последние три слова вырываются у меня приглушенным шепотом, и предназначены они больше для меня, чем для нее.

— Потрясающе. А теперь ты готова узнать больше, чем когда-либо хотела, об угловых, хет-триках и красных карточках?

Включая компьютер, я немного расслабляюсь, мысленно благодаря Джей за то, что разговор окончен и, надеюсь, что мы на некоторое время оставим эту тему.

— Абсолютно.

Остаток дня мы с головой погружены в работу, прерываясь только на ланч и к вечеру на кофе. Несколько раз я ловлю себя на том, что думаю о Мэддене и тянусь проверить сообщения от него на своем мобильном, но вовремя останавливаюсь. Он сказал неделя, поэтому я не жду новостей от него раньше следующих выходных. Нет смысла огорчаться, потому что он делает ровно то, что и собирался. Кроме того, я так и не знаю, что ему ответить. У меня столько вопросов к нему про то, что ему нужно от меня.

Наконец, около восьми тридцати мы заканчиваем работу, и к тому времени как я прихожу домой, я выжата, как лимон. Заставив себя съесть миску супа и маленькую порцию салата, я принимаю душ и без сил падаю на кровать. На следующее утро — не помня, как спала — я просыпаюсь и не нахожу на себе новых следов от укусов, царапин и других ран. Я чувствую себя отдохнувшей. Впервые прихожу в офис раньше, чем Джей, и энергично принимаюсь за работу, продолжив с того, на чем мы остановились вчера вечером. Когда Джей заходит, она удивлена, увидев меня. Приветствуя меня веселым «Доброе утро!», она присоединяется ко мне за огромным монитором.

Вторник и среда проходят точно так же, как и понедельник. Мы до позднего вечера работаем в офисе, дома я быстро ужинаю и без задних ног падаю в кровать. Несмотря на огромный прогресс в работе над графикой футбольной видеоигры, а также три ночи кряду без кошмаров, я чувствую себя неудобно, будто мне чего-то не хватает. Вечно недовольный голос, повторяющий в моей голове имя Мэддена, ошибается. Я ведь не могу скучать по тому, чего у меня никогда не было, правда?

В четверг вечером я сижу и безучастно таращусь в монитор. После четырех дней непрерывной скрупулезной работы за компьютером все в глазах начинает сливаться. Внезапно экран гаснет, и я оборачиваюсь посмотреть, что случилось. Джей стоит за мной с сумочкой на плече и широко улыбается.

— Все, достаточно. Пойдем поужинаем, — объявляет она.

— Звучит здорово.

Я не пытаюсь спорить с ней, все равно ни к чему хорошему это не приведет. Вставая, я вытягиваю ноги, забираю сумочку и выхожу за ней из комнаты.

Следуя за Джей на своей машине, мы быстро доезжаем до уже знакомого ресторанчика «У Тони», и я немного расслабляюсь, зная, что меня там ждет. В этот раз мы садимся не у барной стойки, а за столик в глубине зала. Я выбираю место так, чтобы мне был виден весь ресторан. Официант с готовностью приветствует нас, принимает заказ, а затем исчезает, чтобы принести нам наш сидр.

Мы с Джей немного болтаем о текущих событиях. За то время, что мы вместе в течение последних недель провели на работе, я достаточно узнала о ее жизни, обо всех ее тридцати с лишним годах. Единственное, чего я не могу понять, это почему у нее сейчас нет, да и никогда не было, ни с кем серьезных отношений. Она рассказывала о парнях, с которыми встречалась от случая к случаю, но я никогда не чувствовала, что она хочет остепениться и остаться с одним мужчиной. Я не спрашиваю ее ни о чем, так как сама не люблю назойливых вопросов о личной жизни, полагая, что она когда-нибудь расскажет мне то, что считает нужным.

Нам приносят еду почти сразу за напитками, и я до глубины души наслаждаюсь первым за несколько месяцев большим, сочным чизбургером, когда слышу, как глубокий голос произносит:

— Блейк? Джей?

Мы обе быстро поднимаем глаза и видим широко улыбающегося Грега, стоящего напротив нашего стола. Поприветствовав друг друга и узнав друг у друга, как дела, он опять приглашает нас за свой столик, как только мы закончим еду. Не желая показаться грубыми, мы перед уходом присоединяемся к нему и его друзьям, чтобы выпить и перекинуться парой слов. Как и в прошлый раз Грег встает, когда мы собираемся уходить, но больше не пугает меня до смерти своими неожиданными объятиями, а нервно сжимает руки в карманах.

— Не возражаете, если я вас провожу, леди? — неуверенно спрашивает он.

Я немного смущенно смотрю на Джей, а затем опять на него.

— Эмм... Ладно, — отвечаю я, пожимая плечами.

Мы втроем выходим в ранний летний вечер и направляемся на парковку. Сначала мы подходим к машине Джей, она обнимает меня и желает спокойной ночи, а затем только я и он продолжаем путь к моей машине, которая стоит через два ряда. Между нами нарастает неловкость, когда я подхожу к своей «Джетте» и поворачиваюсь к нему, чтобы попрощаться и после постараться побыстрее убраться отсюда. Грег кажется нормальным парнем, вполне привлекательной внешности, но я определенно не хочу заводить с ним отношения.

— Блейк, я бы очень хотел еще раз встретиться с тобой, например, за ужином... не здесь, не «У Тони», — говорит он с неловкой улыбкой.

Беспомощно разглядывая цементный пол под ногами, я с запинками говорю:

— Я, уф... Я правда, уф... Я правда сейчас не готова к свиданиям. У меня все сложно в жизни.

— Это не обязательно должно быть свидание. Можно просто пообщаться, узнать друг друга получше, — предлагает он.

Мягко качая головой, я заставляю себя посмотреть на него.

— Извини, Грег. Я не могу. Не огорчайся из-за меня, пожалуйста.

— Ни в коем случае. Я не огорчен, но если передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

Он протягивает руку и легонько хлопает меня по плечу.

— Когда-нибудь тебе придется начинать.

Я слегка киваю головой и благодарю его взглядом, а затем ныряю в поисках убежища в свою машину. Сделав несколько глубоких вдохов, я достаю телефон и под аккомпанемент последних слов Грега, звучащих у меня в голове, печатаю сообщение Мэддену.

«Нам надо поговорить».

Глава шестнадцатая

Yellow Light ~ Of Monsters and Men

Мэдден

Кто бы мог подумать, что три слова, появившиеся на экране телефона, могут кардинально поменять мое отвратительное настроение? В ту минуту, когда я увидел сообщение от Блейк, я забыл обо всем, что выводило меня из себя в этом мире, и немедленно ответил ей.

«У меня дома через час?»»

С нетерпением ожидая ответа, я прошу у бармена счет, так как вести от Блейк застали меня в тот момент, когда я, по дороге домой, остановился, чтобы выпить так необходимую мне порцию виски. Конечно, когда я решил здесь задержаться и заодно поужинать, я не предполагал, что ко мне, как пиявка, прицепится, какая-то брюнетка, которая никак не могла заткнуться. Бросая несколько двадцаток в маленькую черную папку, я киваю этой надоедливой идиотке и слезаю с барного стула, оставляя несъеденной половину еды в тарелке и оборвав дамочку на полуслове. Когда я выхожу наружу в благоухающий вечер, телефон в кармане начинает вибрировать, и я поспешно вынимаю его.

«Да. Мне нужен твой адрес».

Написав ей, как проехать к моему дому, я торопливо забираюсь в машину и выезжаю на шоссе, надеясь до ее приезда быстро принять душ. К счастью, я добираюсь за двадцать минут, поэтому несусь вверх, чтобы освежиться. Стоя под яростными струями, вырывающимися из душевой головки, вся адская прошлая неделя проходит у меня перед глазами.

В воскресенье я, как обычно, завтракал с родителями. Брата, конечно же, опять не было. Разочарование в маминых глазах, когда она услышала, что Истон не придет, привело меня в ярость. Вдохновленный своими успехами в области азартных игр на благотворительном вечере он вместе с Эмерсон в последнюю минуту решил отправиться на всю ночь в Вегас, чтобы поиграть на «настоящие» деньги. Чем дальше, тем эгоистичнее он себя вел, и я понимал, что скоро мне придется каким-то образом вмешаться в эту ситуацию. Затем, вернувшись домой, я окончательно сорвался с катушек, узнав, что Сара постирала мои простыни. Обычно она меняет их на следующий день, особенно, когда у меня бывают гости. Но на этот раз я не хотел, чтобы она отправляла белье в стирку, потому что оно до сих пор пахло Блейк. Зная, что я не увижу и не услышу ее целую неделю, это была ниточка, которая связывала нас. Доведя Сару до слез, я почувствовал себя настоящей задницей. Прекрасно осознавая, что это не ее вина, я потом очень усердно извинялся и, не позволив ей в тот вечер готовить, сводил на ужин в модный ресторан.

В понедельник в офисе была настоящая преисподняя. Пока Истон и Эмерсон продолжали развлекаться в Городе греха, я направо и налево «тушил пожары», вызванные

решениями, которые принял брат, не посоветовавшись со мной. Для того, кто так редко бывает в офисе, просто удивительно, как часто он успевает облажаться на работе. Вторник и среда были не лучше. Я в первый раз за многие годы накричал на Кэролайн, своего секретаря, которая, честно говоря, не сделала ничего плохого, а когда пошел вечером ужинать с одним старым приятелем по колледжу, там оказалась Полли, мой давнишний привет из ада. Как только она меня заметила, сразу же пересела за наш столик со своими друзьями и уже не покидала его до конца вечера. Она все время пыталась схватить под столом мой член, а я старался отодвинуться от нее как можно дальше, пока, наконец, мой друг Гейб не поинтересовался, не хочу ли я присесть к нему на колени. И в довершение всего, у нас с Истоном был назначен чрезвычайно важный деловой обед с «Дайболд Системс», контракт с которой мы пытались заполучить годами. И мой брат не только не явился на встречу, но и позвонил мне прямо во время переговоров и попросил занять ему денег. Мне пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы сдержаться, не выйти из себя и не вывалить на него все, что у меня накопилось. Но я прекрасно понимал, что в компании потенциальных деловых партнеров я не могу себе этого позволить.

И все это время мои мысли постоянно возвращались к Блейк. Прежде всего, я до смерти волновался за нее. Я никогда раньше не видел, чтобы кто-то делал со своим телом то, что она сделала в ту ночь в моем доме. Я не знаю, как часто это с ней происходит, но уверен, что это далеко не нормально, и уж точно совсем не свидетельствует о здоровье. Ей нужна профессиональная помощь и поддержка, чтобы она смогла справиться с этим, и я готов взять на себя эту роль. Вдобавок ко всему, я тоскую по ней настолько сильно, что раньше даже представить себе такого не мог. Я тоскую по ее телу и по ее душе. Большую часть времени она вела себя робко и застенчиво, но было несколько моментов, когда она показала, скрытую в ней отвагу: когда поставила на место Эмерсон и когда играла за покерным столом. К собственному удивлению, мне нравятся эти маленькие вспышки, они демонстрируют ее внутренний огонь и острый ум, и я жажду увидеть их вновь.

Сознавая, что я, скорее всего, провел в душе больше времени, чем собирался, я выключаю теплую воду и быстро вытираюсь. Проскальзывая в удобные потертые джинсы и фиолетово-серую футболку, я направляюсь вниз и в ожидании Блейк беру себе холодное пиво. С беспокойством ожидая встречи с ней, я замечаю за собой, что неосознанно смотрю в окно, пытаюсь угадать в каждом из мелькающих по Калабасас-парквей габаритных огней, огни ее машины. То, что она связалась со мной до истечения недельного срока, дает надежду, что этот ее разговор будет положительным для меня. Я даже не хочу сейчас думать о других вариантах.

Мне кажется, проходит час, хотя, скорее всего, минут десять, и ее компактный серебристый автомобиль сворачивает на подъездную дорожку к моему дому. Ни капли не заботясь о том, как это может выглядеть, я встречаю ее прямо на улице, меня переполняет огромная радость, когда она приветствует меня широкими объятиями. Руки Блейк уютно устраиваются на моей талии, и я, обнимая за плечи, притягиваю ее еще ближе к себе и целую в лоб.

— Я скучал по тебе, сладкая девочка, — шепчу я ей в волосы, вдыхая ее свежий аромат, напоминающий то, как пахнет летом перед дождем. — Проходи внутрь, и мы поговорим.

Я веду ее за руку через заднюю дверь, мы вместе заходим на кухню, и я предлагаю ей что-нибудь выпить.

— Я буду бокал вина, любого, что у тебя есть. Я доверяю тебе, — отвечает она, садясь у

кухонного острова.

От меня не ускользают выбранные ею слова.

Я наливаю ей бокал моего любимого «Пино-нуар» из винного шкафа и присаживаюсь на стул напротив нее. Наблюдая, как Блейк подносит тонкое стекло ко рту, я внезапно чувствую ревность к бокалу, больше всего на свете желая снова почувствовать, как ее пухлые, сочные губы прижимаются к моим.

— Ты сказала, что хочешь поговорить? — начинаю я разговор, отрывая взгляд от ее рта, прежде чем мой член в штанах окончательно встанет. — Ты хочешь обсудить что-нибудь конкретное?

Проводя языком по губам, чтобы убрать остатки вина, Блейк ставит бокал на толстую деревянную столешницу. Бл*дь! Нервно ерзая на стуле, она, собираясь с мыслями, неотрывно смотрит на свои руки.

— Смотри на меня, когда ты разговариваешь со мной, — мягко приказываю я, и ее взгляд послушно встречается с моим.

— Иногда твои глаза говорят громче, чем слова. Я не хочу пропустить ничего из того, что ты будешь говорить.

— Я не понимаю, чего ты хочешь от меня, — расстроено срывается у нее с языка. — Глубоко вздохнув, Блейк продолжает: — Я много думала о том, что ты сказал, и я сбита с толку. Я согласна с тем, что между нами существует какое-то притяжение... связь... называй это, как угодно, но я не знаю, чего конкретно ты хочешь. Ты говоришь, что хочешь, чтобы я по своей воле отдала в твои руки свое удовольствие и свою боль, но как? Я понимаю, что это звучит по-детски, но, пожалуйста, пойми я гораздо моложе тебя, поэтому не уверена в терминологии. Ты хочешь встречаться? Быть моим парнем? Другом для секса? Что ты предлагаешь?

Видя, как она взвинчена, я возбуждаюсь, и мне безумно нравится, что она признает, что тоже чувствует магнетизм между нами, хотя я и так это знал.

— Да, я хочу всего этого. Но то, что я планирую с тобой сделать, будет гораздо больше, чем просто траханье, мы не будем никакими друзьями. Блейк, я хочу, чтобы ты была моей во всех возможных смыслах этого слова. Я хочу, чтобы ты научилась доверять мне, чтобы я мог дать тебе такое чувственное наслаждение, которое ты даже представить себе не можешь, и раздвинуть твои границы гораздо дальше тех, которые, как ты думаешь, у тебя есть.

Я останавливаюсь, чтобы сделать большой глоток пива и позволить моим словам глубже проникнуть в ее сознание.

— Но это относится не только к сексу... Я хочу проводить с тобой время, узнавать тебя. Я хочу водить тебя на свидания, вместе путешествовать, хочу, чтобы ты сопровождала меня на разных мероприятиях, на которых мне необходимо присутствовать. Как я уже говорил, я не обещаю тебе любовь и брак, но я могу дать моногамные отношения, в которых мы оба получим друг от друга удовольствие.

— Но я — ходячая катастрофа. Ты сам это видел. Почему бы тебе не найти какую-нибудь девушку с нормальной психикой, которая, к тому же, не будет калечить себя? Ты можешь получить любую женщину, какую только захочешь, — возражает она.

Расстроенный тем, какими словами она себя назвала, я с грохотом ставлю бутылку с пивом на деревянную поверхность. Это дерьмо выводит меня из себя.

— Я не хочу, чтобы ты еще хотя бы раз говорила о себе подобным образом, — строго отчитываю я ее, — и я уже сказал тебе, что мне не надо никакой другой женщины. Я. Хочу.

Тебя. Послушай, я понимаю, что у тебя есть проблемы, над которыми надо работать, но это меня не пугает. Если ты подчинишься мне, я проведу тебя через все трудности и помогу излечиться.

— Что ты имеешь в виду под словом «подчиниться»? — Блейк недоуменно поднимает брови. — Я не ищу отношений, в которых мне не позволено выражать свое мнение или надо спрашивать разрешения сделать что-нибудь, и я чертовски уверена, что не хочу, чтобы меня психологически унижали или причиняли физическую боль в спальне или за ее пределами.

С каждым последующим словом уровень озабоченности в ее голосе возрастает.

— Блейк, Блейк, успокойся.

Я пытаюсь ее успокоить, нежно глядя по руке большим пальцем.

— Я не прошу тебя не иметь собственного мнения, и хотя мне бы хотелось знать, где ты находишься большую часть времени, тебе не надо просить у меня позволения. Более того, у меня нет намерений принижать тебя или причинять тебе боль, — объясняю я. — Совсем наоборот, я хочу, чтобы ты стала сильнее, я хочу боготворить тебя. Все о чем я прошу — это для начала немного поверить в меня, и тогда, по мере того как доверие между нами будет расти, ты поймешь, что я хочу для тебя только самого лучшего.

— Я все еще не понимаю, что ты получаешь от этого соглашения?

— Тебя, сладкая девочка, только тебя, — честно отвечаю я. — Рядом с тобой я становлюсь другим человеком: спокойным, и в то же время, энергичным, возвышенным, и одновременно, крепко стоящим на ногах. И я страстно желаю ощущать это снова и снова.

Опустив плечи, она шумно вздыхает и несколько минут тихо сидит, неотрывно глядя на свой бокал. Наконец, она произносит:

— Хорошо, я согласна попробовать, но ничего не обещаю. Скорее всего, не знаю как, но я наверняка все испорчу.

— Никто из нас не совершенен. Мы оба будем допускать ошибки, — настаиваю я на своем.

— Постой, я не закончила.

На этот раз она берет мои руки в свои, переплетая наши пальцы.

— Ты просишь немного доверять тебе, и я, в свою очередь, прошу тебя о том же. Я не могу рассказывать о некоторых событиях из моей прежней жизни, и также не могу сказать, почему мне нельзя о них говорить, поэтому, пожалуйста, не дави на меня. Это разорвет наш договор. Ты можешь задавать мне вопросы, но если я скажу, что не могу ответить, оставь это и не злись. Ты сам сказал мне не быть заложницей моего прошлого, и мне понадобится твоя помощь, чтобы освободиться от него, а не вернуться обратно. Относительно людей и событий из твоей жизни до меня, я буду поступать точно так же.

Решив временно уступить в этом вопросе, я озорно улыбаюсь ей в надежде вернуть из мыслей о прошлом обратно в настоящее.

— Договорились. А теперь тащи сюда свою маленькую задницу, чтобы я мог прикоснуться к тебе, — говорю я, похлопывая себя по бедру.

Лицо Блейк светится, когда она соскальзывает со стула и перебирается ко мне. Обвивая руки вокруг ее талии, я усаживаю ее на колени и утыкаюсь носом в ямку у шеи.

— Сегодня вечером больше никаких вопросов и обсуждений, — обещаю я. — Сперва я хочу показать тебе, как я еще долго-долго собираюсь заботиться о тебе по ночам.

Я замечаю, что Блейк слегка напрягается от моих последних слов, поэтому мне приходится их прояснить.

— Сегодня никакого секса, сладкая девочка, — я шепчу ей эти слова, почти касаясь ее нежной кожи под мочкой уха, — по крайней мере, не для меня. Сегодняшняя ночь для тебя, чтобы ты расслабилась и наслаждалась моими прикосновениями.

Она откидывает голову назад на мое плечо и слегка поворачивает ее, чтобы посмотреть на меня. Оставляя в уголке моего рта нежный поцелуй, она дает мне полный карт-бланш. Одним стремительным движением я встаю, подхватываю ее на руки и несу наверх, в свою кровать. Не могу вспомнить, когда я был так чертовски возбужден оттого, что, находясь в постели с женщиной, не смогу кончить.

Глава семнадцатая

Paradise ~ Coldplay

Блейк

Надо было с чего-то начинать, и я, очертя голову, бросилась в объятия пугающего и страстного Мэддена Декера. Я совсем не уверена в том, что правильно поступаю, безоговорочно соглашаясь на те условия, которые он предлагает. Я все еще озадачена и смущена, если не сказать больше, но не могу отрицать его слова о нашем загадочном взаимном притяжении. Я знаю, что если просто уйду, даже не попробовав, то всегда буду думать о том, что было бы, если бы, и так далее все в таком роде. Даже в самом худшем случае, это все равно будет лучше моих предыдущих отношений, а в лучшем... ну, я не уверена, но мое воображение предлагает на выбор несколько вполне впечатляющих сценариев.

Когда мы подходим к комнате Мэддена, он аккуратно ставит меня перед собой на пол. Нервничая и одновременно дрожа от нетерпения, я смотрю ему прямо в глаза, ожидая дальнейших указаний. Одним рывком он поспешно снимает с себя футболку, оставаясь босиком и только в джинсах. Я поднимаю руку, чтобы коснуться его гладкой груди, но он перехватывает ее и отрицательно качает головой.

— Сегодня вечером все только для тебя, сладкая девочка, — напоминает он, целуя мою руку и опуская ее обратно вдоль тела.

Схватившись за нижний край блузки, он медленно поднимает ее, сначала открывая поврежденную кожу моего живота, потом белый кружевной бюстгальтер, и, наконец, полностью снимает ее. Его гибкие пальцы путешествуют дальше к моим брюкам, он быстро расстегивает пуговицу и молнию, а затем, когда брюки падают на пол, склоняется передо мной и помогает мне выйти из них. Выпрямившись в полный рост, он немного отступает от меня и бесстыдно исследует взглядом все мое едва прикрытое нижним бельем тело. Чувствуя себя под его внимательным взглядом выставленной напоказ, я инстинктивно прикрываю руками грудь и нижнюю часть живота, но он снова останавливает меня.

— Не прячься, Блейк. Я хочу видеть тебя, всю тебя целиком, — говорит он грохочущим баритоном, отлепляя мои руки от тела. — Ты так чертовски прекрасна.

Взяв меня за руку, он подводит меня к постели и велит лечь на середину, подкладывая мне под голову несколько подушек. Я нервничаю, а все мое тело горит от восторга. Мэдден подходит к изножью кровати, забирается на нее и крепко хватается мою левую ногу. Медленно и методично он начинает массировать свод стопы, надавливая настолько идеально, что это заставляет меня стонать от удовольствия. Он наблюдает за тем, как я наблюдаю за ним, его глаза темнеют, становясь кобальтово-синими, и по мере того, как он, массируя, продвигается вверх по икре под колено, тугий узел нервов, который представляет собой сейчас мое тело, начинает постепенно развязываться.

Его сильные пальцы продолжают свой путь вверх по моему бедру, не пропуская ни дюйма плоти. И пока он все выше поднимается по ноге, вся влага в моем теле устремляется навстречу его прикосновениям, оставляя рот пересохшим, а трусики мокрыми. В считанных сантиметрах от моего изнывающего лона он убирает руки, мои веки резко поднимаются, и я, смущенная и недовольная, встречаюсь с ним взглядом. Видя мою реакцию, он ухмыляется,

опять спускается на край кровати и поднимает другую ногу, начиная заново весь процесс. Я откидываю голову на подушку и закрываю глаза, чувствуя, как наслаждение от его прикосновений струится сквозь меня. И опять, прямо перед тем, как я думала, что Мэдден коснется меня там, где сходятся мои бедра, он убирает руки.

Мэдден со стоном мягко посмеивается и поднимается вверх по моему телу, оставляя чувственные влажные поцелуи, начиная с низа живота и дальше прямо до шеи. К тому времени, когда он, нависая надо мной, смотрит мне прямо в глаза, огонь, который он разжигает своими руками и ртом, выходит из-под контроля.

— Удовольствие, моя сладкая девочка, это на девяносто процентов предвкушение, — шепчет он, когда наши носы касаются друг друга, а глаза не могут оторваться друг от друга.

И вдруг, как раз перед тем, как он опускает свои губы на мои, наступает момент, когда все остальное в мире перестает иметь значение — и то, что случилось в прошлом, и то, что может произойти в будущем.

Мгновение, когда моя душа обнажается, а сердце перестает биться.

Мгновение, когда я целиком и полностью отдаю себя ему.

Это всего лишь краткий, но такой глубокий и напряженный момент.

И как только его рот касается моего, ничего больше уже не будет таким, как прежде.

Я принадлежу ему. По собственной воле.

Наши губы, жаждущие и голодные, встречаются в обжигающей схватке, безжалостно клеймя друг друга. Рты раскрываются, языки сталкиваются, и все вокруг меня окутывается дымкой. Я погружаю свои пальцы в его спутанные светлые волосы, пока он одной своей рукой скользит вверх по моей шее, а другой находит грудь, ныряя под скрывающую ее ткань, и проводит по набухшей плоти. Когда его большой палец касается моего затвердевшего соска, и из меня прямо в его рот вырывается стон, он лукаво улыбается и немного отступает, оценивая мою реакцию. Мэдден проводит рукой по моей спине, расстегивает бюстгальтер и отбрасывает его на пол. Посасывая и слегка пощипывая мою пухлую нижнюю губу, он поочередно ласкает обе мои груди, перекатывая освобожденные соски между указательным и большим пальцами. Выгибая спину навстречу его божественным прикосновениям, я чувствую, как его рот начинает спускаться вниз по шее и, наконец, останавливается на груди. Он потягивает один сосок губами, дразнящими движениями слегка ударяя по нему языком, пока его рука продолжает работать над другим соском.

— Твоя кожа чертовски вкусная. Я хочу поцеловать каждый кусочек твоего тела, — шепчет он, головой зарывшись в мою грудь.

Страстное желание, которое испытывает мое тело, быстро перерастает в ненасытный голод, и сама не знаю как, я обхватываю его бедра ногами и трусь своей пульсирующей киской о его восставший член, скрытый под джинсами. Останавливая свои оральные ласки, он поднимает мое тело вверх так, что я больше не прижимаюсь к нему. Я хнычу, перестав чувствовать его тело, и он хрипло смеется.

— Медленно, но верно. Позволь мне позаботиться о тебе, — предупреждает он.

Снова расслабляясь на простынях, я киваю и хриплю:

— Извини.

Мэдден милосердно не заставляет меня долго ждать. Склоняясь над моим животом, он оставляет поцелуи, не задевая мои порезы, пока его рука проскальзывает между нашими телами. Закончив лениво изучать эластичную резинку моих трусиков, его пальцы проскальзывают под их пояс, нежно лаская шелковистую плоть низа живота. Когда они

начинают свой путь дальше на юг, все мое тело сжимается в предвкушении, не желая ничего кроме его рук на моей самой чувствительной точке.

Смотря на меня сквозь густые ресницы, он посылает понимающую улыбку.

— Убери руки наверх, держись за спинку кровати. Я хочу, чтобы ты откинулась назад и закрыла глаза. Сосредоточься только на ощущениях, и ни на чем больше. Так тебе не страшно?

— Нет, — отвечаю я, делая точно так, как он говорит, убирая руки от его волос и хватаясь за деревянную перекладину над головой.

— Нет, что? — рычит он, его голос раскатистым эхом вибрирует сквозь мое тело.

— Нет, сэр, — быстро исправляюсь я, и когда я это говорю, мое лоно истекает соками.

— Узнаю свою сладкую девочку, — хвалит он меня. «Черт, меня это заводит».

Секунды спустя его пальцы нежно начинают скользить по моим мокрым набухшим складочкам вверх и вниз, вверх и вниз. Раздвигая их, он медленно кружит вокруг клитора. Я боюсь, что мгновенно кончу, но Мэдден точно знает, с какой силой надо нажимать, чтобы подвести меня к пику, а затем отступить. На краткий миг, убирая свою руку, чтобы спустить с меня трусики, он быстро заканчивает свою чувственную атаку. Скользя пальцами вниз к влажной плоти, он погружает в меня один палец, затем тянет липкие соки возбуждения обратно к клитору и начинает опять тереть мой крошечный узелок нервов.

Мои колени раскрываются, давая ему полный доступ, и я забываю о скромности. Его прикосновения заставляют меня чувствовать вещи, которые я никогда не испытывала, и я пьяна от вожделения. Назад-вперед, его пальцы снова и снова двигаются от моей влажной киски к пульсирующему клитору пока я, наконец, не готова взорваться. Я извиваюсь от страсти и бесстыдно трусь о его руку. Когда Мэдден добавляет второй палец, я поднимаю бедра и издаю громкий стон, не в силах больше сдерживаться.

— Мэдден, пожалуйста, о, пожалуйста, — призываю я, когда он увеличивает скорость, с которой его пальцы вновь и вновь пронзают меня, а большой палец играет моей затвердевшей горошиной. Не в силах больше терпеть, я сжимаю ноги вместе и позволяю экстазу охватить меня. Яркие краски мелькают перед глазами, прикрытыми отяжелевшими веками, когда я кончаю у него на руке, ноги бесконтрольно дрожат, а легкие тяжело дышат, пытаюсь сделать следующий вздох.

Его рот оказывается на мне прежде, чем я успеваю прийти в себя, он жадно пьет мою влажность и сосет гиперчувствительный клитор. Когда его язык погружается глубоко внутрь моего горящего лона, я с бешеной скоростью погружаюсь прямо в следующий оргазм, или, может быть, это все еще тот же, я не знаю. Все, что имеет значение, так это стремительная атака чистого блаженства, пульсирующая по моим венам, что оставляет мое тело пылающим.

В конце концов, мой затуманенный взгляд начинает проясняться, я отпускаю деревянную перекладину, в которую, сама не осознавая, вцепилась изо всех сил. Чувствуя рядом с собой присутствие Мэддена, я медленно открываю глаза и поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него. Он лежит на своей стороне кровати еще более сексуальный, чем когда-либо, опершись головой на руку и пристально глядя на меня сверкающими голубыми глазами с широкой проказливой усмешкой на лице.

— Ну, и как тебе пробный вариант? Еще не передумала уходить? — дразнит он.

Поднимая голову, я нежно прижимаю свои губы к его в благодарном поцелуе.

— А по-моему, это ты все больше пробовал, — игриво отвечаю я.

Его рот все еще липкий от остатков моего оргазма, и без всякой задней мысли я слизываю то, что попало на мои губы, с любопытством желая попробовать себя на вкус.

— Сладка, как грех, — хрипло шепчет он, отвечая на вопрос, крутящийся у меня в голове. — Самая вкусная вещь, которую я когда-либо пробовал. И вся моя.

Мурашки покрывают мою голую кожу, частично потому что я обнажена и мне холодно, а частично от его вдохновляющих слов. После сегодняшнего вечера я не расстроюсь, если он никогда больше ничего от меня не захочет, потому что то, что он заставил меня почувствовать, было невероятно.

— Тебе холодно. Я принесу тебе что-нибудь из одежды, — говорит он, пока я дрожу рядом с ним.

— Нет, все нормально. Я могу надеть свои вещи, — спорю я. — Становится поздно, поэтому мне все равно скоро нужно будет ехать домой.

— Домой? Не думаю. Сегодня ночью ты спишь здесь в этой кровати. Рядом со мной.

— Но утром мне нужно на работу, а здесь мне не во что будет переодеться.

— Мы можем встать пораньше, чтобы ты смогла заехать к себе и сменить одежду по дороге на работу.

Объясняя свои планы, он поднимает брови, и я понимаю, что не стоит с ним спорить. Я счастлива оттого, что он хочет, чтобы я осталась, но, одновременно, я, конечно же, немного напугана. Больше всего я боюсь того, что он станет свидетелем моих ночных кошмаров, или того, что я разговариваю во сне и могу невольно выдать ему информацию о моем прошлом.

— О чем бы ты сейчас не думала, брось это, — мягко говорит он.

Протягивая руку, он проводит пальцами по моему лицу — сначала вокруг глаз, потом вниз по спинке носа и, наконец, спускается к нижней губе.

— С тех пор, как мы встретились, тебя закрывает непроницаемый щит, надежно охраняющий со всех сторон, и хотя я не знаю, кто или что заставляет тебя за ним прятаться, я понимаю, что это для твоего же самосохранения и защиты. Тем не менее, сегодня я чувствую, что мне, наконец, пусть даже ненадолго, удалось проникнуть сквозь плотную завесу окутывающей тебя темноты, и я не хочу от этого отказываться. Пожалуйста, останься со мной на ночь, сладкая девочка. Я буду этому очень рад.

Больше всего на свете я хочу порадовать Мэддена, особенно после того, что он только что для меня сделал, поэтому я киваю и застенчиво улыбаюсь.

— Хорошо, я останусь, если ты одолжишь мне одежду для сна.

Перекатившись на противоположную сторону кровати, он находит для меня футболку, пока я отыскиваю в устроенном нами беспорядке свои трусики и натягиваю их обратно. Как только я готова ко сну, я жду его указаний, на какой стороне мне спать и что вообще делать. Мэдден сбрасывает джинсы, оставаясь лишь в черных трусах, и я восхищаюсь его абсолютной мужской красотой. Он забирается обратно на кровать и ложиться на левой стороне, откинув для меня простынь, чтобы я подвинулась к нему и легла спиной к его груди. Осторожно, чтобы не задеть мои раны, он несильно обнимает меня рукой и утыкается сзади носом в шею.

— Спокойной ночи, сладкая девочка.

— Спокойной ночи, сэр.

Глава восемнадцатая

Better Days ~ The Goo Goo Dolls

Блейк

Будильник на моем телефоне срабатывает ровно в шесть утра, вырывая меня из безмятежного сна. Проснувшись в объятиях Мэддена, я пытаюсь выбраться из них, стараясь при этом его не разбудить. Очевидно, что этой ночью мне не снились кошмары, и я не пыталась во сне наброситься на него или причинить себе вред. К счастью, так продолжается уже третью ночь. Нажимая кнопки на экране телефона пока, наконец, этот долбаный звонок не затыкается, я выскальзываю из постели и направляюсь вниз на кухню, отчаянно нуждаясь в стакане воды, чтобы смочить пересохший рот.

Вдруг, уже почти у подножия лестницы, до меня доносится женский голос, эхом отдающийся по всему первому этажу, а усиливающийся запах жареного бекона проникает мне в ноздри. Я в тревоге замираю, пытаюсь разобраться, что происходит. Внимательно прислушавшись, я начинаю яснее понимать, что женщина поет не по-английски. Иностранные слова кажутся зловеще знакомыми, и внезапно я не могу дышать. Я оседаю на ступеньках, и все вокруг погружается во тьму.

— *Sorria e aja como você se estivesse feliz (прим.перев. порт. Улыбайся и притворись, что ты счастлива), — сквозь зубы предупредил меня Ис, когда мы позировали для наших свадебных фотографий. — Me beija. Agora (прим.перев. порт. Поцелуй меня. Сейчас же).*

Боясь того, что может произойти, если я ослушаюсь, я целовала его перед камерами, нацепив на лицо свою самую фальшивую улыбку, и изо всех сил старалась притворяться счастливой перед нашими семьями и друзьями. Прошло всего пару недель с того кровавого эпизода в Блумингтоне, и с тех пор мы с ним едва сказали друг другу десятков слов. Мы вернулись к нашему обычному распорядку дня: я готовила ему завтрак, он уходил на работу и не возвращался до позднего вечера, и почти каждую ночь он делал с мои телом все, что хотел. Я зарывалась лицом в подушку и рыдала, пока он не заканчивал, а затем отползала от него на кровати как можно дальше и старалась заснуть.

Свадебная церемония прошла так, как и планировалось. Брэндон вел меня по проходу к алтарю, не зная того, что вручает меня в руки дьявола, и все хлопали в ладоши, когда мы сказали «да». На приеме гости представляли собой весьма любопытное сборище, состоящее из моей маленькой семьи и школьных друзей, матери Иса, которая ни с кем не разговаривала, и его отца с его «расширенной» итальянской семьей. Если не брать в расчет мать Иса и человек двадцать, или около того, гостей с моей стороны, это была бы сцена прямо из «Крестного отца».

На следующее утро мы уехали на неделю в свадебное путешествие в Понта дос Ганчос, эксклюзивный курорт, предназначенный только для взрослых, расположенный в Санта-Катерине, Бразилия. Так как мы возвращались на родину его матери, она поехала вместе с нами, чему я втайне была очень рада, надеясь, что она послужит буфером между нами, и при ней Ис не будет проявлять свою жестокость. Но, как только мы приземлились, она сразу же покинула нас, чтобы повидаться с семьей, а мы с ним на частном вертолете полетели к нашему удаленному от всего света месту отдыха.

Первые пару дней прошли совершенно непримечательно. Само по себе место было впечатляющим: роскошный сад, прекрасные уединенные виллы. Большую часть времени мы проводили лежа на пляже или просто ели и пили в свое удовольствие. Разговоры между нами все еще оставались натянутыми, но Ис старался быть со мной милым, делая мне комплименты по поводу того, как я выгляжу в бикини с трусиками-танга, которое я надела по его настоянию, и, говоря, что женитьба на мне — это самое лучшее, что он когда-либо сделал. Не желая огорчить его из-за страха возможных последствий, я, как могла, старалась быть с ним любезной. И вот на третий день, когда я пошла в бар на пляже, чтобы принести нам обоим выпить, один симпатичный парень, которого я уже несколько раз здесь видела, поздоровался со мной и спросил, хорошо ли я провожу отпуск. Я из вежливости ответила ему, и мы немного поболтали, пока я ждала, когда бармен выполнит мой заказ. Когда я подошла обратно к Ис, расположившемуся на кушетке, то поняла, что что-то произошло, но не могла понять выражение его глаз, так как они были скрыты за солнечными очками.

— Я смотрю, у тебя появился друг, — отрывисто сказал он, забирая бокал у меня из рук.

Садясь рядом на соседнюю кушетку, я нервно ответила:

— Совсем не друг. Он просто поздоровался.

— Ты что, правда, такая долбаная идиотка, Брай? — усмехнулся он. — Да парень просто пускал слюни на твои сиськи и не мог оторвать глаз от твоей задницы, когда ты повернулась к нему спиной.

— Ты сам заставил меня надеть такой откровенный купальник, — возразила я, пытаясь вернуть на место маленькие желтые треугольники, закрывавшие мои груди, — и он не сказал ничего неподобающего, а просто спросил, как мы проводим отпуск.

— Помолчи. Ты здесь для того, чтобы радовать глаз, а не трепаться.

После он встал и пошел на пляж, туда, где уже собралась группа других постояльцев нашего отеля, по большей части женщин. Откинувшись на спинку кушетки, я покачала головой, все еще не в силах смириться с ситуацией, в которой оказалась, и из которой не было выхода. Когда через час он не вернулся, я взглянула туда, куда он отправился, и увидела, как одна женщина, одетая только в трусики-танга стояла прямо перед ним и явно терлась половинками своих ягодич о его член. Его руки лежали у нее на бедрах, и он шептал ей что-то на ухо. К сожалению, меня совсем не удивляло его поведение, мне было все равно, меня больше волновало, что он заставил меня выглядеть по-идиотски, позволяя какой-то пустоголовой фифе почти трахать себя на глазах у всех. Мне очень хотелось подойти и сказать что-нибудь, но меня вновь остановил страх перед его ответной реакцией. Вместо этого я встала и направилась в бар взять себе еще выпить. Мне нужен был алкоголь, чтобы заглушить свои эмоции.

Вечером того же дня, когда мы переодевались к ужину, Ис зашел в ванную комнату, неся с собой серебристое платье, которое я еще не видела.

— Надень это сегодня вечером и найди своего давешнего друга из бара. Я хочу понаблюдать за тем, как ты его соблазнишь. Делай, что хочешь, но приведи его на нашу виллу, а потом я буду смотреть, как ты его трахаешь, как настоящая илюха, которой ты на самом деле и являешься.

— Ис, — я открыла рот от удивления, — я не могу этого сделать. Я не буду этого делать. Ты долбаный псих.

Ему понадобилось меньше секунды, чтобы схватить меня руками за шею и с силой ударить своим лбом мой лоб.

— Ты можешь это сделать, и ты сделаешь это, потому что Я ЭТОГО ХОЧУ, — зарычал он на меня, пугая еще больше. — Ты — моя жена, моя законная собственность. Ты делаешь то, что я говорю, или тебе придется платить за последствия. Я понятно выражаюсь?

Его хватка на моей шее начала постепенно перекрывать мне доступ кислорода в легкие, и с мокрыми от слез глазами, мне удалось только кивнуть головой. Когда он меня отпустил, я просто свалилась на пол, как грудa тряпья. Прежде чем выйти из комнаты, Ис бросил на меня платье и произнес:

— Через двадцать минут выходим. Одевайся.

Два часа спустя я лежала обнаженная и опрокинутая лицом вниз на кровати, которую мы с Исом делили предыдущей ночью, а Леандро, более известный, как мой друг из бара, погружал и вытаскивал из меня свою огромную эрекцию, пока Ис дрожил, сидя на стуле в углу комнаты. Никогда раньше я не чувствовала себя такой дешевой, таким ничтожным куском дерьма, как в тот момент. Все это время изо всех сил я старалась сдержать рвоту. Я была благодарна, когда тело Леандро напряглось, и я услышала, как он закричал и выпустил струю теплого семени мне на спину. За ним быстро последовали стоны удовольствия, принадлежащие Исy. Когда Ис закончил, то поднялся со стула и подошел к небольшому платяному шкафу, что располагался в спальне.

Вытащив из него маленький черный мешок, он направился к кровати, где были мы с Леандро. Стремительно достав из мешка какую-то тряпку, он в мгновение ока заткнул Леандро рот и заковал в наручники. Все произошло так быстро, я начала было кричать, но сразу затихла, когда Ис приказал мне заткнуться. Затем он достал маленький нож, напоминающий по форме мачете, и без предупреждения отрубил Леандро пенис.

— Никто, кроме меня, не может засунуть свой член в мою жену... — начал он с дьявольской улыбкой.

Леандро закатил глаза, пытаясь кричать сквозь кляп от невыносимой боли. Действуя спокойно, как и всегда, Ис схватил его за волосы и, перерезая мужчине шею точно по яремной вене, как я уже это видела два раза, закончил фразу:

— ...и продолжать жить и рассказывать об этом направо и налево.

Не в силах больше контролировать себя, я выплеснула содержимое своего желудка на плиточный пол, прямо рядом с тем местом, где в луже крови лежало безжизненное тело Леандро. Ис спокойно подошел к комоду, достал оттуда какое-то чистое постельное белье и заявил:

— Вымой это дерьмо. Я сейчас пришлю кого-нибудь, чтобы позаботиться о теле.

Начисто вытерев полотенцем нож, он положил его обратно в сумку, поставил ее обратно в шкаф и покинул виллу.

Немного позже, когда я выплакала из себя всю жидкость до последней капли и почти вытерла всю кровь и рвоту, использовав все полотенца, что смогла найти, в комнату зашел незнакомец в черном — ни стука в дверь, ни объяснений, ничего. Руками, одетыми в перчатки, он поместил тело в пластиковый мешок и вышел. Закончив убирать место, где все произошло, я свернулась калачиком на кровати и сделала единственное, что умела — начала молиться. Я молила бога вытащить меня из того ада, в котором я очутилась.

К несчастью, на следующее утро я проснулась в том же месте. До меня донесся

аромат готовящегося завтрака, и я скатилась с кровати, полагая, что это Ис занимается едой, таким образом пытаюсь извиниться передо мной за вчерашний кошмар, как будто это могло как-то загладить его вину. Тем не менее, когда я вяло притащила свое уставшее тело в гостиную, то обнаружила, что там, у кухонной плиты стоит совершенно голая вчерашняя женщина с пляжа. Она напевала что-то на португальском и жарила бекон. Ис также был обнажен, но сидел за столом и наблюдал за каждым ее движением, сжимая в кулаке свой твердый член, одновременно проводя по нему вверх и вниз.

— А, американская принцесса, ты проснулась! — воскликнул он при виде меня, как будто в разыгрывавшейся сцене не было ничего необычного. Блондинка повернулась, улыбнулась мне и помахала рукой.

Я ничего не сказала. Я просто по очереди смотрела на них с отвращением, понимая, что тут происходит.

— Не груби нашей гостье, принцесса. Скажи Стасе: «Доброе утро!», — отругал он меня.

— Доброе, — пробормотала я, все еще стоя в дверном проеме.

— Подойди и сядь рядом со мной, Брай. Я хочу тебе кое-что показать, — указал он.

Шаркая, я подошла к столу и плюхнулась на стул рядом с ним. Стася принесла две тарелки горячей с пылу с жару яичницы, бекона и фасоли и поставила их передо мной и Исом.

— Подойди сюда, Стася, — приказал он. — Теперь, когда ты приготовила приличный завтрак, я хочу, чтобы ты показала моей американской принцессе, как женщина должна трахать своего мужчину. Я снова готов для тебя.

Она взглянула вниз на огромную эрекцию в его руках и захихикала. Оседлав его, она, не теряя времени, запрыгала вверх и вниз на его члене, а он в это время играл с ее клитором и сосал ее огромные сиськи. Я опустила глаза вниз на свою еду, изо всех сил стараясь игнорировать то, что происходило рядом со мной. Но Ис это заметил.

— Я сказал, смотри и учись, — рявкнул он на меня. Затем, не выходя из нее, он резко встал и развернулся с ней так, что женщина оказалась лежащей спиной на столе, а он стоял и вдалбливался в нее.

— Ты видишь, как она играет с собой, Брай? Мне это нравится. Видишь, как она улыбается, когда я даю ей свой член. Мне это тоже нравится.

Я могла только кивать головой, сидеть и смотреть, как мой муж прямо перед моим лицом трахает какую-то незнакомку по имени Стася, причем без всякой защиты. Несколько минут спустя он сильно кончил в нее, пронзительно крича что-то по-португальски, когда его тело содрогалось в оргазме. Когда Ис вышел из нее, он посмотрел на меня.

— А теперь подойди и слижи с нее всю мою сперму, принцесса. Такая шлюха, как она, не заслуживает стать матерью моих детей, это привилегия моей прекрасной жены.

Не веря своим ушам, я взглянула на него в надежде, что он шутит. Схватив за волосы, он дернул меня со стула, поставил на колени и толкнул лицом прямо в ее щель.

— Не заставляй меня повторять дважды, Брайли. Вылижи ее своим языком и убедись, что там все чисто. Мне не нужно, чтобы какая-то никчемная тварь носила моего ребенка. Если ты откажешься, ты знаешь, что с нею произойдет.

Откинувшись на стуле, он наблюдал за тем, как я лизала и сосала вагину Стаси, изо всех сил стараясь очистить ее от спермы и таким образом спасти ей жизнь. Когда Ис, наконец, решил, что я достаточно потрудились, он отпустил ее, а потом трахал каждую

дырку в моем теле до тех пор, пока я физически не могла ходить.

Остаток свадебного путешествия я нечасто его видела. Я оставалась на вилле, не желая смотреть в глаза ни одному человеку до конца жизни. Я много раз думала над тем, чтобы покончить с собой, но так и не смогла решиться. Мы вернулись в Чикаго. Очевидно, ему настолько понравились наши утренние занятия со Стасей, что он стал регулярно приводить к нам домой женщин и трахать их передо мной, а после заставлял меня ртом очищать их от его спермы. Я никогда не думала, что смогу чувствовать на себе такой позор и унижение, не могла представить, что смогу пасть так низко, но каждую проведенную с ним минуту я обнаруживала новое дно.

— Блейк! Блейк, милая, ну же, очнись! — встревоженный голос Мэддена проникает в мое сознание, вырывая из омерзительных воспоминаний.

Постепенно приходя в себя, я обнаруживаю, что сижу у него на коленях на лестнице, Мэдден крепко прижимает меня к груди и успокаивающе покачивает на руках. Я все сильнее чувствую во рту знакомый металлический привкус крови и надеюсь, что со мной не случился припадок прямо у него на лестнице. Сгорая от стыда, я утыкаюсь лицом в его шею и начинаю плакать.

— Мне жаль, — всхлипываю я.

Он понимает, что я пришла в себя и, вставая со мной на руках, нежно гладит меня по затылку. Поднимаясь вверх по лестнице обратно в свою комнату, он шепчет:

— Шшш, тебе не за что извиняться. Я здесь именно за этим, моя сладкая девочка.

Глава девятнадцатая

Dare You to Move ~ Switchfoot

Мэдден

— Сеньор Мэдден, проснитесь! Что-то случилось с девушкой! — сильный акцент Сары резко вырывает меня из сна с Блейк в главной роли.

— Что случилось? С какой девушкой? — отрывистым голосом спрашиваю я. Садясь на постели, я бросаю взгляд туда, где должна быть Блейк, но ее там нет. Мое сердце тут же начинает гулко стучать, и я резко поворачиваю голову к Саре, стоящей рядом с кроватью.

— Поторопитесь, она на лестнице. Я не знаю, что она делает, — повторяет она в панике. — Она плачет и трясется. А еще на ней кровь.

За какие-то доли секунды я вскакиваю с кровати, ничуть не заботясь о том, что из одежды на мне только трусы; мне надо к ней. Немедленно. Я стремглав выбегаю из комнаты и несусь к лестнице. Увидев Блейк, свернувшуюся калачиком внизу на лестничной площадке, я бросаюсь туда. Взяв ее на руки, я усаживаю ее к себе на колени и крепко прижимаю к груди, стараясь вывести из транса, в котором она пребывает.

— Блейк, детка, я здесь. Это я, Мэдден, — мягко говорю я ей на ушко.

Все ее тело дрожит так, как будто она несколько часов провела на холоде, а глаза крепко зажмурены. Тонкая струйка крови спускается из уголка ее рта и течет вниз к подбородку, а щеки все намокли от беззвучных рыданий.

— Блейк! Блейк, милая, очнись, — слегка повысив голос, я начинаю качать ее на руках.

Мне отчаянно нужно вырвать ее из забытья, в котором заблудилось ее сознание.

Ее тело резко дергается и мгновенно перестает дрожать. Затем, прижимаясь ко мне лицом, она хватает меня за руки и начинает громко плакать.

— Мне жаль, — рыдает она в моих объятиях.

Понимая, что она пришла в себя, я пробегая пальцами по ее волосам и целую в макушку, благодаря богу за то, что мне удалось снять чары, околдовавшие ее. Я легко встаю, крепко держа Блейк на руках, и несусь обратно в свою комнату.

— Шшш, тебе не за что извиняться. Я здесь именно за этим, моя сладкая девочка.

Сара, наблюдавшая всю разворачивавшуюся между нами сцену, уже ждет на лестнице наверху. Легким кивком головы я показываю ей, что позабочусь о Блейк, и пожилая женщина, слегка улыбаясь, сочувственно хлопает меня по руке.

Пройдя прямо в ванную комнату, я с осторожностью ставлю Блейк на пол, чтобы снять с нее футболку и трусики. Я на мгновение оставляю ее, чтобы наполнить ванну теплой водой, надеясь, что это ее успокоит, а затем быстро возвращаюсь обратно. Блейк все еще сидит, прижав ноги к груди и зарывшись лицом в колени. Вид ее хрупкого, израненного тела, бессильно осевшего на холодном полу, разрывает мне сердце. Я не очень хорошо ее знаю, но то, что мне известно, я обожаю. Я прекрасно осознаю, что мне будет трудно не привязаться к ней эмоционально, и я буду стараться изо всех сил сохранять свое «я», но я должен ей помочь. Всего лишь за пару недель она проникла мне под кожу, и сломленная или нет, она моя.

— Блейк, пожалуйста, посмотри на меня. Мне нужно найти, откуда у тебя течет кровь, чтобы мы могли обработать рану, — умоляю я ее.

Блейк медленно поднимает голову и изучающе смотрит на меня сквозь спутанные ресницы. Ее обычно прекрасные голубые глаза сейчас потухли и выглядят отчаявшимися и безжизненными.

— Кажется, я прикусила язык, — скривив лицо от боли, бормочет она.

При этом еще несколько кровавых ручейков стекают из ее рта, и она кладет голову на колени.

Взяв ее рукой за подбородок, я поднимаю ее голову обратно, заставляя Блейк посмотреть на меня.

— Открой рот, чтобы я мог все увидеть.

Она послушно раскрывает рот, чтобы я его осмотрел и определил место повреждения. Несмотря на большое количество крови, глубокая рана хорошо заметна.

— Набери воды и прополощи рот, хорошо?

Безнадежно кивая, она поднимает свою крошечную ручку и касается ею моей голой груди.

— Я испачкала тебя кровью. Извини.

Я опускаю взгляд на ее руку и вижу красное пятно на своей коже, а затем беру ее и целую.

— Перестань беспокоиться обо мне.

Вновь взяв Блейк на руки, я отношу ее к раковине и сажаю на мраморную столешницу. Я наполняю стакан холодной водой из-под крана и передаю его Блейк.

— Пожалуйста, прополощи рот, ради меня.

Она без разговоров берет стакан и гоняет по рту прохладную жидкость, а затем выплевывает разбавленную водой кровь в раковину. Повторив проделанное только что несколько раз, пока, наконец, кровь не исчезает, она ставит стакан рядом с собой.

— Молодец, — одобрительно говорю я. — А теперь давай отнесем тебя в ванну.

Я снимаю с себя единственный предмет одежды. Конечно, я совсем не так представлял себе первый раз, когда она увидит меня обнаженным, но так надо. Бережно держа Блейк на руках, я подхожу к ванне, выключаю вентиль и осторожно ступаю в чашу, почти полную воды. Я потихоньку опускаюсь вместе в ней, и нас со всех сторон окружает теплая вода. Блейк крепко прижимается спиной к моей груди. Откинувшись на холодный фаянс, я облегченно вздыхаю. Хотя я все еще схожу с ума от беспокойства, мне становится легче оттого что я знаю, что с ней сейчас все в порядке.

Несколько минут никто из нас не произносит ни слова, я просто тру ее руки и живот, нежно целую в макушку, пока она понемногу приходит в себя.

— Вот поэтому у нас ничего не получится, — заявляет она, прерывая молчание.

— Это почему? — спрашиваю я.

Блейк сухо смеется.

— Потому, что я ненормальная. Не прошло и суток, как мы вместе, а у меня уже случился этот эпизод.

— А что с тобой происходит во время этих эпизодов? — спрашиваю я, молясь про себя о том, чтобы она мне ответила.

— Я вспоминаю разные вещи. Очень плохие вещи.

С шипением выдыхая, я напоминаю себе, что мне надо оставаться спокойным, хотя мысль о том, что кто-то причинял ей боль, выводит меня из себя. Я полагаю, что Блейк не собирается развивать тему, и тогда захожу с другой стороны.

— Почему они возвращаются? Эти воспоминания? Они всплывают постоянно или появляются внезапно сами по себе?

— Обычно, если я не сплю, их провоцирует что-то, что происходит вокруг, а во сне они появляются непредсказуемо. За последние три ночи у меня не было ночных кошмаров, и по утрам я чувствовала себя вполне нормально, перед тем как...

— А что послужило пусковым механизмом на этот раз? — давлЮ я на нее. — Ты что-то увидела или услышала?

Кивая, она обнимает себя руками в попытке отгородиться от меня. Я нежно беру ее руки и отрываю их от туловища.

— Не прячься от меня, сладкая девочка. Я только стараюсь помочь. Я хочу знать, что это было, чтобы в дальнейшем это не повторилось и не спровоцировало еще один эпизод.

Я опускаю голову ей на шею и оставляю поцелуи на ее шелковистой коже.

— Скажи мне, что произошло сегодня утром.

Губами, прижатыми к ее коже, я чувствую, как она тяжело вздыхает.

— Я, ух... Я пошла вниз налить себе воды, и, как раз, когда спустилась, услышала кое-что... вернее кое-кого. Она пела на португальском. А потом запахло беконом. Это и было...

Она трясет головой и замолкает.

— Я уверен, что ты слышала мою домработницу Сару, когда она пела на кухне и готовила нам завтрак. Она говорит на испанском, а не на португальском, хотя думаю, звучит похоже, — объясняю я. — Вчера поздно вечером я послал ей сообщение и попросил приготовить нам завтрак, перед тем как мы отправимся на работу. Мне следовало предупредить тебя, что она будет здесь. Извини.

— О, все в порядке, — шепчет она.

Несколько минут мы сидим в молчании. Пока я больше не задаю вопросов, но кладу в ячейку памяти информацию о португальском языке и делаю в уме заметку попросить Сару, чтобы она не говорила по-испански в присутствии Блейк. В конце концов, вода начинает остывать, и мне нужно вытащить ее, прежде чем она заоченеет.

— Я позвоню мистеру Томпсону и скажу ему, что забираю тебя сегодня из офиса, чтобы ты помогла мне поработать над... Да над чем угодно! — сообщаю я, открыв отверстие для слива.

Блейк подскакивает на ноги и, качая головой, пулей вылетает из ванны.

— Нет, я не могу так поступить. Мне нужно на работу. Я не хочу прогуливать.

Следуя за ней, я, стараясь оставаться при этом спокойным, хватаю для нас обоих по полотенцу, чтобы вытереться.

— Ты будешь работать, но только со мной. Если я позволю тебе сегодня исчезнуть из поля зрения, я буду волноваться за тебя, а на работе мне нужна ясная голова.

Она плотно обматывает полотенце вокруг тела и упрямо глядит на меня:

— Извини, Мэдден, но я не могу. Я не поеду в твой офис только для того, чтобы сидеть в твоём кабинете и смотреть, как ты работаешь, будто я ребенок, которого нельзя оставить дома одного. Я уже два года справляюсь с этими воспоминаниями. Со мной все будет в порядке.

Два года? Да что же, черт побери, с нею произошло? Ей же всего двадцать два. Я понимаю, что не могу больше расспрашивать ее о прошлом, особенно не прямо сейчас, но не помню, чтобы какая-нибудь другая мысль вызывала во мне такую же ярость, как мысль о том, что случилось с Блейк, что бы это ни было.

Совсем безрадостно уступая ее просьбе, я киваю.

— Хорошо, но ты должна мне пообещать, что вечером вернешься сюда. Я приготовлю нам ужин, и мы посмотрим кино или что-нибудь еще, или займемся, чем ты захочешь. Только с таким условием я могу отпустить тебя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Блейк безучастно смотрит на меня, поэтому я решаю напомнить ей, почему ей стоит вернуться. Сокращая расстояние между нами, все еще одетыми только в банные полотенца, я беру ее за подмышки, приподнимаю и заставляю обвить меня ногами за талию. Я несу ее вперед до тех пор, пока ее попа опять не оказывается на столешнице, и, крепко прижавшись, устраиваюсь между ее ног. Ухватив за затылок, я опускаю свои губы на ее в настойчивом, но нежном поцелуе. Я не пытаюсь раскрыть ей рот, чтобы не задеть израненный язык. Откуда-то из глубины ее горла исходит стон, и я тут же становлюсь твердым. Я не могу ничего с этим поделать. Это самая дьявольски сексуальная девушка из всех, что я видел, и она даже не представляет, насколько она хороша. Я мягко тяну ее за волосы, Блейк поднимает подбородок, давая доступ моему рту к своей шее, и я провожу языком по ее подбородку от одного уха до другого.

— Возвращайся вечером, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты была здесь со мной, — шепчу я, оставляя тепло своего дыхания на ее коже. — Не заставляй меня умолять.

Ее тело расслабляется, и она опускает руки мне на плечи.

— Я приеду после работы. Не уверена, что смогу много съесть, но идея с фильмом мне нравится.

Обрадованный ее ответом, я помогаю ей одеться, чтобы она могла поехать домой и сменить одежду перед работой. Как только она уезжает, я бегом несусь в душ, понимая, что тоже опаздываю.

Едва я приезжаю на работу, начинается бесконечная череда звонков и электронных писем, которая ослабевает только к середине рабочего дня. При этом беспокойство за Блейк не выходит у меня из головы, и мне никак не удается прогнать из сознания картину того, как этим утром она, скрючившись, лежала внизу на лестнице. Что-то подсказывает мне, что с ней я замахнулся на кусок, который не смогу проглотить, что я недостаточно силен, чтобы помочь ей преодолеть то, что вселяет в нее такой страх. Но по какой-то причине я не могу уйти. Я знаю ее всего пару недель и уже чувствую, что задыхаюсь, когда ее нет рядом. Я разрываюсь между папиной болезнью, эгоистичным и ленивым младшим братом и расширением компании, в данной ситуации мне меньше всего нужно связываться с кем-то, кто отличается такой непредсказуемостью и с кем в любой момент может случиться припадок. Это последнее, что мне нужно, но единственное, чего я хочу.

Как только хаос в офисе начинает потихоньку спадать, я зову Кэролайн к себе в кабинет, чтобы попросить ее о помощи с сегодняшним вечером. Я всегда был с ней до конца честен, она напоминает мне строгую тетюшку, которой у меня никогда не было, пожилую и мудрую, которая никогда не осудит меня за то, что я делаю.

— Что, Кэролайн, сумасшедшая пятница? — спрашиваю я, когда она заходит.

— В последнее время здесь каждый день сумасшедший, Мэдден. Зато время пролетает

незаметно, — отвечает она с усмешкой. — Чем могу быть полезна?

— Как ты уже, наверное, знаешь, я недавно встретил кое-кого, кто меня заинтересовал и...

— Кого-то, кого вы на прошлой неделе водили в ресторан? — прерывает она.

— Да, ее зовут Блейк. Она работает в «ДжДТ Графикс», компании, которая консультирует нас по проекту видеоигр, — объясняю я. — Я собираюсь увидеться с ней сегодня вечером и не хочу напугать ее своим напором. Хочу устроить что-то вроде киносеанса и домашнего ужина. Я надеялся, что ты сможешь мне выбрать какое-нибудь хорошее женское кино. Я совсем ничего не знаю об этих долбанных слезливых, сентиментальных фильмах.

Глаза Кэролайн блестят от удовольствия, пока она старается скрыть от меня свой смех.

— Вау! Она, наверное, необыкновенная, если вы добровольно решили провести вечер пятницы дома за ужином и просмотром романтических комедий. Я заинтригована.

— Перестань женить меня, Кэролайн, — дразню я ее, глупо улыбаясь. — Нет, шутки в сторону, она красива, умна, нежна и не похожа ни на кого, с кем я встречался, но еще рано о чем-либо говорить. Тем не менее, я тоже очень заинтригован. А теперь скажи, какими фильмами я могу ее впечатлить, и лучше не про вампиров и оборотней.

— Ну, например, современная классика «Грязные танцы», «Красотка» и «Лучший стрелок». Я никогда не встречала женщину, которой бы не нравились все три. Но все-таки, если вы погуглите топ лучших романтических фильмов, в девяноста процентах найденных списков обязательно на первых местах будет «Дневник памяти». Он правда потрясающий.

Я с благодарностью киваю.

— Спасибо, Кэролайн. Я очень ценю это. Я скоро уже уйду. Выписал тут как-то рецепт одного блюда и собираюсь зайти в магазин купить все нужные ингредиенты. Будем надеяться, что я нас не отравлю.

— Разве Сара не будет для вас готовить? — интересуется она, поднимая брови.

После событий сегодняшнего утра я отпустил Сару на весь день, потому что не хочу, чтобы хоть что-то в доме напоминало о том, что случилось.

— Нет, у Сары сегодня выходной, да я и сам хотел сделать для Блейк что-то приятное.

— Великолепно, — радостно улыбается Кэролайн, прежде чем вернуться на свое место. — Если вам понадобится помощь, вы знаете, где меня найти.

Я быстро закрываю на компьютере несколько открытых окон и выключаю его на выходные. С нетерпением ожидаю следующие два дня, чтобы провести их с моей Блейк, я надеюсь только, что сегодняшнее происшествие в эти дни больше не повторится.

Fidelity ~ Jasmine Thompson

Блейк

В пятницу я не способна ничем заниматься на работе. Я просто сижу и глазею на экран монитора, а мыслями нахожусь с Мэдденом. Воспоминания о прошлой ночи, когда его рот ласкал меня такими способами, о существовании которых я и не подозревала, сменяются картинками сегодняшнего утра, когда у меня случился припадок, и он позаботился обо мне. Хотя было унижительно, что он видел меня в таком состоянии, в тот момент я не могла поверить, как нежно и внимательно он повел себя со мной. Это все слишком хорошо, чтобы быть правдой... он слишком хорош, чтобы быть настоящим, и предупреждающие звоночки в голове напоминают мне, что случилось, когда я в последний раз так думала. Я говорю себе быть осторожной, эмоционально не привязываться и наслаждаться тем, что есть, вот только я не уверена, что на самом деле есть. Джей уже несколько раз спрашивала, все ли со мной в порядке, я заверила ее, что да, хотя сама в этом совсем не уверена. В любом случае я сдержу слово и приду к нему сегодня вечером, потому что правда состоит в том, что я хочу быть с ним. Дома же я опять, как и последние пару лет, останусь один на один со своими демонами.

К счастью, мы заканчиваем очередное задание быстрее, поэтому сможем уйти с работы раньше, чем собирались. Я опрометью несусь домой, спешно принимаю душ, чтобы освежиться, и переодеваюсь в удобные джинсы и нарядный топ. Не знаю, может, слишком самонадеянно с моей стороны взять с собой вещи на ночь, поэтому я решаю собрать их в сумку, и оставить в машине. Если я останусь ночевать, то притворюсь, будто забыла их там. В полседьмого, перед тем, как ехать к Мэддену, я отправляю ему сообщение, чтобы убедиться, что он дома, менее чем через минуту он отвечает, что мне можно отправляться. Чуть больше, чем через полчаса я останавливаю свою машину на подъездной дорожке прямо за его машиной и выпрыгиваю из нее, страстно желая увидеть его снова.

Прежде чем я успеваю подойти к парадному входу, дверь открывается, и мой желудок переворачивается при виде Мэддена, босиком стоящего на входе и одетого в шорты-карго цвета хаки и обтягивающую темно-синюю футболку, которая подчеркивает его глаза. Его выгоревшие на солнце волосы, как обычно, наскоро взлохмаченные рукой, выглядят отлично, и впервые с тех пор, как мы встретились, он небрит. Чем ближе я подхожу, тем шире его улыбка, пока он, наконец, не протягивает руки и не берет меня за бедра, притягивая к себе.

— Я скучал по тебе, — рычит он, требовательно целуя меня.

Посмеиваясь под его губами, я протягиваю руку и тру щетину на его щеке.

— Ты видел меня сегодня утром, а это что такое?

Он отпускает меня, быстро целуя последний раз.

— Да, я не брился сегодня утром. Ну и как тебе?

— Мне нравится. Ты выглядишь непринужденно и расслабленно.

— Да, так и есть на самом деле, особенно когда ты рядом, — отвечает он с лукавой усмешкой. — А теперь тащи свою задницу в дом. У меня для тебя есть сюрприз.

Следуя за ним через фойе и со вкусом декорированную гостиную, я захожу на кухню, и

аппетитный запах чего-то готовящегося на плите проникает мне в ноздри, заставляя желудок громко урчать.

— Ты голодна. Это хорошо, — говорит он, подходя к плите. — Предупреждаю, я сам все это приготовил, поэтому не уверен в том, что получилось, но надеюсь, что все вышло достаточно прилично.

— Пахнет чудесно. Что это? — спрашиваю я, пока он помешивает что-то в большой кастрюле.

— Суп из запеченного картофеля. Я подумал, что тебе будет не больно есть его. Еще я купил миски из хлеба, чтобы налить в них для нас суп, — с гордостью отвечает Мэдден. — Он почти готов. Мне нужно только добавить тертый сыр, нарезанный бекон, достать из холодильника мелко порубленный зеленый лук и сверху все им посыпать.

— Я потрясена, — замечаю я.

Он не представляет, как много значит для меня тот факт, что он не только приготовил для меня ужин, но и подумал о том, что я смогу съесть из-за своего языка. Серьезно, он слишком хорош, чтобы быть настоящим.

Пятнадцать минут спустя мы сидим в столовой и наслаждаемся самым вкусным супом, который я когда-либо ела, обсуждая прошедший на работе день. Я узнаю немного больше о «Декер Энтерпрайзиз» и вижу восхищение в его глазах, когда он говорит о своей секретарше Кэролайн, обещая скоро нас познакомить. Узнав о том, что он рассказал ей обо мне, я ощущаю внутри какое-то неопределенное, но теплое чувство, как будто он гордится мной и не хочет расставаться еще какое-то время.

Мы достаточно быстро заканчиваем еду, и, хотя он утверждает, что мы можем оставить грязные тарелки Саре до утра, я убеждаю его, что вместе мы в два счета с ними справимся. Уверена, что ей будет не совсем приятно, придя утром на работу, обнаружить грязную кухню. Выбросив в мусор остатки пищи и загрузив посудомоечную машину, он ведет меня наверх, в свою комнату.

— Располагайся поудобнее, пока я поставлю фильм, — говорит он, медленно подходя к телевизору, висящему на стене.

Я убираю подушки из-под головы и перекидываю их в ноги, чтобы мы могли лечь на живот и смотреть тот фильм, который он выбрал. Он берет пару пультов и присоединяется ко мне, улыбаясь как кот, съевший канарейку.

— Что тут смешного? — спрашиваю я. — Мы будем смотреть что-то необычное?

— Необычно ли то, что я буду это смотреть? Да, — говорит он, слегка толкая меня своим плечом, — но надеюсь, что тебе это понравится.

— Ну, вот теперь мне и правда любопытно. Включай уже, — я игриво пытаюсь вырвать у него из рук пульт.

— Успокойся, глупышка. Я здесь командую.

Как только я замечаю, что мы будем смотреть «Дневник памяти», у меня глаза лезут на лоб, отчасти, потому что я понимаю, что он действительно старается сделать мне приятное, выбрав настоящее женское кино, и, отчасти потому, что я смотрела этот фильм не меньше десяти раз, и каждый раз ревела, как ненормальная.

— Ты уже видел его раньше? — шепчу я, когда начинается первая сцена.

Он качает головой.

— Нет, а ты?

— Да, это один из моих самых любимых фильмов на все времена, — отвечаю я. — Твой

выбор безупречен.

Наклоняясь, он мягко целует уголок моего рта.

— Хорошо. Тогда не рассказывай мне концовку.

Мы вместе лежим и смотрим прекрасную душераздирающую историю Ноя Кэлхауна и Элли Гамильтон, как они встретились, влюбились, расстались и снова нашли друг друга. Когда спустя два часа на экране появились заключительные титры, уверена, мои щеки покрылись красными пятнами и подтеками от туши. Я внимательно смотрю на Мэддена и с удивлением вижу, что у него тоже блестят глаза от сдерживаемых слез.

— Ну, что ты думаешь? — спрашиваю я, хлюпая носом.

— Я никогда раньше не плакал над фильмом, — признается он, не отводя глаз от экрана.

— Тут трудно не заплакать, особенно...

Мой голос на мгновение умолкает.

— Что тебе больше всего понравилось?

Перекаtywаясь на бок, он с нежной улыбкой смотрит на меня.

— Хмм... Я думаю, что мне понравился момент, когда они в первый раз встретились на ярмарке, и она спустила с него штаны на чертовом колесе, потому что нам показывают его решительность и ее дерзость.

Кивая ему в знак согласия, я хихикаю.

— Что такого романтического в ярмарках и чертовом колесе? В скольких книгах и фильмах именно там впервые встречаются или влюбляются главные герои.

— Ну, чаще всего, дело происходит поздним вечером, поэтому под залитым лунным светом небом повсюду вокруг сверкают огни аттракционов и увеселительных забав, и потом запах всякой аппетитной еды, который пробуждает аппетит... ко всему, — он шутливо подергивает бровями, — и, наконец, почти на всех аттракционах есть хотя бы намек на опасность, что стимулирует в мозге выработку эндорфинов. Даже на чертовом колесе, несмотря на то, что оно движется медленно, большую часть поездки ты проводишь с кем-то высоко над землей в полузакрытой кабине, и никто не видит, чем вы там занимаетесь. Все это вместе создает довольно романтическую атмосферу, не говоря уже о всеобъемлющем ощущении невинности и чувстве, как будто ты возвращаешься в детство. Теперь ты понимаешь?

Пристально и недоверчиво глядя на него, я не могу понять, как он так ясно и понятно все объяснил.

— Когда ты это так растолковал, в этом есть смысл. К сожалению, мне все равно этого не понять. Я никогда раньше не была на ярмарке.

Его глаза широко раскрываются, а челюсть падает вниз.

— Ты, наверное, шутишь. Ты никогда не была на ярмарке? Где же ты росла? Ярмарки останавливаются по всей стране, даже в самых захолустных городках.

Наступил момент истины. Следует ли мне раскрыть ему небольшой кусочек прошлого или достаточно будет и полуправды?

— Я выросла в Чикаго, — полупшепотом отвечаю я, — и да, там были ярмарки, но я никогда не была ни на одной из них. Моя мама до смерти боялась тамошних аттракционов, поэтому заставила меня поклясться, что я никогда туда не пойду. Хотя, однажды я была в тематическом парке. Парк «Великая Америка» находился недалеко от того места, где я жила. Мама не была против него, потому что аттракционы там были стационарными и

прошли проверку на безопасность.

Протянув руку, он касается кончика моего носа подушечкой своего пальца.

— Завтра, сладкая девочка, я возьму тебя на пирс Санта-Моники. Там соединилось лучшее из обоих миров — настоящая праздничная атмосфера ярмарки и полная стационарность со всеми этими долбаными тестами на безопасность, так что ты не нарушишь, обещание, данное маме.

— Уверена, она бы это оценила.

Мне трудно не печалиться, когда я думаю о ней. Нет другой любви, похожей на любовь матери, и я никогда больше снова ее не почувствую.

Показывая мне свое сочувствие и поддержку, он перемещает свою руку с моего носа на талию и крепко прижимает меня к себе.

— Извини, детка. Я не хотел тебя расстраивать, — шепчет он мне в волосы.

Стараясь сдержать слезы, я несколько раз глубоко вдыхаю и выдыхаю. К счастью, он не задает никаких вопросов о ней или ее смерти, он просто обнимает меня, пока я не почувствую себя лучше.

— Все в порядке, — шепчу я, отодвигаясь от него, чтобы заглянуть в его лицо. — У тебя есть еще какой-нибудь фильм, который ты бы хотел посмотреть, или пойдём спать?

Прижимаясь лбом к моему лбу, он говорит:

— Я хочу делать все что угодно, если это сделает тебя счастливой и, если, в конце концов, ты окажешься этой ночью спящей в моих объятиях в этой постели.

Так мы и сделали, пока, увидев первую любовную сцену в «Лучшем стрелке», Мэдден не находит своего внутреннего Мэверика, и руками и ртом начинает поглощать каждый сантиметр моего тела, вскоре лишив меня возможности дышать своими ласками. Я не была уверена, что он сможет превзойти вчерашнюю ночь, но пока он лижет, сосет и покусывает меня с ног до головы, я чувствую себя в его руках все более комфортно и узнаю к огромной радости нас обоих, что умею кончать по его команде. Я теряю счет оргазмам; один перетекает в другой, и я, без сомнения, ощущаю себя более возбужденной, чем когда-либо.

В какой-то момент, видимо, я провалилась в сон от перевозбуждения, потому что мой мозг не смог справиться с охватившей меня огромной чувственной эйфорией. Проснувшись рано утром от солнечных лучей, проникающих в комнату, я вижу, что лежу абсолютно голая в объятиях Мэддена, прижавшись лицом к его голой груди. Я еще не готова покинуть свой персональный рай, и поэтому закрываю глаза, прижимаюсь к нему покрепче и засыпаю еще на несколько часов.

Когда я много позже просыпаюсь, то обнаруживаю его, лицом уткнувшегося между моих бедер, он проводит языком по наружному краю моих складочек.

— Ты меня испортишь, — предупреждаю я его скрипящим утренним голосом.

Мэдден пристально смотрит на меня из-под полусонных век, и в его глазах появляется хитрый и многообещающий блеск.

— Таков мой план, спящая красавица, — отвечает он, касаясь ртом моей нежной кожи. Вибрация его низкого голоса рядом с моими нижними губами отдается во всем теле и посылает волну влаги прямо к моему лону.

Я откидываю голову на подушку, выгибаю спину и громко стону:

— О боже.

— Тебе нравится? Нравится, когда я говорю прямо в твою сладкую киску? — спрашивает он.

Больше вибраций, больше влажности.

— Мммм.

— Я хочу... — он ударяет языком по моему чувствительному клитору, — ... чтобы ты сказала мне... — еще один удар, — ... что тебе нравится.

Последний удар превращается в интенсивное сосание.

Мои руки хватают его за затылок, и я зарываюсь пальцами в его растрепанные после сна волосы и трусь о его рот.

— Так, — я тихо выкрикиваю, — мне нравится так.

Два пальца проскальзывают в меня и начинают потирать мою внутреннюю стенку, а Мэдден продолжает говорить, ударять и сосать мой твердый узелок.

— Узнаю свою девочку. Покажи мне, как тебе хорошо со мной, позволь мне позаботиться о тебе. Кончи для меня сейчас.

Неконтролируемо извиваясь под его ласками, мои бедра сжимаются вместе, и от его приказа мое лоно течет ему на руку. Меня поглощает полное блаженство.

Он поднимается вверх, целуя по пути мое тело, и когда оказывается со мной лицом к лицу, трется носом о мой нос.

— Доброе утро, красавица. Теперь, когда я нагулял себе аппетит, давай спустимся вниз и позавтракаем.

Глава двадцать первая

Best Day of My Life ~ American Authors

Блейк

Когда мы спускаемся вниз, Мэдден представляет меня своей домработнице Саре, которая служит у него уже много лет, и я тотчас понимаю, почему он о ней так высоко отзывается. Эта маленькая, кругленькая латиноамериканка с яркой улыбкой и добрыми карими глазами просто источает материнскую заботу. Сара берет меня в теплые объятия, целует в обе щеки и, слегка откидывая спину назад, осматривает с ног до головы.

— Блейк, моя дорогая девочка, как приятно с тобой познакомиться, — приветствует она меня голосом с сильным, но понятным акцентом. — Очень красива, но слишком худа. Ничего, мисс Сара тебя откормит.

— Сара, — предупреждает ее Мэдден, взяв со стола цвета мореного ореха две кружки кофе.

Искренне смеясь, я киваю и отвечаю:

— Все в порядке, Мэдден, я тоже рада с вами познакомиться, мисс Сара. Если все, что вы готовите, пахнет так же аппетитно, не думаю, что с этим будут проблемы.

Она показывает ему в спину язык, что заставляет меня хихикать еще сильнее.

— Я приготовила утреннюю пиццу с прошутто и яйцом и картофельные оладьи с розмарином. Надеюсь, вам это подойдет?

— Отлично.

Мэдден садится у кухонного острова, куда он уже поставил молоко, набор подсластителей и две почти полные дымящиеся чашки горячего кофе, и кивком головы указывает мне присоединиться к нему. Маленькими глотками он пьет свой простой черный кофе и посмеивается, глядя на то, как я добавляю в свой немного молока и три чайные ложки обычного сахара.

— Исключительно сладкий кофе для моей сладкой девочки.

Поднося кружку ко рту, я улыбаюсь и киваю, прежде чем отхлебнуть большой глоток утреннего энергетика.

— Мммм... чем слаще, тем лучше.

— Туше.

Его яркие голубые глаза призывно сверкают.

Сара ставит перед каждым из нас тарелки, полные еды, и мы жадно набрасываемся на них, как будто не ели неделю. Сказать, что еда очень вкусная, значит погрешить против кулинарной справедливости, она исключительно изысканна и великолепна. К счастью, рана на моем языке уже поджила, и я способна проглотить все, ни разу не поморщившись от боли. Как только я начинаю скрести вилкой по пустой тарелке, Сара кладет мне еще запеканки и картофеля, широко улыбаясь при виде очевидного подтверждения того, как мне понравилась ее стряпня.

Когда мы оба заканчиваем с добавкой и кофе, я бегу к машине за сумкой, втайне радуясь, чтохватила с собой сменную одежду. Мы с Мэдденом возвращаемся наверх, чтобы принять душ и переодеться для сегодняшней прогулки. Несмотря на то, что ему уже знаком с близкого расстояния каждый сантиметр моего тела, и я уже видела его голым —

хотя все это было без сексуального подтекста — он уходит в комнату для гостей, позволяя мне воспользоваться его раковиной и душем.

Не желая, как типичная девушка, приводить себя в порядок целый день, я поспешно принимаю душ, собираю волосы в хвост и наношу минимальный макияж: немного туши для глаз, румян и блеска для губ. Затем я проскальзываю в любимые джинсовые шорты, черную майку на тонких лямках и черные вьетнамки. Когда я появляюсь из ванной комнаты, Мэдден стоит в гардеробной, одетый лишь в темно-серые шорты и ищет рубашку. Хотя я много раз видела его с голым торсом и даже спала, прижимаясь к его голой груди, по какой-то необъяснимой причине, его вид в этот самый момент заставляет порхать бабочек в моем животе, а бедра сжиматься вместе. Я не могу ничего с собой поделаться и вспоминаю о том, как чувствовала его руки повсюду на своем теле, как его рот снова и снова бескорыстно доставлял мне удовольствие. Он разбудил желание, которое годами спало во мне. Впервые с тех пор, когда я была подростком с бушующими гормонами, я хочу секса; я страстно желаю ощутить его глубоко во мне.

Почувствовав, что я глазею на него, Мэдден поворачивается, чтобы посмотреть мне в лицо, его рот кривится в понимающей усмешке. Мои щеки горят от смущения, как у ребенка, которого поймали с банкой печенья.

— Хочешь помочь мне решить, что надеть? — спрашивает он.

Качая головой, я игриво отвечаю:

— Я доверяю твоему выбору.

Он громко хохочет, снимая с вешалки белую рубашку, и надевает ее через голову.

— Ты считаешь, это забавным, да?

Выключив в гардеробной свет, он подкрадывается ко мне, как хищник, подстерегающий жертву. Я с пронзительным криком бросаюсь бежать, сама не знаю куда. Он в несколько секунд ловит меня, перекидывает через плечо и бросает на кровать. Оседлав мои бедра, Мэдден одной рукой прижимает мне руки над головой, а другой щекочет ребра. Я извиваюсь и визжу, отчаянно, но безуспешно пытаюсь освободиться. В конце концов, он замедляет темп своей вызывающей глупое хихиканье пытки и опускает лицо, прижимаясь лбом к моему лбу.

— Если ты продолжишь в том же духе говорить и смотреть на меня, мы сегодня никуда не выберемся отсюда, — предупреждает он низким голосом, прижимаясь к моей промежности.

Внутреннее трепетание превращается в болезненное желание, и я сквозь зубы втягиваю воздух в легкие. Никуда не идти было бы не так уж плохо.

— Ты еще не готова к этому, сладкая девочка. Медленно, но верно, помнишь? — шепчет он мне в губы, мягко целуя несколько раз. Поднявшись, Мэдден тянет меня за руки, пока я не встаю рядом с ним. Он шлепает меня по попке и объявляет:

— А теперь пойдём. У меня на сегодня большие планы для тебя.

Чуть позже полудня мы приезжаем на Венис-Бич, и, как только выходим из машины, Мэдден крепко берет меня за руку и ведет к помосту. Погода стоит — лучше не бывает; на бесконечном голубом небе яркое солнце, иногда мимо проплывают случайные белые обрывки облаков, делая приятно теплым воздух вокруг, с моря дует свежий бриз.

— Я до сих пор не могу поверить, что ты никогда не была на побережье, — замечает он. — Ты понимаешь, что это меньше, чем в часе езды от Бербанка. погоди, ты ведь живешь в Бербанке? Я полагал, что это так, потому что там твоя работа.

— Я живу в Вудленд-Хиллз, — отвечаю я, даже не осознавая, что рассказываю ему больше, чем кому бы то ни было, за очень долгое время, — и да, я знаю, как это близко. Когда я только переехала, было достаточно прохладно, не лучшее время, чтобы идти на пляж.

Он улыбается мне, когда мы быстро переходим через дорогу.

— Ну, я рад, что ты еще там не побывала. Теперь именно я покажу тебе все калифорнийские достопримечательности.

Я не успеваю ответить, потому что нас подхватывает людской поток, и я сразу же напрягаюсь. Очевидно, не только нам пришла сегодня подобная идея, но, пробравшись сквозь толпу, мы выныриваем целыми и невредимыми с другой стороны, хотя, как и всегда, когда я нахожусь в окружении незнакомых людей, я держусь начеку.

— Вау, это захватывающе, — заявляю я, при виде бескрайнего темно-синего океана, заставляющего меня на краткий миг забыть о моих тревогах.

Мэдден сзади обнимает меня за талию и нежно целует в шею.

— Это не сравнится с тобой. Давай, прежде чем идти гулять, пройдемся босиком по песку.

Я спускаюсь за ним к пляжу, выскользываю из вьетнамков и ступая на мягкий бежевый песок, и с удивлением чувствую, как прохладные песчинки проскальзывают между пальцев ног. Не в силах подавить в себе ребенка, я, оживленно прыгая и кружась, бегу к линии прибоя, радуясь возможности впервые окунуть ноги в Тихий океан, который оказывается холоднее, чем я ожидала. Ведя себя так же глупо, как я, Мэдден бежит за мной и поднимает меня над головой, как будто мы выступаем на прослушивании для «Танцев со звездами». Уверена, что если бы кому-то было до нас дело, мы бы выиграли приз, как самая нелепая пара, но меня меньше всего на свете заботит, кто и что подумает. В этот момент я чувствую себя более живой, чем за последние четыре года жизни. Безопасность и комфорт, которые я ощущаю в его присутствии, становятся огромной поворотной точкой в моей попытке начать новую жизнь.

Закончив дурачиться, мы поднимаемся обратно на дощатый помост, впитывая все происходящее на Венис-Бич. Поначалу я пытаюсь пристально разглядывать толпу, ища в ней знакомые или подозрительные лица, потому что это уже стало моей второй натурой. Но это абсолютно невозможно, потому что вокруг нас проходит целая куча народу, и тогда я сдаюсь и фокусируюсь на тех вещах, на которые показывает мне Мэдден.

Мы прогуливаемся мимо магазинов и ресторанов, в воздухе плотно висит смесь запаха жареной на масле еды и марихуаны. Я с любопытством гляжу на все вокруг. Никогда раньше я не видела в одном месте такой пестрой толпы. Кого здесь только нет, это и вполне обычные пары и семьи с детьми, скейтбордисты, молодые люди, играющие в баскетбол, бодибилдеры, уличные заклинатели огня со своими змеями. Людей с татуировками и пирсингом гораздо больше, чем без таковых, и я никогда бы не подумала, что у волос может быть столько цветов и оттенков. Граффити на стенах и скамейках — это не просто мрачные картинки, сделанные соседскими детишками, это настоящее искусство. Куда ни взглянешь, везде яркие цвета, вдохновляющие сюжеты, все пронизано творчеством, и я потрясена всем, что вижу вокруг себя.

Мы доходим до конца променада, а затем поворачиваемся и идем обратно, туда, где припаркована наша машина. Взглянув на часы на приборной панели, я с удивлением замечаю, что мы находимся здесь уже почти четыре часа; как бы то ни было, урчащий желудок не дает мне забыть, сколько уже времени прошло с тех пор, как мы съели завтрак Сары.

Положив руку на мое бедро, он внимательно смотрит на меня, и на его лице вспыхивает его фирменная харизматичная улыбка.

— Сейчас мы пойдем пообедаем, а потом отправимся на пирс. Мне бы не хотелось, чтобы ты пропустила все вечернее ярмарочное веселье.

— Ты думаешь, что захватывающие дух аттракционы и сверкающие огни заставят меня почувствовать себя юной и невинной и возбудят во мне аппетит к чему-то еще помимо еды? — дразню я, напоминая ему его же слова, сказанные предыдущим вечером.

— А, моя смешная девчонка вернулась. Мне нужно напоминать тебе, каким я могу быть смешным? — говорит он, сжимая мою ногу и угрожая еще одним сеансом щекотки.

— Нет! Тебе нужно вести машину и при этом не убить нас! — смеюсь я, вспоминая сегодняшнее утро.

Он оставляет руку там, где она лежала, но переключает внимание на дорогу, а я в это время подпеваю песне, звучащей по радио. Я не успеваю и глазом моргнуть, как перед глазами появляется знаменитый пирс Санта-Моники, и Мэдден паркуется через дорогу от него на городской парковке. Он объясняет, что ресторан находится недалеко, поэтому мы можем оставить здесь машину на целый вечер и легко пойти гулять в обоих направлениях.

Мы проходим несколько кварталов на север до бара «Пинчо», необычного маленького заведения, расположенного прямо на углу Оушен-авеню и бульвара Санта-Моника. Мэдден открывает передо мной стеклянную дверь в деревянной раме, и я оказываюсь в прелестном тапас-баре. Внутри бара вдоль стен от пола до потолка выстроились бутылки, но кухня, находящаяся прямо в зале, и теснящиеся друг к другу столики, придают ему простую, живую атмосферу. Нам удастся занять последний столик на веранде, и мы садимся и наслаждаемся вечерним океанским бризом, пока люди, сидящие вокруг нас, смотрят по сторонам и смакуют восхитительные баскские пинчос и традиционные тапас. Я позволяю Мэддену сделать заказ, полагая, что он бывал здесь раньше и знает, что выбрать, пока сама в это время еще раз изучаю окрестности. На веранде всего два столика, два из которых составлены вместе, за ними сидит большая группа женщин лет тридцати, которые перешептываются и пожирают Мэддена глазами, и только этим мне и угрожают. За другим столиком сидит, держась за руки, пара примерно моего возраста, молодые люди настолько увлечены разговором, что я не уверена, что они вообще замечают кого-нибудь вокруг. Перед нами по улице проходит много народа, но никто из них не обращает на нас внимания.

За нашим столом царит дружеское молчание, пока мы быстро подчищаем многочисленные тарелочки, расставленные на столе. Мы решаем отказаться от вина, потому что скоро нам предстоит кружить на поворотах, падать с невообразимых высот, переворачиваться вниз головой и другими всевозможными способами. После того как Мэдден оплачивает счет, мы, не торопясь, идем обратно по Оушен-авеню к легендарному пирсу Санта-Моники, выступающему далеко вглубь бескрайнего Тихого океана.

Как и на Венис-Бич, на пирсе полно людей всех возрастов, национальностей, классов и взглядов на жизнь, что делало чрезвычайно затруднительным ведение моего персонального реестра подозрительных личностей. Мне опять приходится все отпустить и молиться о том,

чтобы никто за мной здесь не следил, никто не узнал бы меня здесь. Я просто хочу смешаться с толпой. Много семей с детьми идут нам навстречу — с наступлением темноты их развлекательная программа заканчивается. Тут и там разбросаны маленькие ресторанчики, туристические магазинчики, стоят уличные торговцы, но наши животы уже наполнены едой и нам не нужны футболки «Route 66», поэтому мы направляемся напрямиком к аттракционам, расположенным ближе к концу пирса.

Мэдден покупает браслеты с неограниченным количеством поездок, и как только их надевают нам на запястье, он улыбается мне и спрашивает:

— Это твой день, откуда ты хочешь начать?

— С американских горок, — уверенно отвечаю я.

— Я впечатлен. Никаких «помочить ножки», сразу ныряем с головой?

— Я хорошо плаваю.

Схватив за бедра, он притягивает меня к себе и прижимается губами к моему лбу:

— Готов поспорить, что ты хороша не только в этом, — игриво грохочет он.

Я выворачиваюсь из его объятий и с глупой усмешкой отвечаю:

— Правильно, что споришь. А теперь пойдём.

Он мизинцем берет меня за мизинец, и мы идем, направляясь к горкам, качая нашими соединенными руками взад и вперед, как подростки на первом свидании. Сорок минут ожидания, трехминутная поездка, и я не могу стереть с лица постоянную улыбку. Без передышки, бросившись к следующему аттракциону, мы садимся на «Тихоокеанскую башню», где мчимся вниз с невообразимой скоростью с высоты девятиэтажного дома, а потом пытаемся приручить «Морского дракона» — раскачивающийся в стороны деревянный корабль, раскрашенный, как пугающий змей.

Адреналин пульсирует по венам, освобождая огромный поток эндорфинов, и все мое тело трясет от возбуждения. Пока мы ждем своей очереди, чтобы покататься на электрических машинках, я прислоняюсь к сильному телу Мэддена, и мгновенно от ощущения его тела рядом с моим, горячий вихрь закручивается где-то у меня в животе и устремляется прямо на юг, между моих ног. Я издаю горловой стон, едва слышный в шуме того, что происходит вокруг нас, но знаю, что он его услышал или почувствовал вибрацию у своего уха, потому что он прижимается бедрами к моей пояснице, а потом ниже, начиная как бы случайно тереть свой твердеющий член вверх и вниз между половинками моих ягодиц.

— Ты этого хотела? — чувственно шепчет он мне на ушко.

Мои трусики промокают от желания, и я вдруг готова уйти — забыть об электрических машинках, карусели, чертовом колесе и вообще обо всем, что мы еще не посетили. Я кладу голову ему на плечо и пристально смотрю на него умоляющим взглядом.

— Еще нет, моя маленькая развратная девчонка. Пусть этот огонь разгорится для меня.

Он кивает мне головой, показывая, что очередь двигается вперед, и я с неохотой отрываюсь от него и забираюсь в свою машинку. Следующие несколько минут я безжалостно врезаюсь в него, используя любой шанс сбросить охватывающее меня сексуальное напряжение, но вместо этого удары сталкивающихся машин заставляют меня думать о Мэддене, толкающемся в меня. К тому времени, как я вылезаю из своей оранжевой машинки, я просто задыхаюсь от вожделения, и не знаю, сколько это может еще продолжаться.

Я направляюсь туда, где он ждет меня за воротами, на его лице сияет улыбка, как у

ребенка рождественским утром.

— Вот это было весело!

— Это сработало. Огонь выходит из-под контроля, — бормочу я, игнорируя его радостный комментарий.

— Хм?

— Эффект ярмарки... работает. Мой огонь нужно погасить. И немедленно.

Его лазурные глаза удивленно смотрят на меня.

— Блейк, ты сможешь продержаться еще немного. Давай посмотрим закат с чертова колеса, а потом поедem домой.

— Пожалуйста, — умоляю я.

Я не знаю, что, черт возьми, со мной не так, но я веду себя хуже, чем сексуально озабоченный подросток. Я никогда так себя не чувствовала. Может быть, есть правда в том, что он сказал: возбуждение от опасных аттракционов, аппетитный запах жареной в масле еды, разноцветные блестящие огни. А может, это огромное чувство свободы, которое окутывает меня здесь, когда я рядом с ним. Наконец, я позволяю себе чувствовать, воспринимать, жаждать. Я не беспокоюсь о том, кем я была, что видела, ищет ли меня кто-то. Меня заботит только одна вещь — наслаждаться жизнью рядом с Мэдденем.

— Я не собираюсь трахать тебя здесь, — рычит он, а в его взгляде тлеет огонь, — особенно не на первой прогулке. Ты заслуживаешь нежности и ласки, когда я буду боготворить тебя, как самую сладкую на свете девочку. Мы еще много раз сможем попробовать запретный секс в общественном месте.

— Не принимай мою застенчивость за невинность или наивность, — советую я ему более резким тоном, чем собиралась.

Очевидно раздраженный, он проводит пальцами по волосам и делает глубокий вдох. Выдохнув через несколько секунд, он командует:

— На чертово колесо. Быстро.

Пламя, сверкающее в его глазах, убеждает меня не спорить, поэтому я поворачиваюсь на пятках и топаю к огромной круглой конструкции, уходящей высоко в небо. Пока мы ждем в очереди, никто из нас не произносит ни слова. Меня охватывает гнев за то, что он отказывает мне в моем желании, но близкое соседство наших тел разжигает у меня внутри пламя, охватывающее все тело.

Когда подходит наша очередь, мы забираемся в красную подвешенную кабинку, и Мэдден выбирает место не напротив, а рядом со мной. В ту минуту, когда мы выходим из зоны слышимости людей, остающихся на земле, он перебрасывает руку мне через бедро и кладет ладонь на мою пульсирующую промежность. Его горячее прикосновение обжигает меня сквозь джинсовую ткань шорт, и я громко и тяжело дышу. Мои большие от удивления глаза прикованы к его полному вожделения взгляду, когда он, не спеша, начинает ласкать мой холмик мучительно медленными движениями кончиков пальцев.

— Эта киска — моя. Никто другой не может прикоснуться к тому, что принадлежит мне, включая тебя, до тех пор, пока я прямо не скажу тебе сделать это, — заявляет он спокойно. Его пальцы слегка поглаживают мой живот, только для того чтобы расстегнуть пуговицу и проскользнуть за пояс шорт так, что только шелк трусиков остается единственным, что разделяет его нежные пальцы и мои скользкие складочки. Я инстинктивно раздвигаю для него свои бедра.

— Я позволю моей киске кончить только когда смогу наблюдать это, смаковать это,

клеймить это.

Колесо продолжает поднимать нас вверх, в небо, останавливаясь через каждые несколько метров, чтобы дать зайти новым пассажирам, пока, наконец, вскоре мы не замираем в качающейся кабине над изумительным побережьем.

— Забудь обо всех и обо всем, кто имел счастье касаться моей киски в прошлом. При мысли об этом я превращаюсь в ревнивого, властного, гиперопекающего сукиного сына, и это мне совсем не нравится.

Кончики его пальцев игриво блуждают вдоль шва моих трусиков, проскальзывая под промокшую ткань.

— Я никогда не хотел забрать твою свободу, твои мысли и суждения, указывать тебе, чего тебе хотеть. Я не хотел никоим образом внушать тебе страх и трепет. Я ожидаю доверия с обеих сторон, но, когда дело касается тебя, я, сам того не желая, веду себя, как эгоист.

Методично кончиком пальца он начинает медленно водить вокруг наружного края моей киски, а основанием ладони, идеально надавливая, выводит маленькие круги на клиторе. Я знаю, что мои глаза блестят от желания, но я не отвожу их от его взгляда.

— Посмотри, — мягко указывает он. — Посмотри на этот закат вместе со мной.

Я усилием воли отвожу взгляд, вместе мы наблюдаем, как горящее солнце погружается в океан, пока его бесконечность не проглатывает огненный диск окончательно, оставляя в сумеречном небе только приглушенные всполохи золотого, оранжевого и розового цветов.

— Необыкновенно, да? Наблюдать за тем, как перед твоими глазами исчезает пламенеющий огонь?

— Да, — выдыхаю я.

Мы начинаем наш спуск с вершины мира, где были выше самого солнца, обратно на землю. Рука Мэддена, ни на секунду не останавливаясь, продолжает свою чувственную пытку, приближая меня все ближе и ближе к черте, пока, наконец, он не погружает один, а затем и второй палец в мое скользкое лоно. Я не могу сдержать дрожь в ногах и гортанное мурлыканье, вырывающееся из горла, когда он плавно несколько раз входит и выходит из меня, а затем сгибает пальцы и трет мою сладкую точку. Я очень стараюсь не кончить от его руки, ожидая, что он даст мне команду, и тут он внезапно убирает руку от моего тела.

— Насколько горяч этот огонь теперь? — спрашивает он, поднимая бровь, когда мы достигаем земли. Служащий открывает замок, и мы оба выбираемся из кабинки с крышей-зонтиком.

— Что ты делаешь? — раздраженно скулю я, как только мы отходим от очереди.

Переплетя наши пальцы, он целует мои костяшки и начинает идти к выходу.

— Забираю тебя домой, чтобы продемонстрировать свои способности пожарного.

Глава двадцать вторая

Your Body Is a Wonderland ~ John Mayer

Блейк

Мэдден не в силах вести машину достаточно быстро. Его косящиеся на меня глаза и самодовольная ухмылка проверяют на прочность теорию о самопроизвольном воспламенении человеческого тела. Желая погрузить его в то же состояние неудовлетворенности, от которого страдаю сейчас сама, я протягиваю руку через центральную консоль и тру его выпуклость.

— Осторожно, Блейк, — предупреждает он.

— Не отвлекайся от дороги, Мэдден, — отвечаю я с коварной ухмылкой. — Не перечь мне.

Пока я вожу ладонью вверх и вниз по его растущей эрекции, Мэдден продолжает фокусироваться на дороге, а когда я расстегиваю на нем шорты, чтобы просунуть внутрь свою руку, он издает дикий рык. Поглаживая через боксеры его ствол, я, откровенно говоря, не могу поверить в собственную смелость, но мой благоразумный самоконтроль остался где-то на чертовом колесе, высоко над Тихим океаном.

Не успела я и глазом моргнуть, как мы сворачиваем на подъездную дорожку к его дому. Наверное, последние несколько миль он проехал быстрее, когда провокационное соблазнение потеряло свой юмор и стало чуть более серьезным, когда он оказался в позиции того, кого дразнят. Он заглушает двигатель и поворачивается, чтобы посмотреть на меня, между нами такое плотное сексуальное напряжение, что я могу почувствовать его кожей.

— Наверх. В мою комнату. Немедленно.

Ему не нужно повторять мне дважды. Выскочив из машины, мы оба бежим вверх по лестнице, по дороге сбрасывая с себя одежду. Независимо от того, это наш первый раз или нет, он нужен мне внутри меня больше, чем воздух.

К тому времени, когда мы оба оказываемся в его кровати, на нем надеты только боксеры, а на мне черные шелковые трусики. Я тихо стою перед ним, не смущаясь своей наготы и, пока он окидывает меня взглядом, жду дальнейших указаний, принимая то, что в нашей постели именно он контролирует ситуацию.

— Медленно повернись, позволь мне видеть всю тебя, — говорит Мэдден.

По его желанию, я неспешно поворачиваюсь вокруг своей оси, позволяя ему жадно впитывать мой образ. Он делает шаг ко мне, берет меня в свои объятия, опуская свои губы на мои. Его поцелуй из сладкого и нежного быстро становится настойчивым и страстным. Пока наши языки переплетаются друг с другом, наши руки, глядя, обнимая и лаская, исследуют друг друга, мы оба двигаемся неторопливо и напряженно. Его пальцы берут за пояс мои трусики и спускают их вниз до тех пор, пока они не падают у моих ног, открывая мою гладкую киску. Мэдден плавно проводит пальцами от пупка к моему холмику. С каждым его прикосновением во мне растет предвкушение, пока, наконец, он не перемещает палец немного ниже, чтобы погрузить его в пылающую влажность моего лона. Его рот возвращается к моему, поглощая вздох чувственного удовлетворения, который вырывается из меня, как только его палец оказывается во мне. Скользя пальцем вперед-назад между опухшим клитором и влажной киской, он добивается того, чтобы я была полностью покрыта

своим скользким желанием.

Благодаря многочасовой подготовке и мучительному состоянию, в котором он оставил меня на чертовом колесе, я готова взорваться в любой момент. Медленно разрывая поцелуй, он поднимает палец, мокрый от моего возбуждения и проводит его подушечкой по моим пухлым губам, пока они не начинают блестеть. Он лениво мне улыбается, его голубые глаза горят вожделением.

— Нет слов, чтобы выразить, как я хочу тебя, Блейк. Я обещаю быть нежным. Я не хочу никоим образом причинить тебе боль, — хрипло говорит он, взяв в ладони мое лицо.

Я киваю и улыбаюсь, чтобы ободрить его.

— Я знаю. Я доверяю тебе.

Он берет меня на свои сильные руки и кладет на постель, прислоняя спиной к изголовью кровати, и разводит перед собой мои ноги. Мэдден устраивается между моих бедер и наклоняется вперед так, что его рот оказывается прямо над одним из моих розовых сосков. Склоняя лицо, он втягивает губами вершинку, и со стоном произносит мое имя, одновременно легкими ударами вверх и вниз заставляя ее мгновенно затвердеть. Он так же заботится и о другой груди, от внимания его чутких пальцев, пощипывающих и постукивающих меня, я начинаю извиваться под ним от удовольствия. Я приподнимаю бедра, чтобы потереть свою пылающую точку о его твердый живот, отчаянно нуждаясь в давлении и трении. Его свободная рука путешествует вдоль всего моего живота, затем вокруг талии и вниз к ягодицам, я обвиваю ноги вокруг него так, что моя киска плотно прижата к его прессу. Мои пальцы зарываются в его длинные пряди и по очереди то тянут его за волосы, то прижимают ко мне его голову, пока он продолжает ласкать мою грудь.

Мэдден опускает свой рот ниже на мой живот, останавливаясь, чтобы поцеловать пупок. Он медленно обводит его языком, а затем движется вниз, целуя и облизывая мое тело, пока его рот не останавливается над моей сладкой сердцевинкой. Ехидно ухмыляясь, он поднимает вверх мои бедра и кладет их себе на плечи так, что его лицо оказывается в каких-то сантиметрах от моей изнаывающей киски. Отчаянно стараясь не кончить, мое тело звенит в лихорадочной готовности. Он крепко хватает меня обеими руками за бедра и нежно тянет по кровати вниз так, чтобы я лежала на спине. Затем, не теряя ни секунды, Мэдден зарывается лицом между моих ног и поглощает меня своим ртом. Его язык слегка прикасается к внутренней стороне моих бедер, прежде чем уткнуться и слегка ударить по превратившемуся в камешек клитору, и, в конце концов, скользнуть в мою пульсирующую плоть.

— О, черт, Мэдден, — стону я, вдавливая пятки в его лопатки.

Смесь пьянящего запаха моего возбуждения и сводящих с ума вещей, которые он делает своим ртом, заставляет меня выгнуться и неистово тереться об него, теряя над собой контроль. Он чувствует мой надвигающийся оргазм и милостиво его позволяет.

— Кончи для меня, сладкая девочка, — приказывает он, убирая свой рот от моего тела.

Мой желудок сжимается, и я издаю дикий рык; не в силах сдержать дрожь, я отдаюсь ошеломляющему экстазу, поглощающему мое тело, и позволяю моему оргазму свободно течь ему на язык. Он пьет мою влажность, как будто умирает от жажды и это единственное, что может спасти его жизнь. Пьет до тех пор, пока мое тело перестает сотрясаться, и я слабею в его руках, после он оставляет несколько нежных поцелуев на внутренней поверхности моего бедра и двигается вверх к моему лицу.

— Так сладко, с каждым разом все вкуснее и вкуснее, — бормочет он у моих губ,

прежде чем глубоко поцеловать меня.

— Мэдден, ты мне нужен, — хриплым голосом отвечаю я.

Подцепив большим пальцем эластичный пояс его трусов, я тяну их вниз, освобождая его твердый член у своего живота. Когда я беру его твердокаменный ствол в свою руку и начинаю гладить его по всей длине, он приподнимает свое тело. Пристально глядя вниз, между нашими телами, большим пальцем я медленно касаюсь капли предэякулята, выступившей на его кончике, а потом растираю ее по всей напряженной головке. Я направляю его член ниже между моих опухших половых губ и вожу им вверх и вниз вдоль моей киски, покрывая его моей влажностью.

Из него выходит чувственный стон, когда он берет мои руки, поднимает их вверх над моей головой и удерживает их там одной рукой. Я настолько растворилась в нем, что в тот момент, когда это произошло, даже не думаю о том, что меня удерживают и ограничивают мою свободу. С Мэдденом все ощущается правильным, я верю, что он не причинит мне вред и мое удовольствие, на самом деле, его главный приоритет. Я хочу, чтобы он контролировал мое тело.

Он тянется, свободной рукой берет презерватив и раскатывает его по своему члену. Затем, направляя кончик к моей промокшей от желания киске, он медленно и осторожно входит в меня, мое тело растягивается, чтобы принять его размер, пока он, наконец, не погружается в меня полностью. Наши обжигающие взгляды прикованы друг к другу. Наша близость не только физическая, я чувствую его присутствие в каждой клеточке своего тела. В этот уникальный момент он ставит на мне клеймо того, что я принадлежу ему, выжигая свой образ в моем теле и душе, оставляя на мне на всю жизнь свой знак.

— Блейк, — низким голосом выдыхает он, — что ты со мной делаешь?

Нежно целуя меня в губы, Мэдден начинает уверенно двигаться во мне вперед-назад. По мере того, как его толчки усиливаются, он шепчет мое имя, и глубоко во мне загорается начало еще одного оргазма. Покусывая мою кожу, он спускается по шее к плечу, а потом жестко кусает его, посылая сквозь меня волну экстаза, которая полностью берет контроль над моим телом, когда он раз за разом выходит и вонзается обратно в меня. Приближаясь к очередному оргазму, я закрываю глаза и отчаянно пытаюсь сдержать его до тех пор, пока он не даст мне своей команды.

— Открой глаза, сладкая девочка. Я хочу, чтобы ты все время была здесь, со мной, — шепчет он сквозь прерывистое дыхание.

Я поднимаю веки и пристально смотрю на него.

— Я не могу остановиться. Это так хорошо.

— Все нормально, позволь мне почувствовать, как ты рассыпаешься на мне. Давай.

Я никак не могу перестать дрожать и стонать, мое тело трясется в горячке, когда я поднимаю бедра и падаю в блаженное забвение. От того, что я снова и снова кричу его имя, его тело на мне напрягается, мои стенки сжимаются вокруг его члена, он с громким хрипом присоединяется ко мне, и нас двоих уносит на своих волнах захватывающий экстаз.

Осторожно, чтобы не раздавить меня своим весом, Мэдден опускается рядом со мной и переворачивает меня так, что остается погруженным в мою глубину, и мы оказываемся лицом к лицу. Когда наше дыхание и сердцебиение приходят в норму, он убирает с лица мои мокрые от пота волосы и заводит их мне за ухо, затем соединяет наши губы в нежном любящем поцелуе.

— Моя, — мягко шепчет он мне в губы.

— Твоя, — шепчу я в ответ.

И хотя эта мысль пугает меня, еще больше она меня возбуждает. С Мэдденом я готова попытаться снова жить и любить.

Где-то вдали звонит телефон, заставляя меня балансировать на грани сознания. Мелодия звонка не моя, и Мэдден не двигается, поэтому я тоже не беспокоюсь, снова закрывая глаза. После короткой паузы телефон опять начинает звонить, и тогда Мэдден, ворча проклятия, отодвигается от меня и сползает с кровати.

— Надеюсь, ты звонишь не просто так, Истон, — рывкает он в трубку.

— Что? Ты издеваешься? Где ты?

Я озадаченно перекатываюсь на спину, изучая его тело, пока он грубо рычит по телефону.

— Сколько?

— Пришли мне адрес. Я буду там, как только смогу.

Мэдден с шумом кладет телефон на комод и вздыхает.

— Что происходит? — спрашиваю я.

— Мой гребаный брат, эта долбаная задница, опять попал в неприятности, и, как всегда, именно я должен его из них вытаскивать.

Открыв комод, он вытаскивает пару чистых трусов, а потом идет в гардеробную за джинсами и футболкой.

— Где он? — интересуюсь я ему вслед.

— Он играл в покер у кого-то дома в компании избранных и, очевидно, проиграл не тому человеку деньги, которых у него не было. Не успел Истон это осознать, как какие-то ребята из русской банды приставили пушку к его голове с предложением найти деньги.

Мэдден появляется из гардеробной полностью одетым.

— Одевайся, красавица. Нам надо ехать выручать его.

— Хмм... Не думаю, что мне нужно появляться там, где полно оружия и нарастает напряженность. Плюс я уверена, что Истон не захочет, чтобы я обо всем этом знала, — я пытаюсь придумать себе достойное извинение.

Мой голос дико дрожит, но я молюсь про себя, чтобы он купился на это объяснение.

Мэдден проводит пальцами по своим взъерошенным после секса волосам и кивает.

— Прости. Ты права. Я что-то не очень соображаю.

Подойдя к кровати, прежде чем оставить поцелуй у меня на лбу, он несколько раз прижимается своими губами к моим.

— Оставайся здесь и отдыхай. Я скоро вернусь. Прости. Обещаю, я все тебе возмещу.

В ту же минуту, как я слышу, что его машина выезжает с подъездной дорожки, я выпрыгиваю из постели, одеваюсь и начинаю бросать все свои вещи в сумку. Что это только что было? Это судьба так шутит со мной? Я, наконец, доверилась мужчине настолько, чтобы отдать ему себя, и меньше чем через час банда, хоть и русская, а не итальянская, забирает его у меня, а его брат впутался в какие-то проблемы с этими головорезами. Я убеждена, что это знак.

Я должна убраться отсюда.

Глава двадцать третья

Talk You Down ~ The Script

Мэдден

ДОЛБАНЫЙ ТУПОЙ ИСТОН. Я не могу поверить в это дерьмо. Как он может разом быть таким беспечным эгоистом? Если тот, кого он вывел из себя, слегка его не отделал, я сам сделаю это, как только доберусь до него. Истон никогда не отвечал за свои поступки; у него всегда был кто-то, кто вытаскивал его из дерьма, и обычно этим кем-то был я. Я сыт этим по горло.

Остановившись у офиса, чтобы забрать из сейфа наличные, я по навигатору направляюсь в шикарный район в окрестностях Голливудских холмов и легко нахожу небольшой стильный особняк, где сейчас и находится мой брат. Я не каждый день ношу с собой спортивную сумку, в которой пятьдесят тысяч долларов, поэтому спешу к входной двери, надеясь, что за это время он не успел впутаться в еще большие неприятности. Молодой парень открывает мне дверь и ждет, когда я объясню, кто я и зачем пришел.

— Ммм, я здесь, чтобы забрать Истона. Я принес деньги, чтобы заплатить его долг, — говорю я дрожащим голосом.

До этого самого момента я даже не догадывался, насколько напуган.

Парень взмахом руки приглашает меня войти, но какое-то внутреннее чутье подсказывает мне, что не стоит этого делать.

— Нет, мне и здесь неплохо. Приведи сюда моего брата, и тогда я отдам сумку с деньгами.

— Окей, я сейчас, — отвечает он с грубым восточно-европейским акцентом.

Несколько мучительных минут я, едва дыша, жду Истона, и вот, наконец, я вижу, как он лениво фланирует к двери.

— Мэдден, мой дорогой брат! Большое спасибо, что пришел! — восклицает он. — Ты не хочешь зайти и выпить с моими новыми друзьями?

Два вооруженных человека держатся в стороне, пока парень, который открыл мне дверь, подходит к брату.

— Деньги, мистер Декер, — требует он.

Я снимаю ремень сумки с плеча и передаю ее ему, хватаю Истона за локоть и тащу его через порог.

— Мы уезжаем, немедленно, — говорю я, бурля от гнева.

Я поворачиваюсь и уверенно иду к машине, не заботясь о том, следует он за мной или нет. Когда мы оба оказываемся в салоне и целыми и невредимыми отъезжаем от особняка, я начинаю читать мораль.

— О чем, черт побери, ты думаешь, Истон? У тебя в жизни нет никаких забот? Мне до смерти надоело спасать твою гребаную задницу из дерьма, в которое ты ее сажаешь. Ты хоть представляешь, что подумает мама, если узнает, чем ты занимаешься? Ты хочешь свести ее в могилу? Ты заботаешься о ком-нибудь кроме себя?

Он ухмыляется и хлопает меня по руке, будучи явно пьяным, под кайфом или и то, и другое сразу, и это еще больше выводит меня из себя.

— Мэдден, пожалуйста, ничего не говори маме. Я не хочу разочаровывать ее.

Я закатываю глаза и веду машину по направлению к дому Эмерсон. Я не могу оставить его одного в таком состоянии, а мне нужно обратно к Блейк. Схватив телефон, я звоню ей, чтобы сказать, что я привезу Истона. К счастью, она на месте и согласна позаботиться о нем.

— Эта Эмерсон... она милая, — бормочет брат. — Классная задница, да и все остальное. Но она не Лейтон. Боже, я обожал ее киску. Каждый раз, когда я оказывался в ней, меня как будто обхватывали девственные бедра.

Я не могу больше это слушать и посреди почти пустой дороги резко жму по тормозам. Мне плевать на то, что его голова только что врезалась в приборную панель и сейчас истекает кровью.

— ЗАТКНИСЬ НА ХЕР! ОНА БЫЛА МОЕЙ НЕВЕСТОЙ, И ТЫ, КАК ВСЕГДА ИСПОРТИЛ ВСЕ, ЧТО У НАС С НЕЙ БЫЛО! МНЕ НАДОЕЛО ВСЕ ДЕЛИТЬ С ТОБОЙ НА ХЕР, УСТАЛ НОСИТЬСЯ С ТОБОЙ, ТЫ, ЭГОИСТИЧНЫЙ УБЛЮДОК!

Я кричу изо всех сил и бью руками руль.

Истон несколько минут не отвечает, поэтому я внимательно смотрю на него и вижу, что он потерял сознание и сидит, прислонившись к стеклу, кровь течет вниз по лицу на рубашку из глубокой раны у него на лбу.

— ЧЕЕЕЕРРРТТТТ!

Я завожу машину и мчусь к таунхаусу Эмерсон. Припарковавшись напротив него, я бросаюсь к пассажирской двери, поднимаю его с сидения и отношу к ее двери. Так как у меня заняты руки, я несколько раз бью в дверь ногой, и она выплывает, одетая в какое-то кружевное белье.

— Извини, Эм. Не думаю, что он в состоянии развлечь тебя сегодня ночью, — объявляю я, положив его на диван.

— Что, черт возьми, с ним произошло? Ему не нужно в больницу, чтобы наложить швы? — спрашивает она, вставая рядом с ним на колени.

— Не думаю. Принеси воду и тряпку. Давай смоем кровь и посмотрим, насколько глубока рана.

Десять минут спустя мы его помыли и оба согласились, что швы здесь не нужны. Заклеив ссадину пластырем, она соглашается регулярно проверять его состояние и сообщить мне, как он будет себя чувствовать утром.

Я подхожу к парадной двери, Эмерсон следует за мной, стараясь изо всех сил дотронуться до меня при каждом удобном случае.

— Уверен, что не хочешь остаться? мы могли бы вместе присмотреть за ним, — соблазнительно интересуется она. — Ты можешь остаться со мной в моей кровати.

— Нет, спасибо, меня кое-кто ждет, но, пожалуйста, постарайся привести его в чувства, чтобы он смог поехать к родителям на бранч. Он уже пропустил последние несколько раз, и мама предпочтет увидеть его с шишкой на лбу, чем совсем не увидеть.

Она смотрит на меня, явно не обрадованная тем, что я так очевидно ее отверг. Я не хочу, чтобы она меня ненавидела, я просто больше не заинтересован в ней. Пытаясь немного сгладить напряжение, я добавляю:

— Ты тоже должна прийти. Мама с папой обрадуются.

— Хорошо, я буду.

Ее лицо загорается надеждой. У меня нет сил, чтобы сказать что-то еще, поэтому я разворачиваюсь и спешу по дорожке обратно к своей машине, заботясь только о том, чтобы вернуться домой к Блейк.

Поворачивая на свою улицу, я замечаю, что ее автомобиль исчез, мой желудок сжимается в тугий узел. Я выруливаю к дому, как гонщик, зашедший на пит-стоп, переключаю коробку передач в режим «парковки» и бегу внутрь, надеясь, что Блейк оставила записку, указывающую, где она находится. Обыскав едва ли не каждую чертову комнату в доме, я понимаю, что нигде нет никаких намеков на то, куда она пошла и почему. Однако все ее вещи исчезли, и я полагаю, что она не просто выскочила в магазин.

Я достаю из кармана телефон и звоню ей, но, конечно, она не отвечает. Я посылаю ей сообщение и молюсь о том, чтобы она ответила.

«Где ты? Я волнуюсь. Пожалуйста, позвони мне».

Я опять набираю ее номер, надеясь, что, возможно, она была в ванной или где-то еще, но ответа так и нет. Сейчас чуть позже полуночи, а она едет непонятно где, или, вот дерьмо, может быть, она уже дома. Что случилось? Почему она ушла? Моя голова вот-вот взорвется от проносащихся в ней тысяч возможных вариантов. Возможно, она испугалась секса? О, какой это был головокружительный секс. Теперь, когда я знаю, каково это — быть глубоко в ее сладкой маленькой киске, она уничтожила меня до конца жизни. Или она разозлилась на то, что я поехал вытаскивать Истона из передраги? Конечно, она понимает, что я должен был спасти своего брата. Может, это было для нее уже слишком... Я не знаю, но от этого теперь еще больше злюсь на него, потому что он испортил почти идеально прекрасный день с моей Блейк, и вот она ушла.

За следующий час я звоню и пишу гораздо больше сообщений, чем готов признать, прежде чем мне приходит в голову блестящая идея найти ее домашний адрес через интернет. Мне нужно знать, что с ней все хорошо. Сидя за ноутбуком, я набираю в поисковике ее имя и город проживания. В конце концов, сколько Блейк Мартин может жить в Вудленд-Хиллз. Несколько минут я с нулевым результатом просматриваю разные сайты, предназначенные для поиска людей. Я со стуком захопываю крышку компьютера. Я зол, мучительно встревожен и не знаю, что делать дальше.

Будучи не в силах находиться в бездействии, я сажусь обратно в машину и еду туда, где она живет, по пути внимательно оглядывая дорогу, чтобы убедиться, что там не стоит сломанным ее автомобиль. Три часа спустя я, упав духом, с пустыми руками возвращаюсь домой. Я устало бреду вверх по лестнице в свою комнату, где раздеваюсь и ложусь в кровать, пустым взглядом глядя в потолок. Положив рядом с собой телефон, в конце концов, я погружаюсь в беспокойный сон.

В воскресенье я приезжаю к родителям на бранч позднее, чем обычно, и с удивлением вижу, что машина Истона уже там. Ночью я почти не сомкнул глаз, а известий от Блейк все еще нет. Заставляя себя подойти к знакомому входу, я чувствую запах маминых булочек с корицей, который не радует меня. Я инстинктивно останавливаюсь и кривлюсь, услышав

фальшивый смех Эмерсон, эхом раздающийся по всему дому. Как же я забыл о том, что пригласил и ее тоже.

Я медленно направляюсь в столовую, где они вчетвером сидят за дубовым столом и ведут какой-то банальный разговор. Увидев меня, мама вскакивает со стула, чтобы обнять.

— Мэдден, дорогой, мы так рады, что ты пришел. О, боже, — комментирует она, подходя ближе, — похоже, у обоих моих мальчиков была бурная ночь. Сначала появляется Истон с непонятно откуда взявшейся шишкой на лбу, а теперь ты — небритый и с черными кругами под глазами. Сегодня вам обоим нужна материнская забота.

Я крепко обнимаю ее, глядя на Истона через ее плечо взглядом, который не укрылся от нашего отца. Отец тоже взглядом предупреждает меня от ссоры с братом.

— Наверное, это из-за погоды, — говорю я ей. — Я мало спал прошлой ночью.

— Проходи и садись, я хорошенько накормлю тебя, а потом можешь подняться наверх, в свою старую комнату и вздремнуть, — отвечает она, пока мы идем обратно к столу.

Я проскальзываю на стул, стоящий за столом напротив брата и Эмерсон, все еще злясь на него, и, пытаясь избежать ее домогательств под столом.

— Я ценю твое предложение, мама, но мне уже почти тридцать пять, а не пятнадцать. Если я захочу вздремнуть, я поеду в свой собственный дом.

— О, конечно, кстати, спасибо, что напомнил, у тебя же скоро день рождения, — говорит она с широкой улыбкой, полностью игнорируя ту часть фразы, в которой я говорил, что уже не ребенок. — Мы с твоим отцом подумали, что было бы здорово устроить через пару недель маленький праздник у нас на заднем дворе. Небольшой банкет, ты можешь заказать из еды все, что тебе понравится, живая музыка, бассейн — все будет просто великолепно.

Тут, наконец, вступает в разговор папа:

— Мама уже разослала приглашения, поэтому я надеюсь, что ты будешь свободен в этот же день через две недели.

Я, как обычно, улыбаюсь и киваю головой, не желая расстраивать родителей, хотя чертов день рождения и праздник — это последнее, что волнует меня в данный момент. Если я сегодня не найду Блейк, я могу сойти с ума.

— Да, звучит здорово, — отвечаю я с натянутой улыбкой.

Разговор за столом заходит о «Декер Энтерпрайзис», потому что папа заинтересовался новыми проектами и контрактом с «Дайболд». Несмотря на то, что он больше не приходит в офис, ему нравится быть в курсе того, как идут дела, и какие у нас планы. Истон рассказывает о сделках так, как будто что-то в этом понимает, а Эмерсон помогает ему каждый раз, когда он спотыкается на каком-либо факте. Я даже не стараюсь его поправить, я слишком занят тем, что гоняю еду по тарелке и каждые тридцать секунд проверяю телефон, чтобы не пропустить звонок или сообщение от Блейк. Мама просит меня сделать перерыв в работе и поесть, а я раздумываю над тем, чтобы сказать ей о том, что я кое с кем встречаюсь, но в такой компании, как сегодня, решаю этого не делать. Пусть думают, что я работаю.

Как только у меня появляется возможность вежливо сбежать из родительского дома, я так и делаю. Я с ума схожу от беспокойства, потому что не знаю, где она. Я говорил себе не привязываться к ней эмоционально, но с ней это оказалось невозможным, и, положив руку на сердце, я знал это с того самого момента, когда первый раз держал ее в своих объятиях. Я не в силах пробиться сквозь тьму, которой она себя окружила, показать ей свет свободы и счастья, свет, который я могу ей подарить. Простой ночью она сказала, что принадлежит

мне, но на самом деле, это я принадлежу ей.

Глава двадцать четвертая

Stay With Me ~ Sam Smith

Блейк

За всю дорогу от дома Мэддена я не проронила ни слезинки. Я захожу в свою квартиру, выключаю телефон, бросаю его на тумбочку и, даже не раздеваясь, иду прямо в кровать. Мои мысли и чувства пришли в полный хаос, я настолько подавлена, что не знаю, как реагировать. День, проведенный с Мэдденом на пляже и пирсе, был одним из лучших в моей жизни, и, бесспорно, лучшим со времен раннего детства. Забыв обо всем дерьме, которое со мной произошло, и о прошлом, от которого я прячусь, я действительно провела с ним лучшее в своей жизни время и надеялась, что такие моменты будут повторяться у нас снова и снова. Позже, когда мы были вместе в его постели, я подумала: «Вот оно. Именно это я искала. Я хочу отдать ему себя. Я ему доверяю». Но тут в одну секунду все это перестало иметь значение, все поменялось.

Один телефонный звонок.

Два слова.

Русская банда.

Как и почти каждый вечер, мы с Исом в тишине сидели за столом и ужинали. Я знала, что как только он закончит еду, то опять уйдет, и лишь молилась о том, чтобы он не привел кого-нибудь домой. Громкий стук в дверь и последовавший за ним голос его отца, выкрикивавший его имя, удивил нас обоих.

— Иди и спрячься в шкафу. Быстро, — приказал он, вскочив с места и пряча наши тарелки с едой.

Я сидела на своем месте и пялилась на него, не понимая, что происходит.

— Я сказал: «ИДИ!». И, если ты не хочешь сегодня сдохнуть, не издавай ни одного гребаного звука, — свирепо прорычал он, — и не выходи, пока я за тобой не приду.

Я подпрыгнула и пулей понеслась во встроенный шкаф, заползла в дальний угол, спряталась за одеждой и стала ждать, когда он заберет меня оттуда. Мне и в голову не могло прийти, что разговор, который произойдет между Исом и его отцом, откроет мне глаза на многое, о чем я даже не подозревала.

— Как тут мой любимый ублюдок? — разносился по квартире рокочущий голос Винсента.

— Хорошо, отец. Чем я заслужил счастье видеть тебя в моем доме? — ответил Ис.

Пожилый итальянец искренне рассмеялся:

— Да, я стараюсь держаться подальше отсюда и от твоей маленькой белой сучки. Кстати, а где она?

— Пошла в магазин за продуктами. Ты должен дать ей шанс, она хорошая жена: исполняет приказы и не задает вопросов.

— Здесь полно итальянок, которые были бы хорошими женами, Исмаэл. Не начинай это на хер снова. Ты пошел против меня и, несмотря на мою волю, все-таки женился на ней. Только потому, что из-за своей бразильской шлюхи-матери ты все равно всю жизнь будешь мальчиком на побегушках, наши боссы и одобрили твою женитьбу не на итальянке.

— Отец, я любил...

Что-то ударилось и разбилось об стену, за которой я притаилась, что безмерно напугало меня и заставило вздрогнуть. К счастью, я не издала ни звука и не выдала себя.

— Закрой свой долбанный рот. На хер любовь, я пришел сюда не болтать о твоей жене. У нас серьезная проблема, и мне нужно, чтобы ты о ней позаботился. Русские пытаются подмять под себя нашу территорию на юге города. Они начали поставлять много оружия и боеприпасов, не говоря уже о порошке, мелким бандам, которые доставляют нам неприятности.

— Чем я могу помочь? — спросил Ис, готовый на что угодно, чтобы порадовать своего дерьмового отца.

— Наши уши на улицах донесли, что завтра Алексей Кабинов, внук хорошо известного в узких кругах босса с Западного побережья, Анатолия Кабинова, будет сопровождать поставку на склад. Вот адрес. Можешь взять с собой еще двоих, но тебе лучше не облажаться. Я даю тебе шанс показать себя перед нашими капо .

— Большое спасибо, отец. Это большая честь для меня. Я тебя не подведу.

— Хорошо, а теперь мне пора домой ужинать.

— Я тоже уйду. Позволь мне тебя проводить.

В ту ночь он больше не вернулся. Он пришел только на следующее утро, чтобы переодеться на работу и нашел меня все в том же шкафу. Ис повел себя так, будто ничего необычного не произошло, и просто приказал мне приготовить ему завтрак, потому что сегодня его ждут великие дела.

Убийство Алексея было той самой искрой, которая, наконец, разожгла пламя тотальной войны между русскими и итальянцами за контроль над нелегальной торговлей оружием в Чикаго. Ненависть, которая проросла глубоко сквозь несколько поколений, никогда не проявляла себя с такой жестокостью, пока Ису не отдали приказ. Обычно я молилась по ночам, чтобы кто-нибудь из семьи Кабиновых нашел и убил его. К сожалению, они так никогда и не добрались до моего мужа, поэтому я помогла им два года спустя.

Я просыпаюсь в воскресенье с ощущением, как будто меня переехал самосвал. Мое тело представляет собой одну сплошную рану и болит тупой болью, левые лодыжка и нога полностью онемели, но ничего не может сравниться с мучительной пульсирующей болью в голове. Веки налились свинцом, и невероятным усилием я открываю их до маленьких щелочек. Слепящие потоки света попадают мне на сетчатку, усиливая мучения, и я немедленно снова закрываю их. Перекатившись на бок, я протягиваю руку к подушке, чтобы прикрыть ею лицо, пытаюсь скрыться от льющегося из окна света. И тут понимаю, что лежу на твердом полу. Что, черт возьми, произошло?

Вытянутой рукой я ощупываю место вокруг себя, пытаюсь определить, где точно нахожусь. Кровать на расстоянии вытянутой руки справа от меня, поэтому я с плотно закрытыми глазами, используя минимально необходимые для этого усилия, хватаюсь за простыни и подтягиваюсь вверх в положение сидя. Как только я выпрямляюсь, меня охватывает головокружение и тошнота, и я понимаю, что у меня есть два варианта: опорожнить желудок на пол в спальне или дотащить себя до ванной, без промедления. Я переносу вес на колени, а потом распрямляюсь на короткое мгновение, прежде чем свалиться обратно на пол, покрывая рвотой все вокруг себя. У меня неприятности.

Как только рвота прекращается, я, не открывая глаз, ползу к прикроватной тумбочке и

ощупываю ее, пока, наконец, не нахожу свой телефон. К счастью, я могу включить его не глядя, и, когда я слышу звук, указывающий на то, что он заработал, я, шурясь, потому что все расплывается перед глазами, звоню единственному человеку, которому доверяю заботу о себе.

— Блейк, о, слава Богу, ты в порядке, — говорит он в трубку после первого же звонка. — Куда ты ушла? Я ужасно беспокоился.

— Мне нехорошо. Ты срочно нужен мне, — говорю я скрежещущим голосом, с трудом дыша через боль.

Я понимаю, что со мной действительно что-то не так, и, несмотря на то, что случилось с его братом, я доверяю Мэддену. Пообещав рассказать ему больше, как только он приедет, я даю ему свой адрес и код доступа в мой жилой комплекс. Он настаивает, чтобы я оставалась на телефоне, пока он добирается до меня, но я объясняю, что мне очень больно говорить и слышать звуки, поэтому мы сидим и слушаем дыхание друг друга до тех пор, пока, наконец, я не слышу стук в дверь. Каким-то образом мне удается доползти до нее и открыть, свалившись на пол, как только поворачиваю дверную ручку.

— О, черт, — выдыхает он, зайдя внутрь и склонившись рядом со мной на колени. — Что случилось? Что с тобой, сладкая девочка?

— Я-я не уверена. Мне приснился кошмар, я проснулась на полу, и мне было очень больно. Полагаю, что я упала с кровати и ударилась головой об тумбочку или об пол, — шепчу я. — Я пыталась подняться, но упала, и голова болит так, что вот-вот готова взорваться. У меня все расплывается перед глазами, и сильно тошнит.

— Нам нужно отвезти тебя в больницу. Позволь мне помочь тебе немного привести себя в порядок, — мягко говорит он. — Я возьму теплую влажную тряпку и смену одежды для тебя. Ничего, если я тут это все поищу?

Я согласно киваю головой, а затем слышу, как он выходит из моей комнаты и начинает открывать ящики и перебирать вещи на полках. Надеюсь, что он все быстро найдет, я пытаюсь вспомнить, нужно ли мне что-то дополнительно сказать или сделать в больнице, исходя из моей новой личности, но мои мысли туманны, и я не могу сосредоточиться на чем-либо, кроме бьющей внутри черепа боли.

— Я здесь, Блейк, нашел все, что нужно. Сейчас я отнесу тебя в ванную, сниму эту одежду, я помою тебя и одену.

— Но беспорядок... — начинаю спорить я.

— Мы можем убрать все позже. Меня больше беспокоишь ты.

Его голос дрожит от тревоги, и я начинаю бояться того, как ужасно я, должно быть, выгляжу.

Осторожно взяв меня на руки и прижав к своей груди, Мэдден делает несколько мучительных шагов в ванную, каждый из которых доводит меня до безумия, несмотря на его попытки быть осторожным. Он кладет меня на пол, аккуратно снимает с меня через голову футболку и стягивает вниз по ногам шорты, пока я не остаюсь только в бюстгальтере, том самом, который без всяких сомнений сняла с себя прошлой ночью, и в трусиках. Я прижимаюсь щекой к холодной плитке, а Мэдден в это время моет куском ткани мое лицо и шею, мне это просто необходимо. Каким-то образом, пока я лежу на полу, ему удается одеть меня, а потом он снова берет меня на руки, чтобы забрать отсюда.

— Сумочку, — хнычу я. — Мне нужны права и карточка медстрахования.

— Я уже их взял, а также телефон и ключи, — мягко отвечает он, целуя меня в лоб. —

Тебе положить что-нибудь на лицо, чтобы спрятать его от солнца?

— Да, пожалуйста.

Намочив в раковине еще одну тряпочку, Мэдден кладет ее на мои глаза, затем мы покидаем квартиру. Если мне показалось, что те несколько шагов в ванной были невыносимы, то спуск вниз по лестнице наверняка убьет меня. Я знаю, что он изо всех сил старается нести меня быстро и бережно, но я боюсь, что меня вырвет прежде, чем мы доберемся до машины. К счастью, мы уже спустились, ему удается, держа меня на руках, открыть дверь и усадить меня внутрь. Прижимая ткань к глазам, я откидываю голову назад, на спинку сидения и молюсь, чтобы со мной не было ничего серьезного.

Дорога в больницу занимает совсем мало времени, и Мэдден всю поездку держит руку на моем бедре, напоминая мне, что он здесь, рядом. Как только мы оказываемся в приемном покое, он берет ситуацию под свой полный контроль, регистрирует меня и держит на коленях до тех пор, пока нас не зовут в смотровую. Мы ждем в тишине и темноте. Заходит медсестра, щелкает выключателем, включая свет и тем самым провоцируя раскалывающуюся боль, прожигающую мою голову насквозь.

— Мисс Мартин, меня зовут Мел, я дежурная медсестра, — вежливо представляется она. — Доктор Джеффрис скоро будет. Мне нужно задать вам несколько вопросов, если это возможно? Вы бы хотели, чтобы ваш... — она замолкает, не зная, как назвать Мэддена.

— Парень, — подсказывает он ей.

— Вы бы хотели, чтобы ваш парень остался здесь или вышел?

Из-за своего тяжелого, мучительного состояния я плохо соображаю, и поэтому отвечаю:

— Он может остаться.

Затем она начинает задавать мне множество вопросов об аллергии, предыдущих операциях, и так далее... а потом она спрашивает об этом.

— Вы когда-нибудь были беременны?

Я не сразу отвечаю. Глотая комок в горле, я не знаю, что сказать. Я не хочу врать медработнику, но также не хочу, чтобы Мэдден об этом знал.

— Вы когда-нибудь были беременны, мисс Мартин? — спрашивает она снова уже немного резче.

— Да, — шепчу я.

— Сколько раз?

— Один.

— Сколько у вас живых детей?

— Ноль.

— Есть ли вероятность того, что вы сейчас беременны?

— Нет.

Она задает еще несколько вопросов, измеряет мои жизненно важные показатели и записывает, что я помню из событий прошлой ночи и сегодняшнего утра, а потом объявляет, что вернется через несколько минут. Вместе с медсестрой из комнаты выходит весь воздух. Вдобавок к физическим страданиям, меня душит боль оттого, что Мэддену стал известен этот кусочек моей истории. Я жду, что он в любую минуту встанет и уйдет.

— Блейк, я не расстроен и не собираюсь никуда уходить, — мягко говорит он, как будто, как он это часто делает, слышит мои мысли. — Нам обоим предстоит еще многое узнать друг о друге, но нет ничего, чтобы могло напугать меня и заставить уйти от тебя.

Я почти смеюсь над его словами, если бы он только знал... Уверена, что могла бы

напугать его до такой степени. Тем не менее, я ценю его чувства, но все еще не знаю, что сказать. К счастью, дверь открывается и заходит Мел в этот раз в сопровождении мужчины в синей медицинской форме, который, я полагаю, и является доктором Джеффрисом.

После почти невыносимого осмотра, врач объясняет, что он отправит меня на рентген, чтобы подтвердить растяжение в лодыжке и исключить перелом, но, что более важно, он хочет, чтобы мне сделали КТ, чтобы проверить, есть ли отек мозга или мозговое кровоизлияние. При этом заявлении Мэдден глубоко втягивает воздух.

— Доктор Джеффрис, с ней ведь все будет хорошо? — смущенно спрашивает он.

— В настоящее время я не хочу делать никаких прогнозов. Все симптомы указывают на сотрясение, но прежде чем что-либо обсуждать, я бы хотел иметь на руках результаты обследования. В связи с тем, что ситуация серьезная, ей все сделают в первоочередном порядке, и нам не придется долго ждать результатов анализов и исследований.

Три часа спустя все обследования были проведены, и мы с Мэдденом вернулись обратно в комнату, ждать результатов. Обезболивающие, которые мне дали, наконец, подействовали и в основном облегчили боль, но от них я почувствовала себя очень уставшей. Мэддена проинструктировали, что он не должен позволять мне заснуть, поэтому каждый раз, когда я погружаюсь в сон, он целует мое лицо до тех пор, пока я не проснусь. Можно только представить, как мерзко пахнет у меня изо рта, не говоря уже о том, как я, должно быть, выгляжу. Последний раз я принимала душ перед тем, как мы пошли на пляж и пирс, и я чувствую себя отвратительно. Видимо, дома на полу я потеряла сознание, потому что Мэдден рассказал, что я позвонила ему только в час дня. Он признался, что, после того как я покинула его дом, кружил по Вудленд-Хиллз и искал мою машину. Я попыталась извиниться за свой побег, но он сказал, что сейчас не время об этом говорить. Наконец, дверь открывается, и в комнату широким шагом заходит доктор Джеффрис, он выглядит подавленным.

— Извините за то, что заставил вас ждать, — начинает он, — но поступило несколько пострадавших в автомобильной аварии. В любом случае у меня хорошие новости относительно вашей ноги — перелома нет, есть растяжение второй степени, что означает небольшой разрыв связок. Это легко лечится покоем, холодом, тугой повязкой, а также необходимо держать ногу поднятой вверх. Полагаю, что через четыре-пять дней, самое большее через неделю вы сможете нормально ходить. Совсем другое дело — ваша голова. Из хорошего могу сказать, что видимого кровоизлияния в данный момент нет, но отек достаточно серьезный и может скрывать кровоизлияние. Мы госпитализируем вас на несколько дней, пока он значительно не уменьшится, и мы не убедимся, что нет других проблем. Я направлю вас к здешнему неврологу, если только у вас на примете нет какого-то другого.

— Меня устроит любой, — тихо отвечаю я, все еще не веря, что это происходит со мной.

Тут вступает в разговор Мэдден.

— На самом деле, доктор Джеффрис, если вы не возражаете, я бы хотел позвонить кое-кому, посоветоваться насчет невролога.

— В этом нет необходимости, — возражаю я.

— Блейк, пожалуйста, не спорь со мной по этому поводу.

Боль в его глазах и стальные нотки в голосе заставляют меня замолкнуть.

Кивая, я соглашаюсь:

— Ладно.

Врач наклоняет голову и говорит:

— Как только вы решите насчет невролога, пожалуйста, скажите об этом Мел. А мы тем временем начнем процесс госпитализации и перевезем вас в отдельную палату.

После того как он выходит за дверь, Мэдден извиняется и отправляется сделать несколько звонков, умоляя меня до его возвращения оставаться в сознании. Прежде чем исчезнуть за дверью, он нежно целует меня в уголок губ.

Я изо всех сил стараюсь не потерять сознание.

Правда, очень стараюсь.

Но не могу не закрыть глаза.

Глава двадцать пятая

Someone to Save You ~ OneRepublic

Мэдден

Первый звонок я делаю маме, она узнает имя невролога с самой лучшей репутацией в городе, хотя и приходится ответить на кучу вопросов, зачем мне это понадобилось. Блейк должна получить наилучшее лечение и уход, и это моя первостепенная задача, к тому же я совсем не против того, чтобы рассказать о ней родителям, в действительности я хочу, чтобы они знали о ней.

— Привет, Мэдден, — радостно отвечает мама. — Надеюсь, ты смог сегодня днем дома отдохнуть.

— Привет, мам. На самом деле я звоню, потому что мне кое с чем нужна твоя помощь, — отвечаю я. — Узнай мне, пожалуйста, фамилию очень хорошего местного невролога.

— О, нет! Ты здоров? Что случилось? — пронзительно кричит она в трубку.

— Успокойся, ма. Со мной все в порядке. Девушка, с которой я встречаюсь, Блейк, упала и поранилась.

— Блейк? Встречаешься? Это женщина? — последний вопрос она задала несколько смущенно.

Я начинаю ходить туда-сюда по коридору рядом с палатой Блейк. Я не хочу оставлять ее надолго одну.

— Да, мама, это женщина! Ну, правда! Она ударилась головой. Мы в больнице «Уэст-Хиллз» в Вудленд-Хиллзе, по заключению здешних врачей у нее достаточно серьезное сотрясение мозга. Мы можем обсудить детали позже, и, с учетом того, что ей становится лучше, ты вполне можешь познакомиться с ней на моем дне рождения. Но прежде всего мне достаточно быстро нужна фамилия врача.

— Хорошо, хорошо! Я отправлю тебе сообщение с номером и фамилией доктора, который наблюдает папу.

— Отлично. Спасибо, мама. Я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, сынок. Надеюсь, она быстро поправится.

Повесив трубку, я тут же звоню мистеру Томпсону, чтобы сообщить ему, что на следующей неделе Блейк не выйдет на работу. Я рассказываю ему сокращенную и слегка видоизмененную версию того, что случилось, и уверен, что ему интересно, почему, черт побери, именно я нахожусь с ней в больнице. Но командный голос — лучшее средство от любых вопросов, поэтому он просто благодарит меня за информацию, просит держать его в курсе и желает ей скорейшего выздоровления.

Мой последний звонок предназначен Кэролайн. Опять я кратко рассказываю о том, что случилось, объясняя, что определенно не появлюсь в офисе завтра, а в зависимости от состояния Блейк, и в остальные дни. Мне нужно, чтобы она на всякий случай перенесла с этой недели все встречи и пересылала все важные сообщения мне на электронную почту, которую я буду регулярно проверять. Я также прошу держать меня в курсе обо всех появлениях и передвижениях Истона, и предупредить, если он будет пытаться принять какие-либо самостоятельные решения во время моего отсутствия. Она тоже желает Блейк побыстрее выздоравливать и заверяет, что позаботится об офисе.

Сообщение от мамы с контактной информацией невролога приходит как раз в тот момент, когда я заканчиваю разговор с Кэрлайн, поэтому я нахожу Мел на сестринском посту и даю ей имя и номер телефона. Поспешив обратно к Блейк, я обнаруживаю ее крепко спящей на больничной кровати. Вид ее маленького, хрупкого тела, беспомощно лежащего на полу в ее спальне сегодня днем, всколыхнул во мне что-то, что я не могу объяснить, заставив понять, что это больше, чем влечение, больше, чем необходимость заботиться о ней, больше, чем желание погрузиться в нее. Когда я пришел домой, а ее там не было, я забеспокоился, но знал, что, в конце концов, мне удастся напасть на ее след, и мы выясним причины того, что заставило ее сбежать. Но после первоначального облегчения, наступившего, когда я услышал ее голос, я пришел в ужас, увидев ее в таком состоянии, не зная, что произошло и все ли с ней в порядке.

За те несколько недель, что мы знакомы, она разбила себе губу, расцарапала ребра, прикусила язык, а теперь еще и растянула лодыжку и получила сотрясение мозга, и все это из-за демонов, живущих у нее в голове. Уверен, что неудачная беременность как-то с этим связана, и хотя я был удивлен ее признанием, оно не изменило моего к ней отношения. Я сдерживался и до сих пор не задавал ей слишком много вопросов, желая, чтобы она доверяла мне и поделилась своим прошлым тогда, когда будет готова, но я больше не могу молчать. Как только она выздоровеет, мы должны будем серьезно поговорить о том, кто или что заставляет ее делать с собой все эти вещи. Я отказываюсь просто сидеть и смотреть на то, как она медленно себя уничтожает. Мне нужно присутствие Блейк в моей жизни, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы сохранить ее в ней.

— Блейк, проснись, — мягко говорю я, нежно трясая ее за плечо. — Ну же, Блейк, доктор сказал, что тебе еще нельзя спать.

Она на мгновение шевелится, но продолжает спать. Склоняясь над ней, я целую ее закрытые веки, затем кончик носа и, наконец, пухлые губы.

— Просыпайся, сладкая девочка. Тебя скоро переведут в другую палату, и, кроме того, тебе необходимо поесть.

Ее ресницы трепещут, когда она постепенно открывает свои потрясающие голубые глаза.

— Узнаю свою девочку. Мне нужно, чтобы ты не засыпала, пока тебя не переведут, и ты не поешь, хорошо?

Она слабо улыбается и кивает.

— Ты все еще здесь, — шепчет она.

Я убираю ей волосы со лба, а после нежно глажу большим пальцем по щеке.

— Конечно же, я здесь. Я уже говорил тебе, что никуда не уйду.

— Почему?

— Блейк, ты для меня особенная, я не могу это объяснить. Я не собираюсь бросать тебя, я помогу тебе все исправить. Однажды мы во всем разберемся, но пока нам нужно сосредоточиться на твоём скорейшем выздоровлении. И лучшее, что ты можешь сделать — это дать своей голове отдохнуть и ни о чем больше не беспокоиться. Я сам обо всем позабочусь.

Она нервно жуёт свою нижнюю губу.

— Мне надо позвонить мистеру Томп...

— Я уже все решил, — обрываю я ее. — Пожалуйста, перестань волноваться и послушай меня. Я все беру на себя.

— Хорошо, я доверяю тебе, — шепчет она, заставляя меня таять в душе. Я ее не подведу.

В конце концов Блейк переезжает из приемного покоя в другую палату, и, как только она там обустроивается, я быстренько бегу за нормальной, не больничной едой для нас, а также захожу в ее квартиру собрать для нее туалетные принадлежности и пару пижам. Она уже не меньше десятка раз спросила, может ли она принять душ, а медсестра сообщила, что если у нее есть своя одежда для сна, то ей не нужно надевать больничную сорочку.

Немного странно оказаться в ее личном пространстве одному, особенно учитывая то, что я был здесь лишь единожды сегодня утром и не успел обратить внимания ни на что вокруг. Переступая через порог, я замечаю, что она слегка украсила гостиную, повесив на стену несколько картин, а на окна яркие гардины. Все вокруг безукоризненно чисто, новая мебель, и все это напоминает мне какой-то демонстрационный образец — дом, в котором никто не живет. Я захожу в спальню, в воздухе тяжелым облаком висит едкий запах рвоты, исходящий с того места, где ее стошнило. Я никогда в жизни не убирал ни за кем рвоту, но ведь все когда-то бывает в первый раз?

Я нахожу на кухне под раковиной моющие средства, из бельевого шкафа в ванной беру пару полотенец и приступаю к работе. К счастью, у нее на полу постелен ламинат, а не ковровое покрытие, поэтому мне удастся быстро все почистить, и при этом меня самого не вырвало. Не зная, что делать с испачканными полотенцами, решаю их выбросить, я могу купить ей новые. Затем я переключаюсь на свою первоначальную миссию — собрать ее туалетные принадлежности и одежду. Я нахожу в шкафу небольшую хозяйственную сумку и скидываю в нее все, что нахожу в ванной: шампунь, кондиционер, гель для душа и бритву, а потом возвращаюсь в спальню и ищу в ящиках пару пижам и нижнее белье. Я чувствую себя немного маньяком, копаясь в ее ящике с трусиками, но когда в глубине натыкаюсь на желтый конверт, то забываю о шелке и кружеве вокруг него, и мое внимание сосредотачивается исключительно на этом маленьком прямоугольнике.

Куча мыслей мелькает у меня в голове, пока я взвешиваю, открыть конверт или нет. Судя по виду, там внутри находятся какие-то бумаги или фотографии, ничего тяжелого. Но, что бы это ни было, это, должно быть, очень важно для нее, раз она это хранит. Если я решу открыть конверт, то не смогу не взглянуть на то, что там находится, но также я не смогу и рассказать Блейк о том, что знаю, что в нем. Правильно было бы положить его обратно в ящик и уйти, но, принимая во внимание тайны, окружающие ее, любопытство берет верх. Надеюсь, что благодаря этому я хотя бы немного пойму, что терзает ее память.

Мне в руки падает стопка фотографий, и я сажусь на кровать, чтобы их посмотреть. На первой изображена женщина лет тридцати с двумя подростками-погодками — мальчиком и девочкой. Присмотревшись поближе, я узнаю яркие голубые глаза Блейк, глядящие на меня с юного девичьего лица. Несмотря на длинные кудрявые каштановые волосы, это определенно она, а, судя по похожим чертам лица, я полагаю, что этот мальчик — ее брат, а женщина — ее мать. На следующей фотографии я вижу Блейк и того же парнишку на лодке, корчащих рожи в камеру. Я широко улыбаюсь при виде фотографии Блейк-подростка, она всегда была потрясающе красива, и мне становится интересно, почему она так кардинально поменяла

цвет волос. Я быстро просматриваю остальные фотографии: там есть несколько с ней и ее мамой и несколько с другими девочками, вероятно, ее подругами.

На последнем фото Блейк сильнее всего похожа на себя сегодняшнюю. Похоже, оно сделано позже всех по времени, возможно, когда она уже вышла из подросткового возраста, и выражение ее лица на нем — чистое блаженство. Ее глаза полны очарования, а улыбка сияет ярче, чем тысячеваттная лампочка. Я не могу оторвать от нее глаз. Перевернув карточку, я вижу дату, написанную в левом нижнем углу, судя по ней, фотографии пять с половиной лет, значит, Блейк в это время было лет семнадцать. Я часто забываю о разнице в возрасте между мной и Блейк; она гораздо более зрелый человек, чем любой другой в двадцать два года, и заставляет меня чувствовать себя моложе, чем должен тот, кому за тридцать. Но понимая, что каких-то лет пять назад она еще была живой, беспечной девчонкой, я не могу не задумываться о том, что такого произошло с ней за это время.

Я кладу все фотографии обратно в конверт и прячу его точно на то же место в ящике, где я его нашел... все, кроме последней. Я беру ее себе, как напоминание о том, какой она должна быть, напоминание о беззаботной девушке, которой я хочу помочь ей опять стать. Моя Блейк заслуживает счастья, и я твердо намерен дать ей его.

Рано утром в понедельник я ненадолго уезжаю из больницы, чтобы оказаться на работе, пока никто не пришел. Я хочу забрать из офиса свой ноутбук и спрятать фотографию Блейк поглубже в ящик моего стола, где, я знаю, никто не сможет ее найти. По пути обратно в больницу я заезжаю домой, принять душ, переодеться и бросить в сумку кое-какие свои вещи. Остаток этого дня и весь следующий я не отхожу от нее, большую часть времени наблюдая за тем, как она спит. Пытаясь во время лечения ограничить ее мозговую активность, ей вводят через капельницу обезболивающие и несильные седативные препараты. Во вторник в обед мистер Томпсон и Джей приходят навестить ее, но она не может пока долго бодрствовать.

В среду после обеда ей опять делают компьютерную томографию и видят, что отек значительно спал, и нигде в мозге нет кровотечения. Невролог соглашается отпустить ее под мою ответственность до следующего понедельника. Блейк пытается спорить, утверждая, что может сама позаботиться о себе у себя дома, но ничто на свете не заставит меня оставить ее в данный момент одну. К счастью, врач угрожает оставить ее в больнице, если она не согласится.

В среду вечером Сара помогает мне устроить Блейк в моей комнате, а затем исчезает на кухне, чтобы приготовить нам обоим «человеческий», как она выражается, ужин. По мере того, как из организма Блейк постепенно выходят лекарства, она становится все более активной, и, съев запеченного цыпленка с рисом, ей уже не сидится.

— Мне нужно выбраться из этой кровати, — ворчит она.

— И что ты собираешься делать, выбравшись из нее? — поддразнивая, интересуюсь я.

— Я не знаю: потянуться, пройтись тут, принять ванну... что угодно, только больше не лежать.

Она морщит нос и озорно хрюкает.

Я смеюсь глубоким грудным смехом, потому что нахожу ее ворчание восхитительным, и

я счастлив от того, что ей лучше.

— Не уверен насчет растяжки и прогулок, но если тебе хочется принять ванну, я думаю, это возможно. Но сначала нужно принять лекарства.

Она вскидывает голову и слабо улыбается.

— Договорились. Я так устала от больничного душа, что была готова вопить, если бы мне пришлось еще раз туда зайти.

Я хватаю с тумбочки пузырек и высыпаю прописанную дозу препаратов. Она глотает одним махом две таблетки, а потом ждет, когда я отнесу ее в ванную. Опухоль с лодыжки все еще не спала, нога сильно болит, и я ни в коем случае не допущу, чтобы Блейк опять упала и получила еще одно сотрясение.

— Позволь мне сначала раздеть тебя здесь, на кровати. Это будет проще, чем в ванной, — предлагаю я, прежде чем снять с нее через голову футболку и стянуть вниз пижамные штаны и трусики.

Мои глаза оглядывают ее обнаженное тело, и я мгновенно становлюсь твердым. Мне нравится, что она уже чувствует себя рядом со мной достаточно комфортно, не стесняется и не пытается прикрыться. Глядя на мою очевидную эрекцию, она нервно хихикает.

— Доктор сказал что-нибудь про эмм...

Блейк останавливается, не желая произносить слово.

Я наклоняю голову набок и смотрю на нее, будто не понимая, что она имеет в виду.

— Сказал что-нибудь про что?

Ее взгляд перемещается от моих натянутых боксеров к лицу и обратно.

— Об этом.

— Нет, Блейк, мы с доктором не обсуждали мой член.

Она шлепает меня по плечу и фыркает.

— Не придуривайся, Мэдден. Врач сказал, сколько нам нужно подождать с сексом? — сощурился глаза, она сердито смотрит на меня. — Ну вот, теперь ты счастлив?

— Я счастлив, потому что с тобой все в порядке, и ты здесь, рядом со мной. И, да, врач сказал, никакого секса, пока он не осмотрит тебя в понедельник.

Я наклоняюсь и прижимаю губы к ее губам, стирая с них недовольство.

— Поверь мне, что после прошлой субботы я больше всего на свете хочу чувствовать тебя крепко прижатой к моему телу, но я не желаю ради чего бы то ни было подвергать риску твое выздоровление. У нас будет еще много возможностей для того, чтобы исправить это в будущем.

Взяв ее на руки, я широкими шагами иду в ванную комнату и опускаю ее ванну. Я включаю теплую воду и смотрю, как расслабляется ее тело.

— Что ты имеешь в виду под «исправить»? Тебе что, не понравилось? — нерешительно спрашивает она, вглядываясь в мое лицо.

Я встаю на колени рядом с ней и смотрю ей прямо в глаза.

— Блейк, слово «нравится» даже близко не подходит, чтобы описать, что я чувствую. Это было невероятно, потрясающе, незабываемо, но это не значит, что нет еще чертовой кучи вещей, которые я бы хотел с тобой проделать. Это была только вершина айсберга.

— Правда? — пищит она. — Не думаю, что физически смогу почувствовать себя лучше, чем тогда.

— Сможешь, — отвечаю я, и мой член подпрыгивает вверх от одной только мысли о некоторых из этих штук, — и я обещаю тебе, что собираюсь заставить твое тело и разум

почувствовать то, о чем ты даже не подозревала.

Ее глаза широко открываются в замешательстве.

— Я уже говорил тебе раньше, что никогда не причиню тебе боли, — заверяю я ее, прежде чем она успевает спросить.

«Ты уже достаточно причинила ее себе сама», — хочется продолжить мне, но я сдерживаюсь. Я хочу, если это в моих силах, чтобы ее мысли подольше оставались как можно дальше от негатива и ненависти к самой себе.

— Но всему свое время, сладкая девочка. А теперь откинь назад голову и дай мне помыть тебе волосы.

Менее чем через час Блейк, вымытая с ног до головы, свернулась калачиком в моих руках, как маленький котенок и, похоже, уснула. Нехватка нормального сна за последние несколько ночей в больнице на раскладной кровати дает о себе знать, поэтому я целую ее в лоб, прежде чем положить на мягкую подушку рядом с ней свою голову. Только одно слово крутится сейчас в ней, и это слово «моя».

Кэролайн подскакивает ко мне со стопкой документов в ту же минуту, когда я в четверг утром захожу в свою приемную, и смущение на ее лице говорит о том, что у нее для меня плохие новости. Вообще-то, я не хотел приходить, но Блейк настаивала на том, чтобы я хотя бы ненадолго заехал, потому что глубоко переживала за то, что из-за ее болезни я отсутствовал на работе. Сара пообещала, что хорошо о ней позаботится, и проследит, чтобы она вовремя поела, отдохнула и приняла лекарства.

— Доброе утро, Кэр. Извини за опоздание, — приветствую я ее с натянутой улыбкой.

— Да, но все в порядке, — хмуро отвечает она. — Мисс Листер ждет вас в вашем кабинете. Она все равно не понимает, когда я говорю ей не входить, пока вас там нет.

Я забираю у нее из рук бумаги, в душе сожалея о том, что заранее предупредил о своем приходе.

— Спасибо. Я позабочусь о ней.

Зайдя в кабинет, я нигде не вижу Эмерсон, но как только закрываю за собой дверь, замечаю ее стоящую, прислонившись к стене, абсолютно голой, за исключением туфель на высоченных каблуках.

— С возвращением, Мэдден, — говорит она, растягивая слова, и делает шаг ко мне. — Я так долго ждала, что пришлось начать без тебя.

Проведя своими мокрыми, липкими пальцами по моим губам, она самодовольно ухмыляется своей маленькой игре.

Оттолкнув ее, я вытираю рукавом рот и сердито смотрю на нее.

— Какого черта ты делаешь? Прикройся, Эмерсон, — в бешенстве требую я.

— Шшш! А то эта старая грымза, твоя секретарша, тебя услышит, — мямлит она. — В чем дело?

— Сколько раз я должен повторять тебе, что мне неинтересно? Если тебе так хочется, иди трахай Истона или еще кого-нибудь. Только оставь меня в покое.

Она выпячивает нижнюю губу в намеренно преувеличенной обиде.

— Еще совсем недавно ты так не говорил. Это из-за той маленькой жалкой дряни,

которую ты привел с собой на вечер? Блейк, так, кажется, ее звали? Пожалуйста, только не говори мне, что ты встречаешься с ребенком, Мэдден.

Я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не ударить ее и не выбить из нее это дерьмо. По натуре я не жестокий человек, но, когда слышу, как она плохо говорит о Блейк, у меня перед глазами начинают мелькать красные точки. С силой хватая ее за запястья, я прищуриваюсь и рычу:

— Одевайся. Вон из моего кабинета. И никогда не смей говорить о ней ни одного гребаного плохого слова. Это ясно?

Слезы выступают у нее на глазах, когда она вырывает руки из моей хватки.

— Предельно.

Пройдя туда, где висит на стуле ее платье, она торопливо надевает его и идет к выходу. Как раз перед тем, как повернуть ручку, Эмерсон выкрикивает через плечо:

— Возможно, ты захочешь позвонить своему брату. Он пропал сразу после того, как в воскресенье ушел от родителей.

Глава двадцать шестая

Battle Scars ~ Guy Sebastian & Lupe Fiasco

Блейк

В четверг поздно днем, когда Мэдден возвращается домой из офиса, я сразу же замечаю, что его что-то беспокоит. Он улыбается и целует меня при встрече, но его глаза говорят совсем о другом, они отстраненные и встревоженные, таким я его еще не видела.

— Все хорошо? — спрашиваю я, пока он снимает с себя офисную одежду и готовится принять душ. — Ты такой отчужденный из-за того, что столько времени провел на работе?

Я действительно чувствую себя ужасно, потому что по моей вине он три полных дня не появлялся в офисе. Меньше всего мне хочется быть для него большей обузой, чем я уже есть, со всеми своими проблемами.

— На работе все в порядке. Кэролайн почти обо всем позаботилась, поэтому мне нужно было только кое-что проверить, — равнодушно отвечает он.

— Но что-то случилось. Ты готов отвезти меня домой? Обещаю, со мной все будет в порядке, — говорю я, пытаюсь подняться с постели.

Он садится на кровать рядом со мной и берет мое лицо в свои руки.

— Блейк, мне меньше всего хочется, чтобы ты уезжала. Я не мог дождаться, когда приеду домой, зная, что ты меня здесь ждешь.

Он нежно целует меня в лоб.

— Это Истон... опять, — вздыхает он.

Воспоминания о его брате и его проблемах с русскими бандитами сразу же заставляют меня насторожиться: мое тело напрягается, а сердце начинает гулко стучать. Мэдден тут же замечает мою реакцию.

— Что-то не так? Истон сказал или сделал что-то, что было тебе неприятно? — он озабоченно поднимает бровь.

Я энергично трясу головой.

— Нет, не сам лично. Я просто вспомнила о том, что случилось в прошлый уик-энд, и разволновалась, что он опять попал в неприятности не с теми людьми.

Его бровь опускается на место, а плечи облегченно падают вниз.

— Истон постоянно попадает в неприятности, — с гневом объясняет он. — Он с самого детства был нарушителем спокойствия, я всегда думал, что он перерастет свое бунтарство и эгоизм, но, кажется, становится только хуже.

— В какого рода неприятности?

— Ребенком он пропускал школу, пил, принимал наркотики, спал с чужими подружками... что угодно, лишь бы это делало его счастливым. Теперь он все еще слишком много пьет, от случая к случаю принимает наркотики, трахает, кого захочет, неважно, одинока эта женщина или нет, но самая большая его проблема сейчас — это азартные игры. Играет ли он в гольф, в рулетку, у кого-то дома в карты, делает ставки на тотализаторе... не важно, для него это всегда азарт и ажиотаж от победы. Уже во второй раз за месяц он поехал в Вегас, и с воскресенья торчит там, а сегодня днем позвонил мне, чтобы попросить перевести ему деньги. И все это после того, что случилось в субботу вечером. Я сказал ему, как зол на него. Я устал убирать за ним его дерьмо.

— Твои родители знают о том, что происходит?

— Знают, но предпочитают ничего не замечать. Для них так проще. Мама с ним нянчится, что только добавляет проблем, а папа, с тех пор как у него случился сердечный приступ, предпочитает лишний раз не волноваться. Не могу перечислить, сколько раз я говорил себе, что больше не буду выручать его из беды, но сейчас это действительно так. Я со своей стороны обрываю наши с ним братские узы.

— Не говори так, — умоляю я. — Сейчас ты устал, раздражен, зол, но он — твоя семья. Неважно, что он делает, он всегда будет твоим братом. Скажи спасибо, что он у тебя есть.

Воспоминания о Брэндоне застилают мои глаза, и они наполняются слезами.

Мэдден сажает меня к себе на колени и кладет мою голову к себе на грудь.

— Я не хотел тебя расстраивать, сладкая девочка. Я знаю, что он останется моим братом, но не могу больше с ним возиться.

— Я знаю, что не хотел.

Я стараюсь сдерживать слезы и легко целую его в шею, решив рассказать чуть больше о себе. Я надеюсь, что это заставит его немного нежнее относиться к Истону, несмотря на то, что он настоящая заноза в заднице.

— У меня был младший брат, его звали Брэндон. Он был на полтора года младше меня, но с тех пор, как наш отец бросил нас, когда мы были еще совсем маленькими, Брэндон всегда рос как единственный мужчина в доме. Он был моим лучшим другом, я доверяла ему свои секреты, до того как...

Прежде чем продолжить, я глубоко вдыхаю воздух через нос и выдыхаю через рот:

— ...он умер в тот же день, что и моя мама. Два человека, которых я любила больше всего на свете, просто... ушли... навсегда.

Его руки крепче меня обнимают, поглощая мое хрупкое тело, пока он снова и снова касается губами моей макушки.

— Прости меня, Блейк. Я не могу себе представить, что это за потеря.

— Я рассказала тебе это не для того, чтобы ты меня пожалел, а чтобы заставить тебя понять, как важна семья. Ты не должен помогать или выручать его, но не бросай его.

Несколько минут мы сидим, прижавшись друг к другу, погруженные в молчание, я думаю о Брэндоне, а он, я полагаю, об Истоне. Наконец, Мэдден говорит:

— Хочешь со мной в душ?

Я откидываюсь назад, чтобы взглянуть на него и вижу озорную ухмылку, играющую на его губах.

— Но я думала, что врач сказал...

— Ты испорченная девчонка, мы можем вместе принять душ и, не занимаясь сексом. Я знаю, что у тебя на уме, — шутя, бранится он.

Я закатываю глаза и смеюсь, обожая то, как ему быстро удается поднять мне настроение.

— Нет, иди сам. Не могу обещать, что смогу держать руки при себе, если буду там с тобой. К тому же, по настоянию Сары, я уже недавно была в душе.

Вставая, он снимает меня с колен и сажает обратно на постель, еще раз целуя меня в макушку.

— Хорошо, тогда я потороплюсь. Мне не терпится услышать о том, как ты провела день. С моей стороны было грубо наваливать на тебя мои проблемы, даже не спросив, как у тебя дела.

Когда он уходит, я шлепаю его по заду.

— Я сейчас подготовлю все свои записи по поводу просмотренных за день сериалов и буду ждать твоего возвращения, — шучу я.

Посмеиваясь, он исчезает в ванной комнате.

Пятница похожа на четверг: пока Мэдден на работе, Сара суетится вокруг меня, заставляя каждые два часа что-нибудь поесть и проверяя, чтобы я в положенное время приняла лекарство. К субботе я уже настолько озверела сидеть дома, что мне до дрожи в коленях хочется выбраться наружу. Немного поворчав и много поныв, мне удается убедить Мэддена покатавать меня на машине.

Мы колесим по извилистым дорогам каньона Малибу, останавливаясь на каждой смотровой площадке, чтобы насладиться захватывающими видами Тихоокеанского побережья. Небо слегка затянуто облаками, а темные тучи, формирующиеся над поверхностью воды, говорят, что, возможно, пойдет дождь, но я просто счастлива, побыть на свежем воздухе. Моя лодыжка чувствует себя гораздо лучше, чем в среду, когда меня выписали из больницы, и надеюсь, что к понедельнику я уже буду ходить без костылей, хотя мне еще неделю придется носить скобы.

Стоя на одной из смотровых площадок, мы с Мэдденом обсуждаем, что серферы выглядят, как муравьи, в воде с такого расстояния, когда там же останавливается минивэн с орегонскими номерами и из него выгружается одно семейство. Первым появляется отец с двумя детьми, примерно восьми и десяти лет, все с фотоаппаратами, висящими у них на шеях. Он начинает объяснять им про разные варианты настройки диафрагмы и фокуса. Ребята задают много вопросов, на которые он с радостью отвечает, а они, как губки, впитывают информацию. Несколько минут спустя к ним присоединяется беременная женщина, держащая за руку еще одного малыша. Она внимательно изучает нас, а потом нам улыбается. Мы улыбаемся ей в ответ и возвращаемся к нашей машине, оставляя площадку в их полное распоряжение.

Выехав на дорогу, Мэдден спрашивает:

— Ты бы хотела иметь такую семью?

Мое дыхание становится прерывистым, пока я пытаюсь придумать ответ на этот вопрос и при этом не солгать ему.

— Раньше хотела, а теперь не уверена. А что на счет тебя?

— Не думаю, что хочу четверых детей, но определенно когда-нибудь у меня будет один или двое, — задумчиво отвечает он. — Я хочу сделать это правильно, с женщиной, с которой собираюсь провести остаток жизни. Мне выпало счастье иметь родителей, которые всегда были вместе. Я не могу себе представить, что ребенку, возможно, придется проходить через грязный развод. А почему ты больше не думаешь о семье? Ты ведь еще так молода.

Он опять переводит разговор на меня.

Мой взгляд прикован к проплывающему в окне пейзажу, мне не хочется, чтобы он видел боль в моих глазах.

— Я не знаю, — бормочу я, пожав плечами.

— Блейк, я хочу поделиться с тобой некоторыми моментами моего прошлого. Я

собираюсь рассказать это не для того, чтобы ты сделала то же самое, а чтобы ты узнала немного об истории моих отношений с женщинами, чтобы ты поняла, что и почему я чувствую. Хорошо?

— Да, хорошо.

Мне действительно интересно узнать о прошлом Мэддена, как мужчина такого ума и такой внешности в его возрасте до сих пор не женат и не завел семью.

— Когда рос, в школе и в колледже я был типичным богатеньким мальчиком. Как и большинство моих друзей, я встречался с красотками, меняя их, как перчатки, когда мне становилось скучно. А потом, на последнем курсе, я влюбился в девушку по имени Лейтон и думал, что она чувствует ко мне то же самое. Она училась в университете на стипендию, так как ее родители были небогаты, но, несмотря на это, у нас было много общего. Это было понятно с той самой минуты, когда мы встретились, понимаешь? Примерно через год мы обручились. Мои родители заинтересовались мотивами, по которым она хотела выйти за меня замуж, намекая, что она делает это из-за статуса и денег, но я знал, что они были неправы. Итак, подготовка к свадьбе была в самом разгаре, я думал, что грежу наяву, и мечтал, что мы будем жить долго и счастливо, как мои родители, но оказалось, что Лейтон в отличие от меня совсем по-другому относилась к таким человеческим качествам, как преданность и верность. Когда я обнаружил, что она меня обманывает, все, во что я верил, имея в виду любовь и отношения, было разрушено. Я пообещал себе, что никогда больше никому не доверюсь, и до недавнего времени так и было. Это произошло больше десяти лет назад. С тех пор я с ней ни разу не разговаривал, а моя личная жизнь состояла из одних бессмысленных связей.

Я отрываю глаза от окна и долго и сочувственно смотрю на него.

— Мне жаль, что это случилось с тобой. Люди иногда нас имеют.

— Да, так бывает. — Он слабо мне улыбается и кладет руку на мое бедро. — Когда я с тобой, все по-другому. Ты никого никогда не имеешь.

Мои щеки вспыхивают, и я перевожу взгляд вниз на его руку.

— Я могу, — я втягиваю нижнюю губу между зубов и начинаю ее нервно жевать, — если ты этого хочешь.

Я бросаю на него взгляд сквозь ресницы и вижу, как он с шумом втягивает воздух. Моя попытка перевести разговор прекрасно сработала. Возможно, однажды я расскажу ему об Исе, но это будет не сегодня.

— Сладкая девочка, своим грязным языком ты доведешь себя до беды. Подожди до понедельника, — цыкая, предупреждает он.

Я перегибаюсь через центральную консоль и мягко целую его в шею.

— Не могу дождаться.

В понедельник днем Мэдден отвозит меня к доктору и после множества неврологических тестов, на которых мне приходится пройти по прямой линии, дотронуться пальцем до кончика носа, и других функциональных и когнитивных проверок, меня выписывают с обязательством через три месяца повторить компьютерную томографию, и я могу возвращаться к повседневной деятельности. Я предполагаю, что после посещения

врача, он отвезет меня в мою квартиру, но вместо этого он едет обратно к своему дому.

— Почему ты не везешь меня домой? — смущенно спрашиваю я, когда он останавливается на своей подъездной дорожке.

— Я везу. Что ты имеешь в виду?

— Ко мне домой. Знаешь, это такая квартира, за которую я плачу аренду и где храню свои вещи, — саркастически замечаю я.

Он смеется.

— О, хорошо. Ну, я подумал, что раз тебя выписали, — он смотрит на меня и игриво покачивает бровями, — ты останешься со мной еще на одну ночь, и я отвезу тебя в твою квартиру завтра по дороге на работу. Если ты, конечно, этого хочешь.

От мысли о близости с ним все мое тело тотчас охватывает жар.

— Конечно, хочу, но мне завтра тоже нужно идти на работу.

— Я уже отправил мистеру Томпсону сообщение, что ты выйдешь в среду. Я подумал, что тебе нужно взять еще один день отдыха, — буднично заявляет он.

— Мэдден! — восклицаю я. — Ты должен прекратить делать все это за меня. Я не ребенок. Я сама могу решить свои проблемы. Он подумает, что я прячусь за твою спину, используя тебя, как щит, потому что не могу вести себя, как взрослая. Мне, как самому молодому и неопытному сотруднику, нужно еще доказывать свое право занимать место в команде.

Мэдден разочарованно хмурит брови, пока мы продолжаем сидеть в его машине.

— Извини меня, я не задумывался об этом в таком ключе. Мне не кажется, что ты ничего не можешь делать сама, или, что ты еще ребенок. Я просто хочу заботиться о тебе. Это делает меня счастливым. Я хочу сделать твою жизнь как можно проще, чтобы ты могла сосредоточиться на том, чтобы стать счастливой, хочу освободить тебя от всего плохого, что терзает тебя.

Его слова превращают меня в воск. Никто никогда не говорил мне ничего даже отдаленно напоминающее это. Он отнесся ко мне с таким тактом и сочувствием, что я чувствую себя виноватой за то, что так набросилась на него. Вместо «прости меня» я, чтобы выразить свои извинения, переползаю на водительское сиденье, сажусь к Мэддену на колени лицом к нему и, прижимаясь всем телом, обрушиваюсь губами на его губы.

— Отнесите меня наверх, сэр, — со стоном говорю я ему в рот.

Глава двадцать седьмая

Rock Your Body ~ Justin Timberlake

Блейк

— Ты мне доверяешь? — спрашивает низким голосом Мэдден, оставляя на мне поцелуи от уха до подбородка.

Его хриплый голос разносится у меня внутри, заставляя самое чувствительное место гудеть от напряжения. Мое обнаженное стройное тело прижато его гладкими гибкими мускулами к роскошным серым простыням на его кровати. После того как я попросила его отнести меня в его комнату, он с жаром подчинился, выскочил из машины, перепрыгивая через ступеньку, отнес меня по лестнице наверх и в мгновение ока раздел нас обоих.

— Да, — выдыхаю я, когда он дотягивается до мочки моего уха и начинает ее слегка посасывать и покусывать. Даже несмотря на то, что ни ему, ни кому-либо еще я не доверю секреты своего прошлого, это не то, что его интересует прямо сейчас. В этот момент я доверяю ему свое тело. Я хочу, чтобы он, не причиняя мне боли, раздвинул, как и обещал, мои чувственные границы.

— Да? — спрашивает он, наклонив голову набок.

— Да, сэр, — поспешно отвечаю я.

Я никогда не подозревала, что два этих слова способны так возбудить меня, но в том, что я передаю ему контроль, есть что-то такое, что сводит меня с ума.

Прошло уже больше недели с тех пор, как я чувствовала его в себе, больше недели с тех пор, как я приняла решение добровольно отдать свое тело в его власть. У меня никогда не было ничего подобного тому, что было с ним в наш первый раз, я и не мечтала, что секс может быть таким. Но Мэдден утверждает, что это только начало, и я более чем готова увидеть, куда он поведет меня за собой.

Мэдден на мгновение отрывается от меня и достает что-то из ящика своей тумбочки. Снова нависая надо мной, он покачивает перед моим лицом темным куском ткани и объясняет:

— Я собираюсь неплотно повязать это вокруг твоих глаз.

От этих слов я встревоженно открываю рот. Протянув руку, он ласково гладит меня по щеке.

— Успокойся, Блейк. Обещаю, что бы то ни было, я не причиню тебе боли. Повязка усилит другие твои органы чувств, особенно осязание. Обещаю. Тебе это понравится.

— Я-я не знаю, — бормочу я, боясь, что устрою истерику, как только он завяжет ее на мне.

— Твои руки будут полностью свободны, так что в любой момент ты сможешь снять ее, если захочешь, и я не буду складывать ее пополам, поэтому поверх твоих глаз будет только один слой ткани, и ты не будешь полностью во тьме. Пожалуйста, сладкая девочка, доверься мне.

Нежность и глубокое чувство, светящееся в его взгляде, разговаривают напрямую с моей душой, и я не замечаю, как сама киваю ему головой.

— Ладно. Я постараюсь для тебя.

Он склоняется, чтобы нежно поцеловать меня.

— Не только для меня, но и для себя тоже. Для нас.

Нас. Это слово звучит в моих ушах, когда я поднимаю голову с подушки, позволяя ему завязать ткань вокруг моих глаз. Как и было обещано, он делает узел достаточно крепким для того, чтобы повязка не спадала, но в то же время достаточно свободным, чтобы я не чувствовала себя связанной. Немного света проникает через полупрозрачный материал, но он рассеивается, поэтому сквозь него ничего не видно.

— Ты в порядке? — спрашивает он, поглаживая меня по волосам.

— Да, сэр.

Мой пульс учащается, и я киваю головой, настороженность и тревога сменяются предвкушением и возбуждением.

— Хорошо. Верь мне, — сладострастно шепчет он мне на ухо. Волна теплого воздуха оставляет мурашки на нежной коже моей шеи, и меня захватывает круговорот чувственных наслаждений. Лишенная возможности видеть, я ощущаю, как лихорадочно обостряются все остальные мои чувства, и практически осязаю легчайшее движение воздуха, окружающего нас. Кончиком языка Мэдден кружит вниз по моей шее, а его руки в это время нежно массируют мои груди. Я инстинктивно завожу руки за голову и хватаюсь за изголовье кровати, даруя ему полный доступ к моему телу.

— Узнаю свою девочку, — подбадривает он меня. — Следуй за своими ощущениями.

Кровать прогибается, когда он перемещается на бок, а затем садится рядом со мной на кровати. Звук открываемого и закрываемого ящика заставляет мое тело мгновенно напрячься, но он быстро склоняет надо мной свое лицо. Он трется вверх и вниз о раковину моего уха и успокаивающе шепчет:

— Расслабься. Я не причиню тебе боли.

Дрожь опускается вниз по позвоночнику, когда что-то тонкое и нежное пробегает по мне, слегка касаясь моего уха и шеи, заменяя горячее дыхание Мэддена. Он скользит этим предметом вдоль шеи и под носом, и, из-за отсутствия запаха, я не могу догадаться что это. Он легонько щекочет им, и я чувствую что-то пушистое на кончике своего носа. Перо! Как только я догадываюсь, что он использует, чтобы возбудить мое тело, я расслабляюсь, забывая о своих сомнениях по поводу повязки, и сдаюсь мириадам ощущений, струящихся по моему телу. Мэдден проводит пером по груди, под грудью, затем обводит им каждый холмик, прежде чем опустить шелковистый предмет на соски. От легкой ласки каждый бутон тяжелеет и набухает, а спина естественно выгибается, приподнимая грудь навстречу его прикосновениям. Перо, очертив ребра, спускается вниз к животу и дальше к разведенным бедрам. Проводя тонкими волосками вверх и вниз по чувствительной коже внутренней стороны бедра, он останавливается как раз перед моими уже скользкими складочками и повторяет ту же самую мучительную эротическую пытку на другом бедре.

Положив свою сильную руку под мой зад, он приказывает мне перевернуться на живот. На наволочке остался запах его шампуня и одеколona, и я делаю глубокий вдох, позволяя восхитительным ароматам заполнить мои ноздри. Затем он, кружа, ведет перо вниз по позвоночнику к пояснице, обводя нежным кончиком попку и обрисовывая каждую ягодицу, прежде чем, едва касаясь, проскользнуть в щель между ними. Я поднимаю вверх бедра, умоляя уделить внимание моему выставленному на его полное обозрение лону, и чувствую, как на меня накатывает волна непристойного наслаждения оттого, что я знаю, что он видит перед собой. Перо скользит ниже, проводя по обнаженной плоти, и от его ласкающего поглаживания огромный пожар вожделения разгорается глубоко у меня в центре.

— О, пожалуйста... — вырывается мой жадный стон.

— Тебе нравится так? — спрашивает он, еще несколько раз проводя по моей жаждущей киске.

— Да, сэр, — отвечаю я, урча от удовольствия.

Он убирает перо и нежно похлопывает по попке, показывая, что мне надо опустить бедра. Я опять чувствую легкую щекотку на бедре, когда перо спускается вниз по ноге, задерживаясь на чувствительной коже за коленом и останавливаясь на пятке, прежде чем перейти к другой ноге и проделать там тот же путь.

Кровать вновь прогибается под его весом, когда он перемещается к моим ступням. Взяв одну из них в руку, он подносит ее ко рту и оставляет след из поцелуев от лодыжки до кончиков пальцев ног. Он массирует свод стопы, прижимая при этом губы к моей коже, а когда Мэдден языком облизывает кончик каждого моего пальчика, удивленный визг срывается с моих губ.

Прежде чем я успеваю возразить против того, что он, по моему мнению, собирается сделать, Мэдден губами втягивает розовый пальчик и слегка посасывает его.

— О, боже мой, — бормочу я в подушку.

Плотское удовольствие от его действий подавляет всякое смущение, которое я могла бы почувствовать, осознавая, что он пробует на вкус мои ноги. Несколько минут он доставляет мне удовольствие страстным жаром своего рта и деликатными движениями бархатистого языка вокруг пальцев моих ног. Пока он уделяет равное внимание всем десяти пальцам, клянусь, что чувствую его сосущие губы внутри своей киски.

Мэдден кладет мою ногу обратно на кровать и переворачивает меня, поддерживая в области живота, в изначальное положение. Одним движением он немного раздвигает мне бедра и устраивается между ними. Он проводит своим распутным языком по внутренней стороне бедра, оставляя после себя след из мурашек, и постепенно переходит к моему извивающему лону. Остановившись как раз перед моими гладкими скользкими складочками, Мэдден выдыхает горячий воздух на мою плоть, и в ответ мои внутренние стенки сжимаются. Перемещая свой рот к другой ноге, он целует и покусывает ее, пока его губы не висают всего в нескольких дюймах от моей киски, преднамеренно выдувая еще один поток теплого воздуха на дрожащую кожу.

— Мэдден, — охаю я, — пожалуйста.

Дразня меня, он проводит своим теплым влажным языком вверх по правой части моего холмика, тщательно обводя одну складочку по периметру, а потом лениво проходит по другой стороне мучительно близко к тому месту, где я хочу его почувствовать. Точно выверенными медлительными движениями он с силой проводит по центру вверх, а потом обратно вниз, без каких-либо усилий разделяя мои горящие складки своим пылающим языком. Гортанный стон вырывается глубоко из моего горла, когда он мучительно проводит языком вдоль моих губ, прежде чем втянуть каждую из них в свой рот, посасывая и покусывая сначала каждую из них по отдельности, а потом вместе.

Он переводит свое внимание на мой набухший, твердый пульсирующий клитор, который так и умоляет, чтобы к нему прикоснулись. Мэдден несильно по нему шелкает, втягивает его между зубов и начинает энергично сосать. Быстро достигая грани оргазма, я яростно извиваюсь под ним, приготовившись встречать свою разрядку. Внезапно он убирает свой рот от моей киски, оставляя меня висеть на тонком волоске.

Я слышу звук шуршащей фольги, после следует несколько секунд молчания, а потом

внезапное вознаграждение в виде его пениса, врезающегося в мою влажную киску. Крепко держась за изголовье кровати, я снова выкрикиваю его имя, мои стенки растягиваются, чтобы принять его твердокаменный член. Он погружается в меня до тех пор, пока полностью не окунается в мою обжигающую влажность, а затем выходит обратно, пока во мне не остается только его кончик. Еще один сильный, уверенный удар его бедер, и он опять входит в меня, устанавливая постоянный ритм толчков, подталкивая меня выше и выше в эротическое блаженство. Его член ощущается великолепно, пульсирующим твердым стержнем чистой мужской силы, скользя во мне, питая мое ненасытное желание к нему. Разводя ноги еще шире, я притягиваю их к груди, поощряя его входить в меня настолько глубоко, насколько это физически возможно. Мне все мало.

— Я сейчас взорвусь. Пожалуйста, сэр, позвольте, — умоляю я, сквозь прерывистые вздохи.

— Еще нет, — предупреждает он, выскальзывая членом из моего тела.

— Нееет, — издаю я вопль, отчаянно пытаюсь разрубить тугой болезненный узел сексуального напряжения, завязанный внутри меня.

Его рот обрушивается на мою киску, целуя, посасывая, кружа, облизывая, причмокивая, не пропуская не единого миллиметра плоти, прежде чем язык погружается в мое лоно. Затем так же быстро, как несколько мгновений назад он вышел из меня, его член вонзается в меня вновь, возобновляя ранее взятый темп. Чередуя атаки своим ртом и членом, трахая, а потом, облизывая меня, он дразнит мой разум и тело, приводя меня близко к разрядке, а потом намеренно отступая. Я огорченно отпускаю изголовье кровати и хватаю его за плечи, погружая свои ногти в упругие мускулы. Мэдден с рыком останавливает свои движения, хватая меня за запястья и прижимает их у меня над головой.

Лишенная возможности видеть или использовать руки, в то время как его эрекция равномерными ударами входит и выходит из меня, я опять взбираюсь вверх, приближаясь все ближе и ближе к точке невозврата. Я затянута в водоворот ощущений, крутящихся вокруг моей изнемогающей от зноя плоти.

— Сейчас, сладкая девочка. Кончи для меня, — хрипло командует он. И я подчиняюсь.

В моем теле напрягается каждый мускул, шея еще сильнее выгибается назад, рот открывается в немом крике, и я отдаю себя во власть непреодолимой необходимости все отпустить. Оргазм заявляет о своих правах на мое тело, обрушиваясь на меня мощной волной экстаза, позволяя взмыть вверх на крыльях подлинной свободы. Мои глаза крепко сжимаются под повязкой, и я пытаюсь поднять руки, но он крепко удерживает их на месте. Я выгибаю спину и высоко поднимаю бедра, а стенки моей киски крепко сжимаются вокруг его эрекции, погружая ее, когда он вонзается глубже в мои обжигающие соки. Несколько минут моя сердцевина подрагивает и сильно сотрясается, пока волна за волной плотского наслаждения прокатывается сквозь меня; мой разум свободно парит в бесконечной эйфории.

— Черт, — хрипло стонет он.

Мэдден продолжает с вновь обнаруженной настойчивостью трахать меня, сильно вбиваясь в мою все еще пульсирующую плоть. Увеличивая темп, он переплетает свои пальцы с моими у меня над головой. Тяжело дыша, Мэдден, уже не сдерживаясь, все сильнее и сильнее вколачивается в меня. Я изгибаю бедра и сильнее прижимаюсь к нему, встречая его толчки, безмолвно говоря, что с радостью приму все, что он готов мне дать. Он снова и снова со стоном обрушивается на меня, капли пота скользят с его тела на мое, и я чувствую, что он близко. Я хочу, чтобы он сильно кончил, чтобы почувствовал то же, что чувствовала я

несколько минут назад.

Еще несколько толчков, и он сильно вонзается в меня, его тело напрягается, и он испускает дикий рык. Мэдден замирает, его член дергается и пульсирует во мне, он, наконец, достигает разрядки. Несколько мгновений никто из нас не двигается и ничего не говорит. В конце концов, он выскальзывается из меня, освобождает мои руки и перекачивается на бок. Мэдден сдвигает повязку, его блестящие голубые глаза приветствуют меня ленивой улыбкой.

— Привет, сладкая девочка, — говорит он, лениво растягивая слова и убирая спутавшие, потные волосы с моего лица. Он склоняется и страстно целует меня, выражая свою благодарность за мою готовность попробовать что-то новое.

— Привет, сэр, — шутливо шепчу я, когда наши рты отрываются друг от друга.

— Теперь Мэдден, — поправляет он меня, обнимает меня за талию и притягивает еще ближе к себе, заставляя чувствовать себя обожаемой и обласканной.

Крепко прижавшись к нему, я лежу все еще не в силах поверить в то, что только что произошло. Он держал меня с завязанными глазами, обездвиженной, и, проделывая все это, освободил меня.

Освободил, чтобы чувствовать.

Освободил, чтобы не думать.

Освободил, чтобы просто быть.

Он заставил меня забыть обо всем и обо всех в этом мире, о прошлом и настоящем, и ничего не имело значения кроме него и меня... ничего кроме нас.

Invincible ~ Hedley

Блейк

Во вторник утром Мэдден, как и обещал, подвозит меня домой по дороге в офис. Нет нужды говорить, что после прошедшей ночи я более чем взволнована, когда он настаивает, чтобы я вернулась в его дом и провела с ним еще одну ночь, потому что до сих пор парю в воздухе, как перышко, которым он меня соблазнял.

Прекрасно понимая, сколько работы он из-за меня пропустил, а также зная, что гора проблем, связанных с его братом, только растет, когда он высаживает меня, я настаиваю, что следующие несколько дней он будет заниматься только своими делами, и не важно, как сильно я буду по нему скучать. Я сама могу только представить, насколько отстала по работе, когда завтра приеду в свой офис, если, конечно, Джей не выгнала меня с проекта под зад коленом. Мне тоже понадобится пара дней, чтобы привести все в порядок.

— Медленно, но верно, — повторяю я ему его же слова, когда он пытается спорить, и после нескольких настойчивых поцелуев он соглашается.

— Хорошо, но выходные ты проведешь у меня дома, — уступает он с еще одним страстным поцелуем, — и постоянно держи со мной связь... и обещай, что немедленно позвонишь, если у тебя еще случатся приступы. Я буду беспокоиться за тебя.

Я вылезая из машины, прежде чем мы закончим, раздевая друг друга на парковке прямо у моего дома.

— Обещаю, со мной все будет хорошо, но я буду звонить и отправлять сообщения так часто, как только ты захочешь.

— О, и в следующую субботу днем родители устраивают небольшой праздник по случаю моего дня рождения. Они с нетерпением ждут знакомства с тобой, — говорит он мимоходом.

Я замираю на полпути.

— Что ты только что сказал? — спрашиваю я. — Твои родители хотят познакомиться со мной? Не уверена...

— Блейк, — предупреждает он, выгибая бровь, — все будет хорошо. Там будет всего лишь несколько близких друзей семьи, великолепная еда и приятная атмосфера. Они очень милые люди, иногда даже чересчур, но они любят тебя так же, как и я. Пожалуйста, верь мне.

Сила, которую он вкладывает в три последних слова, затрагивает нужные струны моей души, и я смущенно киваю.

— Хорошо, я пойду, но ты должен пообещать, что если у меня начнется паническая атака, ты заберешь меня оттуда. Я не хочу, чтобы твои родители видели меня в таком состоянии.

— Обещаю, сладкая девочка. А теперь тащи свою маленькую задницу внутрь, прежде чем начнется дождь, — произносит он, глядя из окна на большие серые тучи. — Увидимся в пятницу вечером.

— Увидимся, — кричу я через плечо.

Когда с неба начинают капать крупные капли дождя, я стремглав бегу в здание,

раздумывая над тем, не ослышалась ли я, и он действительно все это только что сказал. Качая головой, я приписываю его слова фигуре речи, они не могут означать, что он любит меня, любит меня. Да, так и есть.

Моя квартира находится в том же состоянии, в каком я оставила ее неделю назад, только без рвотных масс на полу в спальне, за что я должна поблагодарить Мэддена, который здесь прибрался... но что-то изменилось. Я больше не чувствую себя в ней, как в замкнутом пространстве, в котором сама себя заточила в последние несколько месяцев, в месте, где я физически нахожусь, но отказываюсь жить. Вместо этого сейчас я смотрю на нее, как на новый шанс... новый старт... образ моей свободы от жизни, которая удерживала меня в плену. Едва затянувшиеся раны на ребрах напоминают, что впереди еще долгий путь для того, чтобы избавиться от преследующих меня воспоминаний, но, возможно, просто возможно, я снова смогу научиться жить по-настоящему. Не в моих силах заставить Винсента Риччи перестать меня искать или не дать ему себя найти. Но я вполне способна жить полной жизнью до тех пор, пока этот день не придет, если он вообще придет. Я настолько свободна, насколько сама себе позволяю.

Свободна, чтобы работать там, где мне нравится.

Свободна, чтобы заводить друзей.

Свободна, чтобы выходить в общество.

Свободна, чтобы отдать себя Мэддену.

Большую часть утра я провела, занимаясь стиркой и уборкой, стараясь не думать о Мэддене, но, благодаря времени, которое мы совсем недавно провели вместе, это было почти невозможно. Я люблю то, как загораются его потрясающие небесно-голубые глаза, когда он меня видит, то, как правый уголок его рта поднимается выше левого, когда он посылает мне улыбку, от которой у меня промокают трусики, то, как мое тело инстинктивно отвечает на его глубокий голос. И своими словами и действиями он заставляет меня чувствовать себя обожаемой, чувствовать себя надежно и уверенно. Естественно. Быть с ним — это самое естественное, что может со мной происходить.

Ближе к вечеру дождь закончился, и вся моя работа по дому тоже, несмотря на то, что меня много раз отвлекали флиртующие сообщения от Мэддена. Желудок громко урчит, напоминая, что я с самого утра ничего не ела, а так как Сара запихивала еду мне в рот при всяком удобном случае, мой аппетит существенно вырос. Я побрела к холодильнику, чтобы найти там что-нибудь, чтобы перекусить, но была чрезвычайно разочарована его содержимым. Там почти ничего не было. Проскользнув во вьетнамки, я беру сумочку, телефон и ключи и направляюсь в магазин, место, куда раньше я с трудом заставляла себя пойти, но не сегодня.

Больше часа спустя я еду домой с багажником, до отказа заполненным полиэтиленовыми пакетами, скупив за одну поездку еды больше, чем за все предыдущие вместе взятые. Не знаю, как я собираюсь все это съесть, но мне было так хорошо, что я никак не могла остановиться и все бросала и бросала товары в тележку. Возможно, я выберу в интернете рецепт и вскоре приготовлю что-нибудь для Мэддена.

Пока я переносу все это изобилие из машины в квартиру, то осознаю минусы обладания квартирой на верхних этажах. Семь ходок — вот сколько раз мне пришлось подняться к себе и спуститься на парковку, чтобы перенести все содержимое моего багажника на кухонный стол. Изнуренная двумя милями, пройденными по удушливому слепополуденному зною, я

плюхаюсь на один из стульев в столовой и смотрю на все эти пакеты так, будто они сами себя распакуют и расставят продукты по местам. Хорошенько посмеявшись над собой, я делаю мысленную заметку в следующий раз умерить свой пыл.

Еще какое-то время занимает у меня перестановка в кладовой и холодильнике и раскладывание всех покупок по местам, и когда я почти закончила, я получаю сообщение от Мэддена, что возникли непредвиденные обстоятельства, и он задержится на работе дольше, чем предполагал. Чувствуя себя еще более виноватой, чем раньше, потому что знаю, что это из-за меня у него не было возможности уделять внимание работе, я, пока не испарился весь мой кураж, решаю привести свой план по поводу подготовки для него в действие немедленно. Несмотря на то, что именно я настаивала на том, чтобы мы не виделись до пятницы, уверена, он оценит доставку мной свежеприготовленного ужина к нему в офис.

Одно из блюд, которое я больше всего люблю готовить, это куриная запеканка, а кроме того, ее очень удобно перевозить, поэтому я сразу же приступаю к делу. Поставив прямоугольную стеклянную форму в духовку, я быстро принимаю душ, чтобы освежиться, слегка подкрашиваюсь и надеваю длинный черный сарафан. Когда таймер предупреждает меня, что блюдо готово, я вынимаю его из печи и помещаю в коробку, чтобы не обжечься самой и не повредить сидение в машине. Туда же я кладу тарелки и столовые приборы. Пребывая в радостном предвкушении от своего сюрприза, я спешу вниз по лестнице и отправляюсь в Глендейл. Так как я была там только однажды вместе с Джей и мистером Томпсоном, я проверила адрес его офиса на телефоне, чтобы быть уверенной, что точно помню, где он находится и на каком этаже.

К счастью, когда я приехала, двери в здании еще открыты, а лифты работают, и вот уже я захожу в «Декер Энтерпрайзис». В столь поздний час за стойкой регистрации уже никого нет, и я не вижу никого, у кого можно было бы спросить, где расположен кабинет Мэддена. Не зная, что делать дальше, я тихо начинаю бродить в поисках кого-нибудь или чего-нибудь, что подсказало бы мне, где он находится. Услышав голоса в одном из коридоров, я, смущаясь, иду на них, надеясь никого не напугать.

— Эй? Есть тут кто-нибудь? — отрывисто выкрикиваю я, заявляя о своем присутствии, вместо того, чтобы просто войти, и будь что будет.

Голоса доносятся из приоткрытой безмянной двери. Легонько постучав, я снова зову:

— Эй? Кто здесь? Мне нужна ваша помощь.

Я слышу, как смутно знакомый женский голос бормочет:

— Вот дерьмо. Кто это, на хер?

Затем слышится мужское ворчание, какие-то шорохи и суэта неизвестного происхождения. Возможно, бумаги или одежды? Я боюсь открыть дверь, поэтому стою там и жду, надеясь, что кто-то, кто бы это ни был, все-таки выйдет. Пару минут спустя Эмерсон потихоньку открывает дверь и высовывает голову. Ее рыжие кудри сейчас в полном беспорядке, впрочем, как и ее раскрасневшееся лицо, и дышит она тяжелее, чем обычно. Более чем очевидно, от чего я ее только что оторвала.

— А, это ты, — рычит она на меня, скрестив руки на груди. — Что ты здесь делаешь?

Ее неприкрытая грубость застает меня врасплох.

— Я... я ищу кабинет Мэддена. Я принесла ему ужин, — объясняю я, опустив глаза вниз на коробку, которую держу в руках.

— О, разве это не мило?

Ее слова полны сарказма.

— Кто это, Эм? Что там происходит? — спрашивает другой очень знакомый глубокий голос.

Мое сердце ухает вниз глубоко на дно желудка. Горячие слезы обжигают глаза. Во рту стоит привкус желчи.

Большая рука хватается за дверь и открывает ее нараспашку, обнаруживая стоящего прямо за ней полуголого Истона. Он широко улыбается, когда видит меня.

— О, привет, это всего лишь ты, — говорит он, прощмыгнув мимо Эмерсон в дверной проем.

Неловко обняв меня вместе с моей коробкой, он спрашивает:

— Что это ты тут делаешь?

Я с облегчением делаю огромный выдох, и ко мне снова возвращается способность говорить.

— Я несю Мэддену ужин, так как он задерживается на работе, но потерялась, пытаюсь найти его офис, — объясняю я с застенчивой улыбкой.

Он смеется и идет дальше по коридору:

— Эмерсон, оставайся здесь, я отведу Блейк к Мэддену и сразу же вернусь.

Я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть, как она шагает обратно в ту комнату, где я их нашла. Я иду рядом с Истоном, позволяя ему вести меня туда, где мне хочется быть. Он не заботится о том, чтобы постучать или как-то по-другому предупредить, что мы здесь, он просто вваливается в кабинет.

Перед нами маячит спина Мэддена, в то время как сам он что-то яростно печатает на компьютере, стоящем позади его рабочего стола, и даже не оборачивается, когда открывается дверь. Полагаю, он привык, что люди к нему входят так запросто.

— Большой брат, у меня для тебя подарок, — хвастается Истон так, как будто мое присутствие здесь — его идея.

— Истон, твои последние подарки меня совсем не радуют, — фыркнув, делает выпад старший брат.

— Обещаю, что этот ты полюбишь.

Опять это чертово слово.

— Я здесь пытаюсь работать, чтобы, наконец, пойти домой и поесть, — рывкает Мэдден, поворачиваясь к нам лицом.

В ту самую секунду, когда он замечает меня, его лицо полностью меняется: глаза становятся большими и искрятся от удивления, а на губах расплывается широкая улыбка.

— Блейк! Что ты тут делаешь? — кричит он, вставая с места и устремляясь ко мне.

Истон забирает из моих рук коробку за секунду до того, как Мэдден отрывает меня от земли и притягивает к себе. Внутренне сияя, я кладу руки ему на плечи и крепко обнимаю за шею.

— Я приготовила тебе ужин и привезла его сюда, но заблудилась, пытаюсь найти твой офис, так что Истон мне помог.

Он целует меня, его губы крепко прижимаются к моим, а наши языки переплетаются в чувственной дуэли. Мои ноги инстинктивно обхватывают его за талию, и он несет меня к своему столу.

— Истон, поставь куда-нибудь коробку, — указывает он, не отрывая губ от моего рта, — и спасибо.

Когда он усаживает меня на стол, прямо на какие-то бумаги, позади нас, щелкая,

закрывается дверь. Задумывая изначально это приключение, у меня и в мыслях не было соблазнять его, я просто хотела принести ему ужин. Но после минутной опустошительной паники и ужаса, охвативших меня, когда я подумала, что это Мэдден был в комнате с Эмерсон, моими действиями руководит непреодолимая нужда заклеить своего мужчину. Протянув руку, я кладу ладонь на его скрытый под брюками член и начинаю тереть его вверх и вниз.

Ужин может подождать.

Джей практически набрасывается на меня, когда в среду утром я переступаю порог кабинета, который мы вместе занимаем. Она стреляет вопросами, как из пулемета, так что я не успеваю на них отвечать. Ей хочется знать все, и под этим я подразумеваю действительно все, о Мэддене и наших отношениях. Я изо всех сил стараюсь отвечать так, чтобы не раскрыть при этом что-нибудь о своем прошлом, и оставить при себе наиболее личное.

Как только мне удастся успокоить своими ответами ее пылкий, кипучий ум, она вводит меня в курс того, что успела сделать за время моего отсутствия. Из-за того, что мы занимаемся контрактом «Декер Энтерпрайзиз», а Мэдден знает, что я временно выбыла, первоначальный срок завершения проекта был сдвинут вперед, но, тем не менее, я намерена сделать все, что в моих силах, чтобы успеть к установленной дате. Мы работаем почти без остановки в среду, четверг и пятницу, пока, наконец, не возвращаемся в график. Чтобы отпраздновать окончание трехдневной работы на износ, и чтобы отблагодарить Джей за то, что она, пока меня не было, надрывала на работе задницу, я принимаю ее приглашение зайти и выпить чего-нибудь «У Тони», прежде чем отправиться к Мэддену на выходные. Мне не терпится увидеть его, ведь с вечера вторника, когда я покинула его офис, мы только разговаривали по телефону и обменивались текстовыми сообщениями. Я даже взяла с собой на работу сумку с вещами, чтобы по пути к нему не заезжать домой, но у меня есть время для одного бокала сидра.

Как обычно, просканировав взглядом помещение, я узнаю несколько знакомых лиц, которые видела здесь в предыдущие посещения. В баре царит непринужденная и дружелюбная атмосфера. Мы с Джей садимся за столик у стены, официантка быстро приносит нам напитки. За выпивкой мы немного обсуждаем нового парня в офисе, на которого Джей положила глаз, а я выражаю беспокойство по поводу знакомства с родителями Мэддена в воскресенье. Успокоив друг друга, а потом, посмеявшись над своими заботами, мы платим по счету и собираемся уходить. В это же самое время входит Грег со своей компанией, поэтому мы останавливаемся, чтобы поздороваться и немного поболтать, прежде чем направиться каждая к своей машине.

Поворачивая ключ в замке, я слышу два голоса, мужской и женский, в нескольких метрах от себя. Сначала, я думаю, что они там, прислонившись к машине, занимаются чем-то не очень приличным, но затем быстро понимаю, что они ссорятся, он осыпает ее ругательствами и обзывает унижительными прозвищами. Я знаю, что мне не следует за ними подсматривать, но по какой-то причине, я не в силах удержаться. Стараясь не привлекать к себе внимания, я медленно поворачиваюсь и теперь вижу их прямо перед собой. Я выдыхаю, когда замечаю очень большой и круглый живот женщины, находящейся на последних сроках

беременности. Затем я слышу, как он орет:

— Ты, долбаная шлюха, это, может быть, даже не мой ребенок! Надо было заставить тебя избавиться от него!

Я начинаю дрожать всем телом, а мое зрение начинает сужаться до точки. Сползая вниз по автомобильному крылу, мое тело подпрыгивает, когда я задницей ударяюсь о бетон, но не достаточно сильно, чтобы стряхнуть с меня постепенно проступающие сквозь туман воспоминания, потоком заполняющие разум.

Тем утром все было как обычно, так повторялось изо дня в день без всяких изменений. За два года и девять месяцев нашего брака можно по пальцам пересчитать те дни, когда мы отходили от привычного распорядка. И это происходило только тогда, когда Ис не ночевал дома. Пока он принимал душ и одевался, я, по установившейся традиции, готовила ему завтрак, чередуя три варианта блюд, которые ему нравились. Затем он ел и смотрел утренние новости, а я в это время стояла в сторонке, готовая принести все, что может ему понадобиться.

Так вот, в тот день я подала ему жареное мясо с тушеным луком и чуфой, а также банановый бисквит. Когда он уронил на рубашку вилку с мясом, мне следовало догадаться, что это будет плохой день. Не успела я достать чистую из шкафа, как громкий стук в дверь эхом разнесся по всему дому. Ис, и так уже достаточно разозленный, поднялся из-за стола, чтобы посмотреть, кто это прервал его завтрак. Мне не было позволено подходить к двери.

Я услышала женский голос, мне было не слышно, что она говорит, но голос был злым и напуганным. А потом я увидела, как Ис тащит ее за волосы на кухню, и первым, что я заметила, была ее беременность.

— Ты узнаешь эту шлюху, принцесса? — потребовал он ответа.

Дрожа от страха, я взглянула в лицо истерически всхлипывающей молоденькой девушки. Я сразу же ее узнала. Это была девочка, которую Ис однажды ночью привел к нам домой и трахал передо мной, прежде чем заставить меня слизать с нее его сперму. Я запомнила ее, потому что подумала тогда, как молодо она выглядит, на вид ей было примерно лет четырнадцать-пятнадцать, и это было еще более отвратительно, чем обычно.

— Брайли, я задал тебе вопрос! — закричал он. — Отвечай, на хер!

Я кивнула в надежде, что правда будет лучшим выходом из ситуации.

— Да, Ис, ты приводил ее сюда как-то ночью, — тихо ответила я.

— Я просил тебя вылизать ее так, чтобы у нее не осталось моего ребенка?

— Да, — сказала я, повесив голову, очень напуганная тем, к чему это все идет.

— Ну, очевидно, ты не выполнила свою работу, потому что эта маленькая сучка утверждает, что у нее в животе мой ребенок.

Ис хватает ее за волосы и тычет ей мне в лицо, вынуждая меня смотреть в ее полные ужаса карие глаза.

— Тебе известно, что происходит, когда ты меня разочаровываешь, и теперь эта бедняжка и ее ублюдок за это поплатятся. И все потому, что ты не смогла нормально сделать одну из тех немногих гребаных вещей, о которых я тебя прошу. А теперь иди и принеси мой нож, тот с широким лезвием.

Я не пошевелилась, и это выглядело, как вызов с моей стороны. Я не могла позволить

ему сделать это.

— Брайли, да поможет мне бог, если ты немедленно не принесешь мне на хер нож, я убью твою маму в ту же минуту, как выйду отсюда.

Он знал, что эти слова заставят меня двигаться. И они заставили.

Я принесла ему нож, за это время он связал девушку и вставил ей в рот кляп. Затем, стоя посреди кухни, он поднес лезвие к ее круглому животу и сказал:

— Я даже не уверен, что это мой ребенок, но, так как я сам — ублюдок, клянусь, я никогда не обреку никого другого на такие мучения, и поэтому делаю то, что должен.

Ис тщательно и спокойно вонзил нож в ее живот, затем вытащил его и перерезал ей горло. Положив окровавленное оружие на кухонный стол, он внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Принцесса, пусть это будет тебе уроком, сделай так, чтобы это больше не повторялось. Убери здесь этот бардак, а я пришлю кого-нибудь за телом. Мне нужно одеваться на работу. Буду поздно.

В ту ночь, когда он пришел домой, я позаботилась о том, чтобы это больше не повторилось.

— Блейк! Блейк! Что с тобой?

Я слышу где-то в отдалении мужской голос, вырывающий меня из тумана.

— Блейк, поговори со мной!

— Мэдден? Это ты? — хриплю я. — Мэдден?

— Нет, это не Мэдден, — слышу я его слова. — Это Грег. Кто такой Мэдден?

Глава двадцать девятая

Say ~ John Mayer

Мэдден

Пятница. Наконец-то, гребаная пятница. Последние три дня тянулись невыносимо долго, не видя Блейк, мне было невероятно грустно и одиноко в постели, но, к счастью, у меня было предостаточно работы, чтобы целыми днями быть по горло в делах с самого раннего утра и до позднего вечера. Крещение моего стола ее милой попкой во вторник вечером было не только неожиданным, но и чертовски горячим, и я до сих пор не могу без хитрой улыбки, расплывающейся на лице, смотреть на несколько пятнышек на его деревянной поверхности.

Сегодня она будет моей, и я планирую проделать по-настоящему грязные вещи с ее сексуальным телом и сладким ртом, но прежде нужно закончить свое дерьмо и убраться из офиса. Попрощавшись с Кэролайн, я выключаю компьютер, складываю документы, подготавливая все к новой рабочей неделе. Я открываю ящик, чтобы убрать ручки и нож для разрезания бумаг, и мне улыбается ее лицо с фотографии, что я храню там, разжигая желание сделать ее своей.

Выключив свет, я направляюсь к лифтам и захожу в первую же открывшуюся кабину. Как раз перед тем, как двери закрываются, я слышу голос с просьбой подождать, так что подношу руку к сенсору движения, заставляя лифт снова открыться. Внутри заходит Эмерсон, ее губы изогнуты в коварной улыбке, и я издаю мысленный стон.

— Спасибо, Мэдден, — она благодарит меня легким кивком головы.

— Пожалуйста, — отвечаю я, молясь, чтобы по пути вниз она не делала попыток со мной заговорить.

— С нетерпением ждешь праздника в воскресенье?

Я пожимаю плечами.

— Ну, какое в моем возрасте может быть нетерпение. Хотя не уверен, что мама знает, что мне уже не надо устраивать тематические вечеринки про супергероев.

Она, откинув голову назад, раздражается фальшивым смехом.

— Твоя мама обожает планировать вечеринки, правда?

— И всегда обожала.

— Ты придешь со своей новой подругой, Блейк? Так, кажется, ее зовут?

Имя Блейк, слетающее с ее уст, заставляет закипеть мою кровь, и я изо всех сил стараюсь сохранить хладнокровие. У меня не выходит.

— Да, Блейк придет в воскресенье, — бормочу я сквозь зубы, — и не веди себя глупо, тебе известно ее имя.

— Ну, я не была уверена, потому что пыталась узнать о ней что-нибудь, и обо всех в «ДжДТ Графикс», кто работает над проектом компьютерных игр, — добавляет она последнюю часть в неуклюжей попытке оправдать свое любопытство, — но не смогла найти про нее никакой информации. Как будто она появилась на свет всего несколько месяцев назад, когда переехала в Калифорнию и устроилась здесь на работу: ни информации об образовании, ни о предыдущей работе, ничего. Не знаю, достаточно ли она вообще квалифицирована, чтобы работать над проектом такой важности.

Я даже не поворачиваю головы, чтобы взглянуть на нее, отчасти потому что боюсь, что если я ее увижу, то действительно взорвусь. Вместо этого я произношу холодным, тщательно выверенным голосом:

— Эмерсон, говорю тебе один единственный раз: перестань копать в жизни Блейк, перестань болтать о ней, а лучше всего, перестань вообще думать о ней. Прделанная работа показывает, что она более чем компетентна для этого проекта. А вся остальная долбаная жизнь тебя не касается. Она принадлежит мне, я принадлежу ей, и все, конец этой гребаной истории. Клянусь, тебе лучше не говорить про нее ни одного грубого или мерзкого слова в воскресенье, да и в любое другое время. Я превращу твою жизнь в ад на земле, если ты попробуешь послушаться меня.

Двери лифта открываются, и я стремительно вылетаю из кабины, не дожидаясь ответа. Не знаю, чем я думал, когда связался с этой чокнутой, она ничем не отличается от других, такая же шлюха, которой нужны лишь статус и деньги.

Тридцать минут спустя, немного успокоившись, я внимательно рассматриваю витрину с цветами в местном продуктовом магазине. Сара занимается приготовлением ужина для меня и Блейк, но мне захотелось подарить ей букет и какую-нибудь особенную бутылку вина, чтобы показать, как мне не хватало ее присутствия в моем доме со мной. Просмотрев больше оттенков роз, чем я предполагал, существуют на свете, наконец, я останавливаюсь на двух дюжинах тех, сорт которых флорист называет «Импульс». Как бы они там не назывались, мне нравится, как их внешние лепестки темно розового цвета постепенно переходят во внутренние ярко-желтого. Они напоминают мне ее: темная защитная оболочка, скрывающая яркую, цветную сердцевину.

Когда я возвращаюсь к винному отделу, звонит мой мобильный, и, доставая его из кармана, я вижу, что это Блейк. Полагаю, что она звонит мне, чтобы предупредить, что уже едет ко мне домой.

— Привет, красавица, — отвечаю я.

По мне прокатывается волна возбуждения от предвкушения скорой встречи.

— Хмм, привет, это Мэдден? — отвечает чужой мужской голос.

Я, как вкопанный, останавливаюсь посреди дороги. Что за дерьмо?

— Да, это Мэдден. А с кем я разговариваю?

— Это Грег, друг Блейк, — говорит он дрожащим голосом.

Затем он начинает сбивчиво рассказывать, из его уст льется сумбурный поток информации.

— Она была здесь, в баре «У Тони» с Джей, и они уже уходили... Я-я не знаю, что произошло. Я вышел, чтобы забрать телефон, который оставил в машине, и нашел ее на парковке, лежащую без сознания. Я попытался привести ее в чувства, но единственное, что она сказала, было: «Мэдден», поэтому я пролистал телефонную книжку на ее сотовом и нашел ваше имя.

Ее друг Грег? Какого хера?

— Где вы находитесь? — ору я в трубку, забыв про вино.

Я пулей вылетаю из магазина, крепко зажав в руке неоплаченные цветы.

— В баре «У Тони» на бульваре Магнолия. Мы на парковке через дорогу напротив.

— Буду там через десять минут, — рываю я, залезая в машину и бросая букет на заднее сиденье. — Она ранена? Дышит? Она может говорить?

— П-похоже, она не ранена, только на ладонях немного содрана кожа, и да, кажется, она нормально дышит. Блейк едва в сознании, поэтому не думаю, что она может разговаривать по телефону. Она только все время снова и снова повторяет ваше имя.

Превышение скорости и украденные цветы на заднем сиденье волнуют меня меньше всего, пока я на всех парах мчусь к бару. К счастью, мне удастся добраться туда, не привлекая внимание полиции. Влетая на парковку, как сумасшедший, я тут же замечаю ее машину и паркуюсь рядом с ней настолько близко, насколько это возможно. Я выпрыгиваю из своего автомобиля и опрометью несусь туда, где Блейк без чувств лежит на коленях у какого-то парня. Пещерный человек внутри меня вырывает ее из его рук и крепко прижимает к своей груди.

— Все хорошо, Блейк, я здесь. Это Мэдден, я с тобой. Все будет хорошо, — успокаивающим голосом шепчу я, свободной рукой гладя ее по волосам.

Я чувствую, что, когда мои слова доходят до ее сознания, и она понимает, что это я, ее рука, лежащая на моей шее, напрягается.

— Мэдден, ты пришел, — слабо бормочет она. — У меня опять был... один из этих...

— Ш-ш-ш, не надо мне ничего объяснять. Сейчас ты со мной.

Парень стоит там, глаза на нас, и очевидно ждет объяснений тому, что происходит.

— Мужик, теперь я с этим разберусь. Спасибо, что позвонил, — благодарю я его, надеясь, что он догадается и оставит нас одних.

— С ней все будет хорошо? Что это было?

«Не твое долбаное дело, что это было», — так и хочется сказать мне ему, но я вспоминаю, что если бы не он, то Блейк, возможно, все еще лежала бы на земле.

— Время от времени с ней случаются приступы головокружения. Она будет в порядке, после того, как поест и хорошенько отдохнет.

— Ладно, понятно. У нее есть мой номер телефона, пожалуйста, передайте ей, чтобы она мне перезвонила. Я буду о ней беспокоиться. Она милая девушка.

Мой самоконтроль не выдерживает такого испытания.

— Я же сказал тебе, что с ней все будет нормально. Тебе не надо за нее волноваться, а ей не надо тебе звонить. Я позабочусь о ней, — рычу я, — и она моя милая девушка.

Я знаю, что похож на старомодного, властного придурка, но мне все равно.

Я несусь в свою машину и аккуратно устраиваю на пассажирское сиденье, решив оставить ее «Джетту» здесь на ночь. Если ее эвакуируют, я заплачу за нее штраф. Черт, в таком случае я куплю ей новую гребаную машину, мне только нужно забрать ее к себе домой. По дороге я звоню Саре, кратко обрисовывая ей состояние Блейк, и, благослови ее бог, она не задает никаких вопросов, просто делает все, что нужно, чтобы помочь нам. Видно невооруженным взглядом, как они привязаны друг к другу. Думаю, за то непродолжительное время, что я ходил на работу, оставляя их вдвоем, они нашли общий язык.

Сара ожидает меня у черного входа, когда я, прижимая к себе ослабевшее тело Блейк, подхожу к дому. К тому моменту, как я поднимаюсь вверх, в спальне на кровати уже расстелены полотенца, и я кладу ее, чтобы полностью оценить ее состояние. Внимательно изучив каждый сантиметр, я прихожу к выводу, что парень был прав: кроме нескольких

царапин на ладонях у нее нет никаких травм.

Она медленно начинает приходить в себя, явно сконфузившись от того, что видит вокруг себя, когда впервые открывает глаза. Я склоняюсь над ней, чтобы она смогла сфокусироваться на моем лице и понять, что находится в безопасности под моей защитой.

— Привет, Блейк, — мягко говорю я. — Ты у меня дома, сладкая девочка.

Сотрясаясь всем телом, она поднимает голову и оглядывает комнату, прежде чем сосредоточиться на моем взгляде.

— Мне так жаль, — шепчет она.

Когда она произносит эти слова, ее нижняя губа начинает непроизвольно дрожать.

— Нет, нет, пожалуйста, не говори так, — успокаиваю я ее.

Я поднимаю руку к ее лицу и глажу по щеке.

— Все хорошо. Я рад, что ты не пострадала, и что ты теперь со мной. Все будет хорошо.

Она наклоняет голову навстречу моему прикосновению.

— Все и было так хорошо. У меня ничего не было почти две недели, и я действительно думала, что все налаживается... что я избавляюсь от всего плохого.

— Медленно, но верно, сладкая девочка, — напоминаю я ей. — Ты отлично справляешься. Что бы это ни было, оно не исчезнет мгновенно.

Мне так сильно хочется спросить у нее, что же это, я схожу с ума, почти ничего не зная о ее прошлом и том ужасе, от которого она никак не может освободиться, но я пообещал, что не буду давить на нее, и не собираюсь терять ее доверие теперь.

После того как мы оба съели ужин, приготовленный Сарой, вернее ел я, а Блейк просто гоняла еду по тарелке, я наполнил для нас горячую ванну с пеной. Блейк была очень тихой и замкнутой, и я хотел, чтобы она почувствовала себя лучше. Ненавижу быть беспомощным, но, не зная, что с ней произошло и почему с ней случаются припадки, все, что мне остается, это только ласкать и поддерживать ее. Раздев нас обоих, я первым захожу в теплую успокаивающую воду и сажусь, а затем беру ее за руку, чтобы поддержать, когда она следует за мной. Уютно устроившись между моих ног, она откидывается мне на грудь и шумно выдыхает воздух из легких. И я почти тотчас же чувствую, как вместе с ним переходит в воду частичка ее скованности и напряжения. Зарывшись лицом в ее волосы, я, не шевелясь, нежно целую ее во впадинку на шее. Моя главная цель заставить ее расслабиться.

— Я была замужем прежде, — просто говорит она, прерывая несколькими минутами спустя наше молчание.

Это откровение застает меня врасплох, тысячи вопросов крутятся у меня в голове, но я не задаю ни одного из них. Я поклялся, что мы будем двигаться вперед в ее темпе.

— Я была молодой и наивной. Он баловал и лелеял меня, а в семнадцать лет это многое значит, он обращался со мной, как с принц... — она мотает головой, не закончив фразу. — Он обманул меня, заставив поверить, что был одним человеком, хотя на самом деле оказался совсем не таким, а к тому времени, когда это выяснилось, я уже слишком глубоко увязла.

Пока она говорит, я вожу подушечками пальцев вверх и вниз по ее худым рукам с выдающимися наружу костями. Несмотря на бесчисленное количество эмоций: ярость, смущение, бессилие, ревность, пульсирующих по моим венам, я пытаюсь успокоить и поддержать ее.

— Из-за него у меня случаются припадки, и, хотя его уже нет, они не оставляют меня. Я не могу от них убежать. Иногда воспоминания вызывает какая-то глупая мелочь, иногда я вижу их во сне. Я никогда не знаю, когда это произойдет. Именно поэтому я не люблю

посещать никакие мероприятия и вообще выходить из дома.

Я продолжаю гладить ее руку и водить носом по впадинке на ее шее, от моих движений теплая вода плескается вокруг наших тел. Она больше не выдает никакой информации, а я не уверен в том, можно ли задавать еще вопросы. Я решаю не спрашивать о ее муже напрямую, а узнать о ее лечении.

— Ты получала врачебную помощь?

Горький смех доносится из ее горла.

— Лучшие психиатры страны не смогли привести меня в порядок, максимум, что им удавалось, это накачать меня лекарствами настолько, что я чувствовала себя, как зомби.

— Но что-то же должно тебе помогать?

— Да. Это ты, — говорит она тихим шепотом, еще плотнее прижимаясь ко мне спиной.

Мое сердце трепещет от ее ответа.

— Как это? — выдыхаю я ей в ухо.

— Я не знаю. Понимаю, что это звучит глупо, но, когда я с тобой, я не вспоминаю много о прошлом, просто думаю о том, чтобы быть собой... собой рядом с тобой.

— Я думаю о нас, — отвечаю я и мягко прикусываю нежную кожу под ее ушком.

Уверен, что это моя любимая часть ее тела.

С ее уст слетает короткий стон, и она откидывает голову на мое плечо. Мой член дергается под ее мягкой попкой. Изначально я совсем не предполагал какую-либо сексуальную подоплеку, но то, как она стонет, как ее обнаженное тело вспыхивает рядом с моим... Я не могу сдержать естественный, природный отклик своего тела.

— Отнеси меня в кровать, Мэдден, — умоляет она. — Заставь меня забыть. Освободи меня снова.

Ей не надо просить меня дважды.

На следующее утро я просыпаюсь и впервые за три ночи ощущаю, как обнаженное тело моей сладкой девочки крепко прижимается к моему, от этого я чувствую себя счастливым. Лучше и быть не может. К черту Лейтон. К черту Эмерсон. К черту бывшего мужа Блейк. К черту любого, кому не нравится, что мы вместе. Мы оба в прошлом принимали дерьмовые решения, нас обоих предавали люди, которые должны были любить, но для меня все самое главное теперь здесь и сейчас. Она. Я. Мы.

Я удивляюсь тому, что, после того как прошлой ночью столько раз кончил, мой член в принципе проснулся, но, как только она зашевелилась и потерлась своей попкой об меня, он опять тверд и готов к продолжению. Немного опустив бедра так, чтобы его кончик был напротив ее сладкой киски, я трусь, проводя несколько раз головкой вверх и вниз от ее клитора до тесного входа, прежде чем медленно скользнуть внутрь.

Она не открывает глаза, но по тому, как выгибает спину, встречая мои размеренные толчки, я понимаю, что она проснулась. Одной рукой я хватаю ее за талию, пока другая запутывается в ее обесцвеченных локонах. Я мечтал бы снова увидеть ее с натуральными темными волосами, как на фотографии, спрятанной в моем столе, но, так как она не знает, что я ее видел, мне приходится молчать об этом.

Нежное урчание вырывается из ее рта, и мое внимание возвращается обратно к тому,

что есть у меня сейчас. Постепенно я увеличиваю темп, до тех пор, пока мы оба довольно быстро не достигаем края. Я провожу рукой вверх, кладу ладонь на низ ее живота и немного нажимаю, чтобы обеспечить идеальный угол проникновения, и мой член терся бы об ее внутреннюю стенку.

— Кончи со мной, Блейк, — хрипло рычу я.

Ее маленькие ручки хватаются за простыню, и она сжимает ткань в кулаках, когда мы взрываемся вместе, выкрикивая имена друг друга. Это каждый раз само совершенство.

После мы тихо лежим, пока наши тела приходят в себя, возвращаясь с высот восторга, и тогда она переворачивается, чтобы с шаловливой усмешкой взглянуть на меня.

— Доброе утро, — говорит она, сонно зевнув, — какой чудесный способ просыпаться.

Я наклоняюсь и целую ее в кончик носа.

— Самый лучший, моя сладкая девочка, но нам нужно вставать, идти в душ и есть, потому что сегодня мы отправляемся в «Мэджик Маунтин».

— «Мэджик Маунтин»? — спрашивает она, прелестнейшим образом сморщив носик. — Что это?

— Тематический парк с кучей американских горок и жирной еды, где мы можем вести себя, как самые невоспитанные дети, и никаких забот.

Я щипаю ее за попку, заставляя взвизгнуть.

— А теперь поднимайся, цветочек. Я хочу приехать туда к открытию.

Выбираясь из-под простыней с глупой улыбкой, приклеенной к лицу, она несколько раз подпрыгивает на кровати, прежде чем спрыгнуть на пол и вприпрыжку побежать в ванную комнату.

— Я буду готова через тридцать минут.

Я беру из гардеробной свои вещи и собираюсь пойти в комнату для гостей, чтобы там принять душ, когда звонит мой телефон. Я со стоном хватаю его со своей тумбочки и вижу, что это Истон. А кто же еще, твою же мать, это может быть!

— Что теперь не так? — резко спрашиваю я.

— И тебе доброе утро, дорогой брат, а почему ты решил, что что-то не так? — спрашивает он.

— А почему еще ты бы стал мне звонить в полдевятого утра в субботу, Истон?

Он молчит, тем самым подтверждая мои предположения.

— Что тебе нужно? — снова спрашиваю я.

— Я задолжал Кабиновым три сотни штук, и они дали мне две недели, чтобы вернуть долг.

Триста тысяч долларов?! Он на хер шутит?!

Придя в бешенство от его безответственности и пренебрежения к окружающим, я решаю, что с меня хватит, я выхожу из игры.

— Я не знаю, кто такие на хер Кабиновы, но извини, брат, ничем не могу тебе помочь. На этот раз тебе придется найти другой способ.

— Как это не сможешь? О чем ты говоришь? У тебя есть деньги... дай мне займы, я тебе верну. Клянусь.

Крепко зажмурив глаза, я качаю головой, собираясь сделать то, что должен.

— Мне действительно жаль, Истон, но нет. Пришло время для тебя самому научиться разгребать свое дерьмо.

Я вешаю трубку и иду в душ с твердым намерением не позволить ему испортить мои

выходные с Блейк.

Глава тридцатая

I Can't Not Love You ~ Every Avenue

Блейк

В воскресенье утром я просыпаюсь оттого, что у меня болят мышцы и ноют ноги, после того как мы с Мэдденом целый день провели в «Мэджик Маунтин». Там было все, что он обещал, и даже больше. Мы переходили с одного аттракциона на другой и прыгали, вертелись, кружились, падали вниз, спускались с горок по спирали на внушительных скоростях до тех пор, пока я не удостоверилась, что мой желудок крепко застрял где-то у меня в горле. У меня сводило щеки судорогой от не сползающей целый день с лица улыбки. Мы ели пиццу, попкорн, крендельки, и я даже первый раз в жизни попробовала «Муравейник». Кто бы мог подумать, что жареное во фритюре тесто, уложенное в форме гнезда, политое сверху карамелью и посыпанное сахарной пудрой, окажется таким вкусным?!

Этот день был похож на тот, что мы провели на пирсе Санта-Моники, только в тысячу раз лучше. Нам было так хорошо вдвоем, что мы смогли расслабиться и вели себя, как беззаботные дети. Не единожды мне казалось, что за мной кто-то следит или преследует меня, поэтому было так здорово отпустить все тревоги и просто наслаждаться моментом. Я уже не могу дождаться, когда мы поедем туда снова.

Тем не менее, сегодня я вся на нервах, потому что наступил тот самый день знакомства с родителями. Я абсолютно к нему не готова, и до сих пор не бьюсь в истерику только потому, что задвигала мысли об этой дате подальше в своей голове, заставляя себя не беспокоиться о ней до... ну... до сегодняшнего дня. Я волнуюсь, что они подумают, что я не достаточно хороша для их сына: не достаточно взрослая, не достаточно богатая, недостаточно красивая, да и в целом не очень. Потому что в глубине души иногда я сама себя спрашиваю, подхожу ли я Мэддену. Я знаю, что его не беспокоит, что я стою ниже его по социальной лестнице, и он считает меня красавицей, несмотря на то, что в глубине души я стыжусь своего обмана относительно моей внешности, но я переживаю, что подумают другие о нашей разнице в возрасте и о том, что я могу ему дать.

— Давай я угадаю, что у тебя на уме, — бархатный тембр Мэддена прерывает мою маленькую внутреннюю паническую атаку, которая настигла меня за завтраком.

Я резко понимаю глаза от стола, на который пялилась, бог знает сколько времени, и встречаюсь с его понимающим взглядом.

— Пожалуйста, перестань волноваться, — умоляет он.

— Ничего не могу с собой поделаться, — ною я. — В котором часу мы выходим?

— Около полудня.

Я смотрю на часы над духовкой, отмечая для себя, что мне осталось сходить с ума от беспокойства чуть больше часа.

— Могу предложить тебе кое-что, чтобы выбросить на время все из головы, — поддразнивает он, покачивая бровями, и трется ногой под столом об мою ногу.

Я бросаю в него салфетку, пытаюсь не захихикать.

— Ты ненасытен, тебе об этом известно?

Он кивает и улыбается.

— Ты делаешь меня таким, и потом, мне же надо как-то поддерживать форму, потому что, с тех пор как мы встретились, я был в спортзале ровно два раза.

Откидываясь назад на стуле он, смеясь, похлопывает себя по идеальному прессу так, как будто у него там огромное пивное пузо.

— Мой обмен веществ уже не тот, что раньше.

— О, ш-ш-ш, — я встаю со стула и иду к раковине, чтобы помыть свою тарелку. — Старик, мне пора начать собираться.

Я пытаюсь сдержаться, чтобы самой не засмеяться над тем, как его назвала. Звук ножек стула, скрежещущих по полу, предупреждает, что Мэдден приближается ко мне, поэтому я срываюсь с места и бегу вверх по лестнице. Едва моя левая нога достигает верхней ступеньки, сильные руки хватают меня за талию и поднимают в воздухе, когда Мэдден перекидывает меня через плечо и шагает в спальню, пока я всю дорогу ерзаю и пинаюсь.

— Старик, да? — спрашивает он, шутливо бросая меня на кровать.

Он начинает безжалостно щекотать меня до тех пор, пока от смеха у меня не начинают болеть ребра.

— Я покажу тебе, что этот старик может сделать с твоей молодой задницей.

— Убери от меня руки, ты, извращенец! — пронзительно кричу я, хватаю подушку и бью его ею.

Подхватив мою идею, он берет другую подушку, и щекотка превращается в настоящий бой. Мы бегаем по комнате, прыгаем на кровати и бьем друг друга перьевыми снарядами, а потом валимся от безудержного смеха на постель.

В конце концов, уgomонившись, я залезаю на него, и, садясь ему на живот, наклоняюсь и мягко целую его.

— Мне правда пора одеваться, но я буду счастлива, если ты сегодня вечером покажешь мне, что ты можешь сделать с моей молодой задницей.

Из его рта вырывается полустон-полурычание, которое резонирует прямо у меня между ног. Взяв зубами его нижнюю губу, я нежно посасываю ее и слегка трусь об его упругий живот.

— Блейк, — предупреждает он, — не дразни меня тем, что я не могу иметь прямо сейчас.

Я поспешно спрыгиваю с него и с кровати и, соблазнительно покачивая бедрами, иду к ванной, зная, что он наблюдает за тем, как виляет мой зад. Прежде чем исчезнуть за дверью, я оглядываюсь на него через плечо и говорю:

— Прошу прощения, сэр. Я отдам вам ваш подарок на день рождения сегодня вечером.

— Перестань дергаться, — говорит Мэдден, кладя свою ладонь поверх моей.

— А как, скажи на милость, мне не беспокоиться? Мало того, что я должна буду познакомиться с твоими родителями, так еще мне придется это делать в купальнике в окружении остальных членов семьи и твоих друзей, которых я даже не знаю.

— Блейк, там все будут в купальниках, — он отводит взгляд от дороги и быстро с голодной улыбкой окидывает глазами мое тело, — но никто из них не выглядит так потрясающе, как ты.

Я закатываю глаза, и сосредоточенно смотрю вперед. Под синим сарафаном, длиной до пят, на мне скрывается черное бикини, надетое по настоянию Мэддена, хотя я хотела просто взять его с собой на случай, если придется окунуться в бассейн. С тех пор, как я узнала, что это будет вечеринка у бассейна, я молча молилась о дожде, но, выглянув в ветровое стекло и увидев голубое небо, стало понятно, что мои молитвы остались без ответа. По крайней мере, мои шрамы уже почти не заметны.

Он поднимает мои руки к своим губам, мягко целуя каждую из них.

— Мы почти приехали. Держись рядом со мной, и я всем тебя представлю. Обещаю, они все будут очень милыми.

Несколько минут спустя мы останавливаемся возле прекрасного дома, который со своей бежевой штукатуркой, оранжевой черепичной крышей и аккуратными зелеными насаждениями выглядит, как увеличенная версия дома Мэддена. На подъездной дорожке и напротив здания уже стоят пять или шесть машин, на которых, как я полагаю, приехали гости на праздник. Мы оба выходим из машины, и он сразу же крепко хватает меня за руку и ведет мимо входа прямо на задний двор. Едва мы ступаем в уединенный оазис, как видим идущую прямо на нас женщину, которая, без сомнения, является мамой Мэддена.

— Мэдден, вот и ты, — зовет она, двигаясь к нам. Ее светлые волосы уложены в элегантный овальный пучок, а глаза точно такого же оттенка голубого, как у сына. Она одета так же, как я: на ней длинный цветной сарафан, а из-под него виднеются веревки купальника, завязанные вокруг шеи.

— Привет, мам, — здоровается он, тепло ее обнимая.

Когда они отрываются друг от друга, он представляет меня:

— Я хотел бы познакомить тебя со своей девушкой, Блейк, — говорит он, кладя руку мне на талию. То, что он использовал слово «девушка» в сочетании с физическим контактом помогает немного снизить мой бегущий вскачь пульс.

Я вежливо улыбаюсь и протягиваю ей руку.

— Приятно с вами познакомиться, миссис Декер. Большое спасибо за то, что пригласили меня к себе домой.

Она смотрит вниз на мою руку, а потом обратно на лицо, а затем с широкой улыбкой делает шаг в мою сторону и заключает меня в объятия. Испугавшись неожиданного жеста, я немного задерживаю дыхание, прежде чем обнять ее в ответ. Мне слышно, как Мэдден легонько посмеивается над моей реакцией.

Отпустив меня, она, все еще улыбаясь, делает шаг назад и говорит:

— Так здорово, наконец, встретиться с тобой, Блейк. Наш Мэдден так высоко о тебе отзывается, что мы с его отцом с нетерпением ждали нашего знакомства, но он не рассказывал нам, какая ты потрясающая.

Взяв меня за руку, она слегка тянет меня за собой.

— Пойдем. Я хочу тебя всем представить.

Ошеломленная ее великодушным приемом, я позволяю ей увести себя, мои нервы еще немного успокаиваются. Я оглядываюсь на Мэддена, широко раскрыв от удивления глаза, а он просто с застенчивой улыбкой пожимает плечами. Я убью его позже.

Около часа спустя, пока мама Мэддена водила меня за собой по всем закоулкам, называя имя за именем, а я пыталась всех их запомнить, совмещая имя с человеком, я познакомилась почти со всеми на празднике, включая мистера Декера. За последние пару лет я поднаторела в запоминании лиц, поэтому, к концу нашего путешествия, я добавила к

себе в память свыше двадцати новых. Как и миссис Декер, которая настояла, чтобы я звала ее Мэллори, большинство присутствующих чрезвычайно милы, заставляя меня чувствовать себя легко и непринужденно. То тут, то там было несколько фальшивых улыбок, в основном от молодых женщин, но, в общем, ничего, о чем стоило бы слишком волноваться.

Все это время я чувствовала на себе взгляд Мэддена, полагаю, если бы понадобилось, он был готов прийти мне на помощь, но к тому времени, когда я вернулась к нему, я чувствовала достаточный повод для гордости. Как только я оказываюсь от него на расстоянии вытянутой руки, он крепко хватает меня за талию и нежно прижимает к себе. Не беспокоясь о том, что может привлечь внимание публичным проявлением чувств, он наклоняется и прижимает свои губы к моим в неистовом поцелуе.

— Я скучал по тебе, — стонет он мне в рот. — Ты не должна была отходить от меня.

Я в шутку хлопаю его по груди и мягко смеюсь.

— Ты не очень-то старался спасти меня, когда твоя мама меня похитила.

— Она тебя не похищала, сладкая девочка. Я каждую секунду знал, где ты находишься. Я наблюдал за тобой, чтобы прийти на помощь, если тебе понадобится, — утверждает он, продолжая покусывать мои губы.

Мое внимание привлекает громкий шум с другой стороны двора, так что я отрываю губы от Мэддена, чтобы увидеть большой выход Истона и Эмерсон. Пока я так и не поняла, какие отношения их связывают. В офисе она его помощник, а, основываясь на том, чему я была свидетелем в тот вечер, когда принесла Мэддену ужин, без риска можно сказать, что их связь больше, чем чисто профессиональная. Они вместе были на благотворительном вечере, и теперь снова пришли вдвоем, что должно было навести меня на мысль, что они — пара, но она не пытается скрыть неприязнь ко мне, и я не понимаю, почему.

— Цирк приехал, — тихо ворчит Мэдден.

Я оборачиваюсь, чтобы спросить его про нее и Истона, но пронзительный голос Эмерсон разрезает воздух прежде, чем мне удастся это сделать.

— А вот и наш именинник, — вопит она, оставляя Истона, и бросается в ту сторону, где стоим мы с Мэдденом, практически отталкивая меня со своего пути, чтобы положить руки ему на шею.

Стараясь не показаться откровенно грубым, Мэдден отдирает их и выжимает из себя скупую улыбку.

— Эмерсон, я тоже рад тебя видеть. Спасибо, что позаботилась о том, что мой брат здесь.

Я поворачиваю голову к Истону, который бросает на старшего брата пренебрежительный взгляд, а затем, развернувшись, уходит в противоположном направлении, чтобы поговорить с кем-то из гостей. Я не уверена, что понимаю, что происходит, но напряжение между ними очевидно, и я делаю мысленную пометку позже спросить об этом у Мэддена. К счастью, Эмерсон зовет одна из молодых женщин, и она, порхая, идет к ней через лужайку.

Мэллори объявляет, что все почти готово, и я следую за Мэдденом к буфетному столу, установленному посреди крытого патио. Мы оба заполняем тарелки ароматной едой и находим место, чтобы присесть рядом с другими гостями. Разговор легко протекает за столом, и я замечаю, что великолепно провожу время. Я впервые вижу Мэддена в кругу его друзей, обычно вне офиса мы проводили время только вдвоем. Его очарование и легкость в общении, как всегда, видны невооруженным взглядом, и все вокруг него наслаждаются его

дружеским подшучиванием и непринужденностью.

Закончив еду, я удаляюсь в дамскую комнату, в основном для того, чтобы помыть руки и проверить, не застряли ли у меня между зубами остатки пищи. Следуя указаниям Мэддена, я проскальзываю в заднюю дверь и, совсем не удивляясь великолепно декорированному интерьеру дома его родителей, прохожу по коридору. Я быстро привожу себя в порядок и направляюсь обратно к той же двери, через которую я вошла, чтобы присоединиться к Мэддену снаружи. Подходя ближе к кухне, я слышу два женских голоса, они звучат приглушенно, но, тем не менее, можно разобрать отдельные слова, и я тут же узнаю в одном из них голос Эмерсон. Я знаю, что мне надо продолжить свой путь и не подслушивать, но любопытство берет верх, и я на цыпочках бесшумно подхожу настолько близко, чтобы хорошо слышать их разговор, оставаясь при этом вне поля зрения. Я надеюсь узнать, что происходит между Мэдденом и Истоном, так как считаю, что Эмерсон хорошо об этом осведомлена, по крайней мере, лучше меня, хотя мне и неприятно это признавать.

— Я совсем запугалась, — говорит незнакомый голос. — Зачем ты пришла с Истоном? Я думала, что ты встречаешься с Мэдденом? Кто эта новая девушка?

Мой желудок мгновенно сворачивается в тугий узел, и, хотя голова приказывает уходить и не слушать дальше эту беседу, я не могу.

Эмерсон смеется раздражающим стервозным гоготанием.

— Истон это просто развлечение, мы с самой старшей школы знали, что это просто секс, и таковым он и останется. Мы можем работать вместе и регулярно трахаться, и это нас обоих устраивает. С другой стороны, Мэдден... — ее голос на минуту умолкает. — ... Я думаю, у него кризис среднего возраста из-за того, что случилось с их отцом, и потому что ему пришлось взять на себя руководство компанией, вот он и нашел себе маленькую девочку, чтобы поиграть. Я полагаю, что это тешит его самолюбие.

— Но что происходит между вами двумя? — спрашивает другая девушка.

— Уверена, что как только он устанет изображать из себя папочку, он вернется. Стоит ей только узнать, какой он извращенец в постели, когда он попросит Истона к ним присоединиться, как она убежит, только ее и видели. Я удивлена, что она вообще задержалась так надолго с одним из братьев Декер. Никакой речи не идет о том, что она справится с ними обоими.

Я тихо поворачиваюсь на пятках и бросаюсь обратно в дамскую комнату, чтобы освободить свой желудок от всей только что съеденной еды. Все мое тело дрожит от того, что я только что услышала. В голове роятся вопросы, которые только продолжают множиться. Мэдден с братом делили девушек? Он планирует проделать это со мной? Зная, как его расстроило безответственное поведение Истона, я не могу поверить ни в то, ни в другое. Так вот почему они поссорились? Из-за того, чтобы разделить меня? Мои вздохи становятся все более короткими, и я чувствую, что начинаю задыхаться. Подойдя к раковине, я плескаю на лицо холодную воду и полощу рот, но ничего не помогает.

— Блейк, ты здесь? — голос Мэддена проникает сквозь стену, пока он стучит в дверь. — Тебе плохо?

Я не могу ему ответить. Я понятия не имею, что сказать. Мне надо выбираться отсюда.

— Блейк, открой дверь, — он стучит громче. — Я беспокоюсь за тебя.

Я не хочу, чтобы он позвал еще кого-нибудь на помощь, а если я не открою дверь, то это обязательно произойдет. Я медленно тянусь к ручке и поворачиваю ее, впуская его в маленькую комнатку. Он влетает, смотрит на меня и понимает, что что-то не так.

— Что случилось, сладкая девочка? Тебе плохо? Что-то спровоцировало приступ? — спрашивает он, закрывая за собой дверь в ванную и запирая ее на ключ, прежде чем прижать меня к себе.

— Нет, — отвечаю я, не в силах поднять на него глаза, мое тело все еще дрожит.

Он гладит меня по волосам, пытаюсь успокоить.

— Что тогда? Пожалуйста, расскажи мне, что случилось.

— Я-я, ох, подслушала один разговор о тебе... и обо мне, — признаюсь я.

— Кто это был? О чем они говорили? — его низкий голос резонирует в окружающем закрытом пространстве.

Я освобождаюсь из его объятий и испытующе смотрю на него. Даже если он бросит меня, я решаю, что тем более должна пересказать ему, что слышала.

— Это была Эмерсон. Она рассказывала какой-то другой девушке, что, после того, как ты перестанешь изображать из себя со мной папочку, и я откажусь трахаться с вами двумя, с тобой и с Истоном, ты прибежишь обратно к ней.

С каждым слетающим с моих уст словом, я все больше прихожу в ярость, пока, наконец, не начинаю молотить кулаками по его груди, захлебываясь в истеричных рыданиях.

— Как ты мог не сказать мне об этом? Ты думаешь, что я игрушка?

Обеспокоенность в его глазах быстро превращается в неистовый гнев, несмотря на это, вместо того, чтобы повысить голос, он произносит отчаянным шепотом:

— Блейк, посмотри на меня и внимательно послушай все, что я скажу. Я никогда не врал тебе раньше и не собираюсь начинать делать это сейчас.

Слезы не останавливаются, так же как и безумное биение моего сердца, но звучащая в его голосе убежденность и мольба в глазах заставляют меня поверить в то, что он говорит. Не отрывая от него взгляда, я киваю.

— Помнишь, я тебе рассказывал о том, как обнаружил, что моя невеста мне изменяет? Так вот, все то время, что мы были вместе, она спала с Истоном. Когда это все произошло, у меня было разбито сердце, я был опустошен и даже больше, я был переполнен ненавистью и презрением к брату. В ужасной мальчишеской попытке отомстить ему, я стал спать с Эмерсон, потому что думал, что она для него что-то значит. Вскоре я узнал, что они просто трахаются и больше ничего, и ему абсолютно все равно, что я тоже ее трахаю. Потом мы все как-то были на очередном празднике у моих родителей и напились до поросычьего визга и, ну... одно за другим.

Он протянул руку, чтобы дотронуться до меня, но я резко отпрянула от его прикосновения.

— Я хочу узнать конец истории, — потребовала я сквозь стиснутые зубы.

— Это случилось около восьми лет назад, я полагаю, и с тех пор она просто прыгала туда и обратно между нашими постелями. Еще несколько раз мы оказывались вместе в одной кровати, но этого не было уже больше года. Я знаю, что это звучит дерьмово... этого не должно было случиться, но случилось. Потом, около года назад, я начал встречаться с одной девушкой по имени Полли. Мы познакомились случайно, по крайней мере, я так думал. Она считала наши отношения более серьезными, чем они на самом деле были, и стала вести себя, как ненормальная, преследовать меня. Поэтому, чтобы отделаться от нее, мы с Эмерсон притворились, что встречаемся. Мы стали гораздо больше времени проводить вместе, она сказала мне, что прекратила спать с Истоном, на что мне в действительности было наплевать. Она была и всегда оставалась просто удобной подругой, я знаком с ней с

детства. У меня никогда не было к ней серьезных чувств. Это совсем не похоже на то, что есть у нас, на то, что происходит между нами.

Мы стоим и смотрим друг на друга, оба сознавая, что это ключевой момент в наших отношениях. Я верю ему, правда, верю, но никак не могу прийти в себя от всей этой истории. Положа руку на сердце, я не могу злиться на него за то, что он не рассказал мне о своем прошлом, ведь я сама даже не дала взглянуть ему на свое хоть одним глазком. Хотя все это в целом выглядит достаточно дерьмово, но все, что он так красочно изложил, и в подметки не годится аду моей личной истории.

— Ты хочешь разделить меня с Истоном? — хриплым шепотом спрашиваю я.

Мэдден берет меня и сажает на столешницу, затем, встав между моими ногами, обрушивается на мои губы своими, заклеив меня этим единственным поцелуем.

— Я принадлежу тебе, ты принадлежишь мне. Я не хочу тебя ни с кем делить. Никогда. И не хочу, чтобы ты меня с кем-то делила. Все, что нам нужно, это мы сами, — он втягивает в рот мою нижнюю губу, зарываясь пальцами в мои волосы. — Только ты и я, моя сладкая девочка. Навсегда.

Мое дыхание прерывается, когда к моему лону приливает поток влаги. Я не знаю, как этот мужчина это со мной делает, но я не хочу, чтобы он останавливался. Он прижимает свой член к моей киске, заставляя меня хныкать в его рот.

— Поговори со мной, Блейк. Расскажи мне, о чем ты думаешь. Я не хочу потерять тебя. Я не могу потерять тебя.

— Я в порядке. Я никуда не уйду. Ты просто застал меня врасплох, и теперь я понимаю все косые взгляды Эмерсон.

— Она ничего для меня не значит, — он прижимается лбом к моему лбу, и мы тонем в жарких взглядах друг друга. — Ты... ты значишь для меня все. Я без т...

Я обрываю его, прижавшись к нему губами. Это не то, что я хочу слышать прямо сейчас. Не так.

Скоро наши поцелуи прерываются стуком в дверь, и когда мы понимаем, что увидев нас сейчас, все точно подумают, что мы улизнули с вечеринки ради небольшого перепиха, мы оба начинаем хихикать. К счастью, это оказывается друг Мэддена, ждущий с другой стороны двери, когда мы выйдем. Когда мы проходим мимо него, он начинает смеяться, и они с Мэдденом по-дружески сталкиваются кулаками. Если бы это были его мама или папа, я бы сгорела со стыда, но сейчас просто лениво улыбаюсь, как кошка, наевшаяся сметаны.

Остаток праздника мы проводим, не отрываясь друг от друга. Он хочет сказать что-то Эмерсон, но я умоляю его этого не делать. Я не хочу оказаться в центре скандала или конфронтации, особенно впервые придя с ним на семейное торжество. Пока между нами все хорошо, мне больше ничего не надо. Я также узнаю, что Истон играет с ним в молчанку, потому что он отказался оплатить один из его игорных долгов, и хотя я представляю, насколько ему трудно было сказать нет, я чрезвычайно им горжусь.

Когда солнце постепенно заходит за близлежащий каньон, праздник потихоньку заканчивается, и все начинают разъезжаться. Истон с Эмерсон уходят первыми. Попрощавшись и поблагодарив всех за присутствие, мы с Мэдденом возвращаемся к нему домой. Так как завтра будет рабочий день, то я планировала поехать к себе, но после того, что случилось сегодня, я легко позволяю ему уговорить себя остаться с ним еще на одну ночь.

В своей обычной манере Мэдден руками и ртом боготворит каждый сантиметр моего

тела, подводя меня к краю и, раз за разом, отступая, заставляет меня умолять, чтобы его член дал мне разрядку, в которой я нуждаюсь. К тому моменту, когда он кончает, я бросила считать подаренные им потрясающие оргазмы. Он быстро избавляется от презерватива, затем уютно устраивается рядом со мной, и меня убаюкивает равномерный стук его сердца. Когда я погружаюсь в блаженный сон, он целует меня в лоб и шепчет:

— Я не могу не любить тебя, моя сладкая девочка.

Глава тридцать первая

Name ~ The Goo Goo Dolls

Блейк

В следующие недели, после вечеринки в доме родителей Мэддена, мы с ним погружаемся в повседневную рутину. В течение рабочих дней я остаюсь в своей квартире, так как мы по горло заняты на работе. Иногда мы вместе обедаем, чтобы совсем не отдалиться друг от друга, но в основном до вечера пятницы мы перезваниваемся и переписываемся по телефону. Как только я в пятницу заканчиваю работу, то сразу направляюсь прямо к нему домой и остаюсь там до утра понедельника, когда мне опять надо на работу. Мы проводим время, гуляя по разным местам и катаясь по калифорнийскому побережью, а также исследуя вещи, которые можем проделывать друг с другом в постели. Не важно, чем мы занимаемся, он знакомит меня с той жизнью, о которой я уже и не мечтала — свободной, счастливой жизнью.

Как-то в пятницу днем считая часы до того момента, когда смогу сбежать из офиса и приехать к нему домой, я неожиданно получаю от него сообщение.

«Сегодня вечером у меня для тебя сюрприз».

«Я вышлю за тобой машину к тебе в офис к 18:00».

«Я сейчас уйду на переговоры, меня не будет до конца дня. Увидимся».

Взбудораженная тем, что он запланировал для нас нечто особенное, я быстро отвечаю.

«Окей. Буду ждать. Скучаю».

Мне немного не понятно, почему он заберет меня с работы, а не из моей квартиры, и почему бы ему просто не подождать, когда я приеду к нему домой, но мой восторг по поводу сюрприза перевешивает любые вопросы. Уверена, у него есть для этого причины.

За несколько минут до того, как наступит шесть часов вечера, я беру сумочку, телефон и желаю Джей хороших выходных. Она напоминает, чтобы я отписалась ей сразу, как только у меня появится возможность, что это оказался за большой сюрприз, и обнимает меня на прощание. Мне кажется, что лифт сегодня едет медленнее, чем обычно, пока я стою и жду его, чувствуя, что меня разорвет от предвкушения. Наконец, я выхожу из его кабины и бросаюсь к выходу из здания. Напротив входа меня дожидается черный лимузин с водителем, стоящим у пассажирской двери. Я подхожу к мужчине, он мне любезно улыбается.

— Мисс Мартин, я полагаю? — спрашивает он.

Я киваю, он открывает передо мной дверь, и я проскальзываю на роскошное черное кожаное сиденье. Как только я оказываюсь в машине, он захлопывает ее за мной, и я оборачиваюсь, ожидая увидеть рядом с собой Мэддена, но вместо него меня приветствует знакомая кривая ухмылка:

— Ну, привет, Блейк. Или правильнее сказать Брайли?

Я в панике поворачиваюсь и бросаюсь к ручке, чтобы выбраться из машины, но резкий

укол в шею останавливает меня прежде, чем я успеваю ухватиться за рычаг.

После меня поглощает тьма.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Город ветров — термин применяемый к Чикаго, впервые город был так назван в статье в Chicago Tribune за 1858 год.

S63 — мерседес.

Техасский холдем — самая популярная на сегодня разновидность покера, игра с двумя карманными и пятью общими картами, используемыми всеми игроками при составлении комбинаций.

Предполагаемые оддсы — термин, применяемый в покере и означающий отношение между суммой, которую вы можете выиграть, и суммой, которую вы должны для этого заплатить. Сумма, которую вы можете выиграть, — это деньги, которые в данном случае уже находятся в банке.

Дырявый стрит — покерная комбинация, в которой не хватает одной карты до стрита внутри самой комбинации, например, 5♠ 6♣ 8♥ 9♠.